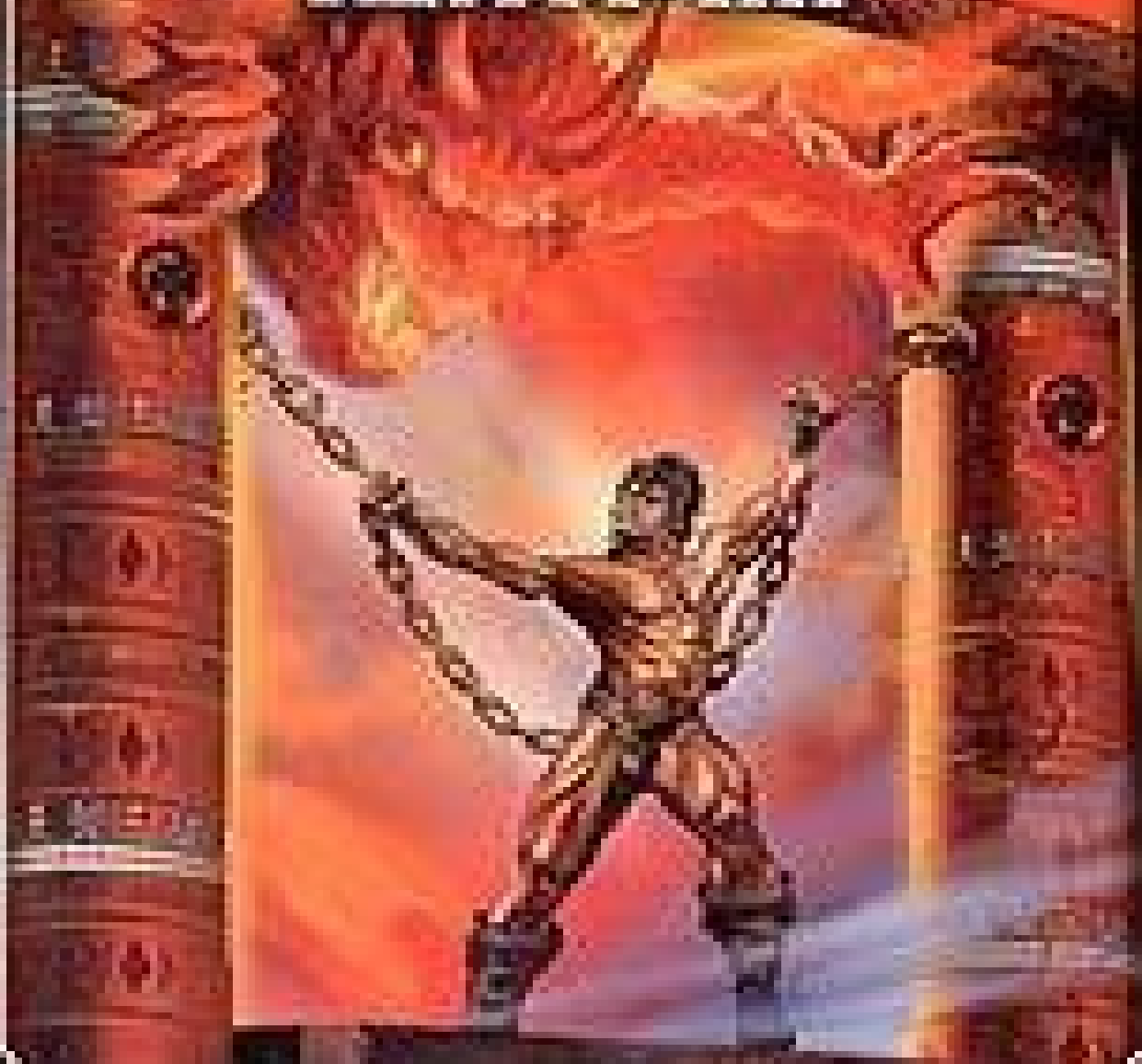

СЕРИЯ «СЕРИИ»

КОНАН И ЛЕГЕНДА ЛЕМУРНИ

Annotation

Неугомонный киммериец ни единого дня не может прожить без приключений. Вместе с Ночными Стражами — профессиональными охотниками на нечисть — он отправляется в далекое прошлое, во времена таинственного Роты-всадника, в поисках разгадки кровавой тайны. А по возвращении в Хайборию его захватывает водоворот еще более удивительных событий...

Санкт-Петербург, «Северо-Запад», 2004, том 94 «Конан и Легенда Лемурии»
Керк Монро. Твердыня полуночи (роман), стр. 5-184

- [Керк Монро](#)
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
-
-

Керк Монро

Твердыня полуночи

**(Санкт-Петербург, «Северо-Запад», 2004, том 94
«Конан и Легенда Лемурии»)**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В которой Ночные Стражи разговаривают о событиях древности и размышляют об окружающих их загадках

*Полуночная Бритуния, герцогство Райдор,
Лето 1285 года по календарю Аквилонии.*

— Конан, ты работаешь с нами половину лета, но доселе ведешь себя, как ребенок. Свет, Тьма, злая и добрая магия, плохие и хорошие волшебники... По большому счету — все это чепуха, только детей пугать. Мир устроен гораздо более сложно и делить его на две половинки — черную и белую — не имеет смысла. Вселенная многоцветна, даже Тьма имеет свои оттенки, которые можно различить...

— Это точно. Вполне различаю. Один из таких оттенков сидит напротив тебя и глодает кость, — с непередаваемым сарказмом ответил киммериец, и покосился на огромную серовато-бурую тушу, ворочавшуюся в дальнем углу пещеры. — Очень надеюсь, что этот мосол — не человеческий.

— Успокойся, — усмехнулся Эйнар. — Наш безмозглый дружок доедает оленя, которого поймал в горах этим вечером... И потом, ты снова находишься в плену предрассудков! Да кто тебе сказал, будто горные тролли были порождены тем, что люди называют словом «Тьма»? Давай разберемся...

— А чего тут разбираться? Тролль — это большущая, очень сильная и донельзя опасная тварюга, которая вдобавок, отвратно выглядит. Да ты посмотри на это чучело!

Наевшийся тролль, будто назло, гулко рыгнул и по пещерке распространилось мерзейшее зловонье.

— Тьма не способна породить жизнь, — увлекшийся своими философическими мыслями Эйнар будто ничего и не заметил, а Конан гадал, вытошнит его сейчас, или нет. — Первородное зло Черной Бездны не может творить — оно лишь извращает сущее, изначально сотворенное богами чистым и светлым. С тех пор, как Тьма пришла в тварный мир, ничто не осталось прежним — искажение коснулось всего, в том числе и людей.

— Насчет людей ничего сказать не могу, — фыркнул Конан. — А вот троллей помянутое тобой искажение вовсе не «коснулось», а от души приложило им по голове огромной дубинкой. Все легенды и истории про троллей в один голос твердят: эта древняя раса была создана в незапамятные времена Великим Всадником Полуночи, Ротой, который, без сомнения, был Темным Божеством.

— А что означает слово «темный»? — хитро прищурившись, поинтересовался Эйнар. — В твоём понимании?

Конан ненадолго призадумался, но все-таки ответил:

— Злой. Опасный. Страшный. Этого хватит?

— Ничуть, — отмахнулся Эйнар. — Мы снова подошли к главному вопросу мироздания, на который уже много тысячелетий никто не может дать внятный ответ. Что есть добро, а что — зло? О Всаднике до нас дошли лишь мутные и отрывочные легенды, в которых древнего бога от души мажут черной краской — мол, корни всех бед нашего мира растут из

эпохи царствования Роты. Но есть тут одна загвоздочка: Рота, как и положено всякому уважающему себя божеству, был бессмертен. Он властвовал над материком около тысячи лет, создал величайшую Империю, рядом с которой Валузия и Кхария вместе с Атлантидой покажутся невзрачными провинциальными баронствами... Хотя кол мне на голове тещи, но я не могу поверить в то, что абсолютное зло могло так долго владеть нашим миром! Как я уже сказал, зло бесплодно, а поскольку власть, это одна из форм творения...

— А как же легенды? — поднял брови Конан.

— Историю пишут победители, мой дорогой варвар. Тогда была эпоха не-человеческих рас, мир принадлежал не только людям. Твои сородичи, кстати, появились именно во времена царствования Роты, и, как гласят некоторые предания, некоторые племена дрались на его стороне в битве у Трех Вулканов, после которой закатная часть нашего континента была затоплена. Заметь, люди воевали за бога, который создал столь нелюбимых тобою троллей, гоблинов и прочих тварей, которых человек упрямо называет «темными», хотя Тьмы в них не больше, чем в тебе или во мне. Они просто другие. Или, если угодно, «иные». Просто они больше не принадлежат изменившемуся миру и скоро уйдут навсегда...

— «Изменившемуся», или «искаженному»? — уточнил киммериец.

— Искажение было внесено непосредственно после великого акта творения, — терпеливо объяснил Эйнар. — Или даже во время него, но не самим Творцом, а помогавшими ему богами, недопонявшими Его замысел или внесшими изменения преднамеренно! Примечательно, что ты заметил разницу, между «искажением» и «изменением». Хвалю, ты, оказывается, не безнадежен. Изменение мира — это его взросление. Согласись, ты тоже меняешься с возрастом — внешность, привычки, взгляд на жизнь... То же самое происходит и с нашим Универсумом. Полагаю, что Хайбория, пережив свое детство и отрочество, сейчас входит в пору юности. А тролли с гоблинами... Как бы правильнее сказать? Это как молочные зубы, которые со временем выпадают. Древние существа вымирают, лет через пятьсот их совсем не останется. Эльфы, например, ушли насовсем...

— Эльфы? — Конан усмехнулся. — Это же сказка! Я не имею в виду привычных нам альбов, про которых ты рассказывал третьего дня и которые якобы доселе живут в своих скрытых городах, я говорю об эльфах из сказаний.

— «Эльфами» этих существ назвали вы, люди, — ответил Эйнар. — Видимо, по созвучию с их самоназванием — «элентари». Альбы из Аэльтунна, скрытого города, находящегося в Керновском танстве, их прямые потомки и они действительно существуют... Пока, по крайней мере. А вот с настоящим элентари я бы повстречаться не хотел. И тебе не советовал бы.

— Это почему? — несказанно удивился киммериец. — В отличие от твоих дружков-гоблинов или нашего тролля, они были прекрасны обликом, добры и великодушны. Сошлюсь на все те же легенды...

— ...Которые были написаны самими высокими эльфами, от души старавшимися оставить о себе хорошую память. — поморщился Эйнар. — Не путай теплое с мягким: «прекрасный облик» отнюдь не означает, что его носитель является олицетворением добра и благодати. Я живу на Закатном материке не первую тысячу лет и лично видел, что здесь вытворяли элентари. И знаю, по чьей вине половина земель континента ушла в глубины Океана. А заодно мне известно, почему вы, люди, стали такими.

— Какими — «такими»? — нахмурился Конан. — В нас-то тебе что не нравится?

— Ты меня не понял, — Эйнар поднял руки ладонями вперед в примирительном жесте. — Видишь ли, у меня нет выбора. Человек не может мне «нравиться» или «не нравиться». Я живу вместе с вами и вынужден принимать людей такими, какие они есть. Но в прежние времена вы были лучше. Чище, что ли?..

— И, каким, интересно, образом, мы перестали быть «чистыми»?

— После знакомства с прекрасными, светлыми, добрыми и благородными эльфами, которые научили народ атанн — так они называли вас на своем языке — тому, чем сами владели в совершенстве. Предательству, под маской необходимости. Жестокости, которую якобы оправдывает борьба с врагом. Лжи, рядящейся в белоснежное платье правды, как ее понимали чуждые вам существа...

— Красиво говоришь, — покачал головой Конан. — красиво, и не слишком понятно. Если верить тебе на слово, то получается, будто древние эльфы были не удивительными светлыми существами и старшими братьями человеческого рода, а сущими монстрами!

— Не то слово! — совершенно серьезно ответил Эйнар. — Они были первой разумной расой пришедшей в наш мир сразу после его сотворения, а значит и искажение коснулось их в значительно большей мере, нежели людей. Не искажение формы — да, действительно, внешне они были прекрасны, — а искажение внутренней сущности, духа, божественного огня разума! Вашими старшими братьями элентари назвали себя сами, стараясь подчеркнуть свое превосходство над смертными и, одновременно, не обидеть. Кстати, за глаза они именовали людей «однодневками»...

— Из-за слишком короткой жизни? — спросил киммериец.

— Именно. Никакие вы не братья — да, разумеется, племя элентари было сотворено первым, они первыми населили тварный мир, но когда Сила Творящая осознала свою ошибку, появился человеческий род. Не столь могучий, не наделенный великой магической мощью, смертный, подверженный болезням... Ваш дух до момента смерти заключен в телесную оболочку, в то время как элентари могли сбрасывать телесное воплощение и представлять в истинном облике — тело для них было лишь инструментом для достижения своих целей в видимом материальном мире.

— Но зачем богам и этому твоему Творцу, которого никто в глаза никогда не видел, было создавать человека? — удивился киммериец. — Если уж человек такой слабенький, болезненный и смертный? Пусть лучше в Хайбории жили одни бы эльфы и властвовали над этим миром!

— Могущество элентари повергло их род в гордыню, — тихо сказал Эйнар. — Как говорят, гордыня — тягчайший из пороков, порождающий иные грехи. А гордыней бессмертные владели в полной мере, аж через край перехлестывало! Мы — бессмертны! Мы — прекрасны! Мы — владыки! Мы — любимцы богов и Творца, первые их дети! Все, что существует в этом мире должно служить нам! Любой восставший против нас — погибнет! Рота восстал... И погиб. Точнее, не погиб — боги, после Великой Войны, сумели договориться между собой и Рота добровольно покинул этот мир, уйдя во Внешнюю Пустоту, где и обитает доселе.

— Любопытная история, — снисходительно улыбнулся Конан. — Никогда не слышал ничего подобного. Ты противоречишь все сказаниям, летописям, древним преданиям. Ты, кстати, тогда сражался на чьей стороне — элентари или Роты?

— Как всегда — ни на чьей, — Эйнар развел руками. — Духи Природы не имеют права вмешиваться в распри между богами или их детьми, мы всего лишь наблюдатели и хранители

тварного мира. А насчет противоречий... Я был там и видел все своими глазами. Летописцы же либо записывали историю Великой Войны со слов элентари и Великих Духов, выступивших на их стороне, либо пользовались недостоверными слухами. Хочешь верь, хочешь не верь, но я сказал правду. Зачем мне врать? Столько лет прошло...

— Как видно, ты не любишь элентари, — заметил Конан.

— Они сами себя не любили. Поэтому мне их ничуть не жалко. Знаешь, почему они ушли из нашего мира?

— Почему?

— После низвержения Роты, боги предложили бессмертным выбор: либо остаться в землях, которые будут населять сразу несколько разумных рас — люди, данхан, кро-мара, сиды и другие «младшие братья», — либо уйти в иной мир, владыками которого будут только элентари... Гордыня победила: они сочли, что делить все богатства Универсума с «однодневками», грязными двуногими обезьянами, ниже их достоинства. Они хотели властвовать над сущим. Безраздельно. И ушли. Здесь остались единицы — со временем некоторые семьи элентари выродились, превратившись под гнетом времени в альбов-карликов, которые сейчас обитают в Ямурлаке, другие — сохранили свой прекрасный облик, но предпочли самоизоляцию. Я имею в виду Аэльтунн, в который не могут проникнуть смертные.

— Но ведь ты бывал в Аэльтунне?

— А я бессмертный, мне можно... Между прочим, уже глубоко за полночь, а завтра трудный день. Ложись спать, Конан. Погляди, вся честная компания давным-давно дрыхнет без задних ног. Я посторожу.

— А тролль как же? — киммериец исподлобья взглянул на восседавшее неподалеку чудовище. — Не хочу проснуться в его желудке!

— Что ты как дите малое? — возмутился Эйнар. — Целый день ноешь! Не тронет он вас! Во-первых, тролль весьма плотно поужинал, во-вторых, здесь нахожусь я! Не дергайся.

Варвар пробурчал что-то неразборчиво-грозное, снял перевязь с клинком, на всякий случай положил меч рядом с лежанкой и, бесцеремонно стянув с Гвайнарда половину шерстяного клетчатого пледа, улегся рядом с предводителем отряда Ночных Стражей.

Засыпая, Конан наблюдал за Эйнаром — тот сидел перед костерком, внимательно глядя на язычки пламени, будто пытаясь прочитать в них некие тайные символы, скрытые в природной магии огня. Горный тролль по имени Ы-ыч перебрался ближе ко входу в пещеру, завешенному прошитой серебряными нитями тканью, однако высовываться наружу не пытался — сейчас, ночью, было Время Тумана.

* * *

История, в которую с размаха влипли Конан Канах и его бравые соратники, началась несколько дней назад, когда отправившийся на городской рынок киммериец случайно заметил возле торговых рядов странное существо, в точности похожее на двенадцатилетнюю девочку, но таковой вовсе не являвшееся. Конан, как человек бывалый, моментально различил, что под обликом человеческого ребенка скрывается самая натуральная нечистая

сила — демон, принявший человеческое воплощение. И это среди бела дня, при ярком солнце!

Барвару оставалось только сорвать с пояса серебряную звездочку-шурикен и запустить им в непонятную тварь. Эффект от этого простого действия превзошел все ожидания — нечисть умирала долго и неприятно, исторгая заунывный вой и клубы дыма, на рынке поднялась неслыханная паника, а самого Конана немедленно арестовала городская стража, посчитав, что злокозненный колдун покусился на невинное дитя, каковое и погибло страшной смертью...

Обвиненного в черном колдовстве киммерийца выгнали из темницы его верные друзья и самолично Великий герцог Варт Райдорский, единодержавный правитель обширных земель на Полуночном Восходе Бритунийского королевства. Именно светлейший герцог и нанял отряд профессиональных охотников на монстров, для расследования причин возникновения странного магического наваждения, за несколько дней превратившего некогда мирное герцогство в эдакую волшебную страну, почище любого Ямурлака...

И действительно, с первых дней третьей весенней луны 1285 года по аквилонскому календарю, в Райдоре начали происходить события, объяснить которые с точки зрения здравого смысла было невозможно. Как прикажете воспринимать известия о том, что нечисть появляется в людских поселениях среди бела дня, что исчезают в никуда целые хутора, что обыкновенные домашние коровы или свиньи ни с того, ни с сего, рожают невероятных уродцев, а в лесах все чаще встречаются удивительные реликтовые чудовища, которые в обычное время никогда не приближаются к человеческому жилью, зная, что встреча с двуногими может быть весьма и весьма чреватой?..

Дальше — хуже. В Райдоре было отмечено появление самой настоящей бубонной чумы, «черной смерти», способной за считанные дни выкосить больше половины населения крупного города. По счастью, господин охранитель герцогской короны, а в просторечии — начальник тайной службы Райдора, месьор Атрог из Гайарны, немедленно принял самые жесткие меры и сумел предотвратить распространение заразы. Однако, по городу вовсю поползли нехорошие слухи: мол, все эти безобразия происходят неспроста. Народ по привычке обвинял во всех бедах гиперборейских колдунов и сетовал на бездействие властей, а власть спешно искала выход из сложившейся неприятной ситуации, в свою очередь опасаясь бунта со стороны черни.

Тогда-то Варт Райдорский и принял решение обратиться за помощью к людям, отлично разбирающимся в нечисти и колдовстве — к гильдии Ночной Стражи, многократно помогавшей и самому вельможному герцогу, и его подданным в разрешении трудностей, возникавших благодаря появлению разнообразных неприятных тварей не от мира сего.

Отряд Ночных Стражей состоял всего лишь из четверых человек, однако ватага охотников за монстрами за последние годы зарекомендовала себя с самой лучшей стороны — к Стражам обращались за помощью как благороднейшие дворяне, так и простые кметы. Отряд, возглавляемый Гвайнардом из Гандерланда, доселе не терпел поражений и охотники с честью выполняли самые сложные задания — им по зубам были и вампиры, и болотные ящеры, и прочие скверные твари, досаждающие человеку самим фактом своего существования. Нельзя не упомянуть, что пользующиеся доверием Великого герцога охотники изредка выполняли особо деликатные поручения его светлости, касающиеся дел денежных и политических. Но это было скорее исключением, чем правилом.

Итак, Гвайнард и его друзья — Асгерд из Нордхейма, Конан Канах и Эйнар-броллайхэн

— вняли призыву герцога и взялись за дело. Тотчас были отброшены самые невероятные версии появления в Райдоре «ничейной» магии: поначалу охотники грешили на какого-нибудь сумасшедшего колдуна, который бродил по райдорским землям и устраивал дурацкие розыгрыши, потом отбросили мысль о так называемой «буре перемен» — буйстве бесконтрольного волшебства, вырвавшегося из подчинения волшебника... Что остается?

Ответ дал сам герцог Варт, пригласивший охотников к себе в замок для весьма серьезного разговора.

Вот что рассказал светлейший: полуночная Бритуния не зря славится обилием чудес — места глухие, малонаселенные, в лесах и предгорьях Граскааля еще с валузийских времен сохранилось множество древних животных и магических существ, которых люди чаще называют демонами... Но одной из главных диковин Райдора является так называемая «Исчезающая долина», расположенная на крайнем полуночном восходе герцогства, там, где почти под прямым углом сходятся Граскаальские и Кезанкийские горы.

Один раз в пятьсот лет (с погрешностью не более чем в полтора-два десятилетия) один из горных кряжей внезапно исчезает. Да-да, месьюры охотники, вы не ослышались! Горы исчезают. В никуда. В пустоту. На их месте появляется огромное черное облако, а по ночам в бритунийские долины с гор начинает сползать густой туман, явно имеющий некие магические свойства!

Хроники, которые вели коронованные пращурсы герцога Варта недвусмысленно указывали, что «Времена Тумана» отличаются всплеском бесконтрольной магии — чаще всего безобидной. Однако, в прежние времена Туман приносил с собой и нешуточные бедствия, вроде морового поветрия (как тут не вспомнить едва не начавшуюся в городе эпидемию чумы!). Заодно появляются опасные чудовища, ранее прочно считавшиеся вымершими, набирает силу нечисть, получившая способность переносить дневной свет...

Словом, дело это весьма серьезное, досточтимейшие господа Ночные Стражи!

Поначалу герцог тоже посчитал, что несколько случаев магического наваждения, случившихся в Райдоре и окрестностях — дело рук обиженного на голову мага, причем не местного, а заезжего: в Полуночной Бритунии сильных колдунов отродясь не было. Но когда из баронства Дортон, что находится неподалеку от гор, прискакал гонец, сообщивший о появлении над Кезанкией черного бурлящего облака, все встало на свои места. Прошло пятьсот лет, Туман вернулся.

Все летописи утверждали: к счастью, «Времена Тумана» продолжаются очень недолго — после нескольких лун магических безобразий, горный кряж возвращается на свое место, «ничейное волшебство» исчезает и на следующие пять столетий вновь воцаряются тишь да благодать.

Если учитывать, что черное облако впервые было замечено в середине лета, то Время Тумана могло продолжаться до осени, а то и до зимы. Герцога такой расклад категорически не устраивал — Райдор превратился в самый настоящий заповедник нечистой силы, подданные роптали, тайная служба сбивалась с ног, пытаясь охотиться на нечисть если не во всем герцогстве, то, по крайней мере, в столице, торговые пути приходили в запустение... Следовало немедленно предпринять самые решительные меры.

Как его светлости, так и самим охотникам было ясно, что четверка Ночных Стражей не сможет обороть столь могучее волшебство — тут наверняка не хватило бы сил даже у самых известных магов Заката, наподобие Тот-Амона или Пелиаса Кофийца. Но вот съездить в горы и взглянуть на источник, из которого бурным водопадом хлещет «ничья» магия, Ночные

Стражи вполне в состоянии. Слишком рискованно? Ну и что? Мы и так каждый день рискуем своей шкурой, нам не привыкать. А вы, светлейший, в это время постарайтесь защитить самого себя и своих вассалов от колдовской опасности...

Герцог немедля начал действовать. В Райдоре было объявлено осадное положение. Всех подозрительных проверяли с помощью испытанных средств борьбы с нечистой силой — зеркал, серебра и чеснока. Варт не поскупился и передал из казны несколько мер чистого серебра оружейникам, для отливки наконечников для стрел и копий, а так же для серебрения оружия гвардии и городской стражи. Купеческие караваны в город не пускали, опасаясь возможного распространения заразы. Светлейший, вместе с семьей, перебрался в укрепленный замок в закатной части Райдора — от греха подальше. Все нити управления герцогством взял в свои руки месьор Атрог Гайарнский, человек умнейший и знающий свое дело. Фактически, безраздельная власть перешла к начальнику тайной службы, который получил право «действовать по обстоятельствам» — все решения Атрога, касающиеся безопасности страны и ее жителей, заранее одобрялись Его светлостью.

...Охотники выехали к Исчезающей долине на следующее утро. Путь был неблизкий — два дня конного хода до баронства Дортон, а потом не менее суток до перевала, за которым скрывались Долина и пресловутое черное облако. Гадать, что именно происходит в горах, смысла не имело, поскольку ни опытный Гвайнард, девять лет занимавшийся ремеслом Ночного Охотника, ни Эйнар, являвшийся самым настоящим воплощенный Духом Природы, прижившимся среди людей, не могли объяснить причин, вызвавших к жизни встретившиеся на пути странные (а иногда и страшные...) чудеса.

На откровенно забавные диковинки, вроде бегящего на человеческих ногах домика дорожной стражи можно было бы внимания не обращать, но в один из вечеров охотники стали свидетелями уничтожения крупного поселка Торгал, стоявшего на дороге к баронству Дортон. Отряду неслыханно повезло — Гвай утроил привал в нескольких лигах от деревни, которая в одно мгновение была сожжена колдовским пламенем. Знакомый с искусством волшебства Эйнар предположил, что было применено заклинание Белого Огня Оридата — мощнейшая боевая магия Кхарии. Но кто ответит, почему заклятье возникло из пустоты и не направлялось колдуном? Так или иначе, любые заклятья, действовавшие в Полуночном Райдоре появлялись сами собой, действовали весьма непродолжительное время, а затем вновь исчезали, что нарушало все законы волшебства: магия не появляется ниоткуда и не исчезает в никуда.

Что же, Нергал вас всех заберит, происходит?

Дальше — больше. Странности продолжились в замке барона Дортон, где охотники остановились на ночевку, да только означенные странности носили отнюдь не магический характер. Перво-наперво Конана насторожили дружинные господина барона: стражники говорили с кофийским акцентом, что было весьма необычно — зачем месьору Дортону понадобилось нанимать дружину в Кофе, когда и в родной Бритунии хватает добрых мечей? После ужина в обществе барона и его подруги, представившейся графиней Дайрэ из Атреи, возникло еще несколько вопросов.

Во-первых, Гваю и компании было известно, что настоящему Олему Дортону было не больше девятнадцати лет, а нынешний хозяин замка выглядел несколько постарше. Во-вторых, барон являлся страстным охотником, но в замке не было ни одной охотничьей собаки. Как такое прикажете понимать? В-третьих, красotka, именовавшая себя графиней Дайрэ Атрейской, таковой тоже не являлась, ибо Гвай и остальные были лично знакомы со

старым графом и его дочерью, которые жили в обширном поместье к полудню от столицы герцогства — истинная госпожа Дайрэ была милой провинциальной толстушкой, в то время как подруга фальшивого барона выглядела взрослой и много повидавшей прожженной интриганкой, наверняка бывавшей при немедийском или кофийском королевских дворах. Почему эта парочка взяла себе чужие имена и куда подевался настоящий Олем Дортон, охотники тем вечером выяснить не смогли.

Конан, который полагал бездействие одним из самых тяжких человеческих пороков, задумал лично разобраться в секретах замка и, заручившись поддержкой Асгерд, решил обшарить родовое гнездо Дортонов от конька крыши до подвалов — вдруг отыщется что-нибудь интересное? Пришлось использовать магию Ночной Стражи: некоторые колдовские декокты, хранившиеся в дорожном мешке Гвайнарда могли отвести глаза страже и придать Конану обличье «призрака». Так и вышло — киммериец, незамеченный никем, обыскал верхние этажи замка и библиотеку, в которой наткнулся на весьма странное послание, явно адресованное фальшивому барону. В депеше говорилось следующее:

«Люди Альдануса будут ждать вас в Пайрогии. Явившись на место сообщите об успехе или провале дела и обстановке вокруг вас. Господин прибудет немедленно по получении письма. Не покидайте дом вплоть до приезда Господина.»

Загадок только прибавилось: почему письмо написано по-аквилонски? Кто такой «Господин»? Какое «дело» должно быть успешным или провальным? На всякий случай запомнив текст письма, Конан отправился обследовать подземелья замка и удача вновь улыбнулась варвару — обнаружился настоящий барон Дортон!

Оказывается, его милость был заперт новыми хозяевами поместья в самую глухую темницу, возле дверей которой была выставлена стража. Благодаря магии охотников Конан умудрился освободить барона и скрытно провести его в гостевые комнаты, но тут же встал новый вопрос — каким образом Олему Дортону можно будет незаметно покинуть свой замок, поскольку утром стража перевернет поместье вверх дном, пытаясь отыскать беглеца? Ночью выходить наружу слишком опасно — все окрестности затянуты колдовским туманом.

Асгерд, девица решительная и благоразумная, тотчас отыскала выход — владеющий волшебством Равновесия Эйнар был поднят от сладкого сна, ему быстро втолковали, что надо делать, а затем боллайхэн придал молодому барону Олему свой облик, а сам сбросил телесную оболочку и покинул поместье.

Разумеется, фальшивые «барон» и «графиня» сразу начали подозревать охотников, но поскольку не было никаких доказательств их причастности к исчезновению пленника (стражники видели лишь «призрака», коим в действительности являлся Конан), вынуждены были отпустить отряд, так и не узнав, что под внешностью Эйнара скрывается барон Дортон — в магии странные авантюристы были не сильны.

По дороге к горам Олем рассказал, что произошло.

Весной, во время поездки в столицу на празднование дня рождения короля Эльдарана, молодой барон раззнакомился во дворце с очаровательной парой. Госпожа Лиа и месьор Эргус представились кофийскими дворянами, собирающимися вскоре пожениться. Сейчас они путешествуют по странам Полуночи, чтобы отдохнуть и набраться впечатлений. Эргус (граф, если судить по гербу), оказался заядлым охотником, не хуже самого барона Дортон. На том и сошлись: Олем пригласил кофийцев погостить в фамильном замке и с увлечением расписывал новым друзьям свои чудесные охотничьи уголья.

Десять дней назад Лиа и Эргус приехали в Дортон со свитой в виде двух десятков

отъявленных головорезов и нескольких слуг. Объяснили наличие боевого отряда опасными дорогами Полуночи, где кого только не встретишь — от привычных разбойников, до страшных чудовищ.

Олем, простая душа, поверил.

А следующей ночью в замке произошел маленький переворот. Спящую дружину Олема перерезали мгновенно. Убили всю прислугу. Трупы тайно вывезли и сбросили в одно из ущелий, которыми столь богаты предгорья Граскааля. Следов теперь не отыскать. Самого Олема, еще пьяного после дружеского пира, скрутили и потребовали отдать ключи от библиотеки. Какие ключи, к Нергалу? Книги хранились прямо в кабинете, приходи да читай сколько влезет! Долго расспрашивали о Временах тумана и Исчезающей долине — древних легендах, известных в землях Дортонов. Ничего путного не добившись, Олема бросили в подземелье. Одно хорошо — кормили со своего стола и приносили свежую солому для лежанки. Сказали, будто Олем еще понадобится.

Вот и все, если вкратце.

После красочного рассказа Олема, вопросов, ясное дело, отнюдь не убавилось. Очевидно было одно: скоро в Дортон приедет некая очень важная персона, вероятно, тот самый «Господин» из письма. Замок, скорее всего, был захвачен по его распоряжению, а сам «Господин» интересуется Временем Тумана и магией, выползающей из Исчезающей долины.

Олема решили оставить в отряде — пропадет один, да и охотникам лишний меч не помешает.

Днем отряд поднялся на перевал, отделявший земли Дортонов от Исчезающей долины и немедленно столкнулся с очередным сюрпризом. У ночных стражей появились весьма неожиданные союзники — самые настоящие горные гоблины.

Эту авантюру, понятно, провернул неутомный Эйнар. Сбежав из баронского замка в бестелесном облике, брولлайхэн наткнулся в горах на большое семейство гоблинов и решил, что лучших проводников и охранников не придумать — гоблины знают здесь все тропинки и подземные тоннели старых гномьих выработок, а кроме того, представляют из себя серьезную военную силу. Особенно если учитывать, что вождь племени, именем Гардаг, командовал еще и тремя здоровенными пещерными троллями — существами тупоумными, но невероятно сильными и почти неуязвимыми.

Эйнар воплотился в облик гоблинского шамана и (без разрешения и согласия Гвайнарда) уломал Гардага помочь людям, появившимся на перевале. Тем более, что эти люди владели Алой магией Равновесия, никогда не являвшейся враждебной для племени гоблинов. Гардаг согласился — вождя племени пугало Время Тумана и он понял, что обороняться лучше в союзе с людьми, пускай этих людей всего лишь пятеро...

Когда Эйнар, вернувшийся в отряд ближе к вечеру, поведал о своем решении Гваю, командир отряда вначале схватился за голову, но потом внял доводам брولлайхэн и согласился на кратковременный союз с гоблинами Гардага. Тем более, что Ночных Стражей преследовали — в отдалении был замечен конный отряд, посланный вслед за охотниками из замка Дортонов.

Гвай попросил Гардага для начала установить наблюдение за поместьем и отправить к замку двух-трех соглядатаев, а заодно как следует пугнуть конников, излишне навязчиво следовавших за охотниками в горы и захватить одного из них для вдумчивой и душевной беседы. Гардаг, ничуть не возражая, согласился исполнить все приказы...

Гоблины оказались проворнее и исполнительнее вымуштрованных королевских гвардейцев. Пока отряд Ночной Стражи отдыхал, они спустились ниже по перевалу и вскоре по склонам Лазурного кряжа разнесся отдаленный рык, чьи-то панические вопли и слышались несколько ударов стали о сталь. Гоблины вкупе с пещерным троллем вступили в игру.

— Кажется, наши приятели одержали полную и безоговорочную победу, — бесстрастно сказал Гвай, наблюдая за происходящим на тропе со скального карниза. Голодный Эйнар вовсю хлебал приготовленное Асгерд варево, а Олем Дортон и Конан просто валялись на травке, не выказывая никакого интереса к разворачивавшимся поблизости событиям. — Ого, да вы только гляньте! Тролль уложил двух всадников, остальные повернули обратно!

— Не хотел бы я столкнуться с этой пещерной пакостью один на один, — зевнул киммериец. — Но уж если Эйнар говорил, что тролли Гардага безопасны — придется поверить.

— Безопасны, безопасны... — пробурчал Эйнар сквозь набитый рот. — Кстати, в нашей теплой компании никто никогда не трудился палачом? Если Ы-ыч не сожрет пленника сразу...

— Кто такой Ы-ыч? — не понял Конан.

— Так тролля зовут. Так вот, если Ы-ыч не слопает пленника сразу, его придется разговорить — мне, да и господину барону, наверное, тоже, донельзя любопытно узнать, что за прохиндеи покусились на его фамильное владение... А кофийцы известны своим упрямством!

— Не то, что заговорит — запоеет! — усмехнулся киммериец. — И палач нам совершенно не нужен. У опытных наемников есть свои способы беседовать с попавшимся в наши нежные руки противником. Вот помню во время войны Кофа с Немедией за коринфские серебряные рудники...

— Избавь нас от подробностей, — поморщилась Асгерд. — Благодаря твоим наемничьим байкам, мне по ночам кошмары снятся! Кстати, вот и гости. Учтите, тролля я кормить не буду! Нам самим едва хватает!

Ы-ыч топал ножищами так, что со склона осыпались мелкие камушки. Вслед за могучим чудищем невозмутимо шествовали четверо здоровенных гоблинов. Вид у всей компании был довольный.

Гоблины молча расселись в тени у скалы, а тролль сбросил с плеча на землю нечто бесформенное — похоже, его огромные трехпалые лапы изрядно помяли человека. Эйнар, позабыв про котелок с похлебкой, бросился к пленнику.

— В обмороке, — со знанием дела сказал броллайхэн. — Гвай! Дай воды!

Кофиец причел в чувство быстро — хватило двух котелков родниковой воды, вылитых на голову. И сразу же пленник машинально шарахнулся в сторону — над ним нависала бурая бугристая туша Ы-ыча, не желавшего бросать законную добычу. Конан сразу убедился, что это было отточенное движение бывалого воина, а не признак боязни — кофиец пытался уйти из-под возможного удара.

— Рад пожелать доброго дня, — лучезарно улыбнулся Эйнар, присевший на корточки рядом с пленником. — А ведь денек действительно чудесен, верно? Солнышко, свежий ветерок, прекрасные виды гор... В самый раз для приятной послеобеденного моциона. Итак, любезный, мы жаждем услышать, что вынудило тебя и твоих дружков насладиться конной прогулкой по этим прелестным местам? Только давай не будем делать вид, что вы отправились на охоту за горными баранами, все одно не поверю!

Конан лишь головой покачал. Он видел, что орешек попался крепкий. Кофиец был уже в возрасте, не младше сорока лет, но обветренное, будто из гранита вырубленное лицо, жилистые руки с мозолями, свидетельствовавшими о ежедневных упражнения с клинком и ясный, не замутненный животным страхом взгляд, говорили о том, что изловленный Ы-ычем наемник в этой жизни перевидал столько, что каким-то паршивым троллем его не особо напугаешь. Люди войны, занимающиеся этим ремеслом с ранней юности, однажды полностью теряют чувство страха — да, опасаются, но ни в коем случае не боятся. Есть большая разница!

Кофиец быстро и цепко осмотрелся. На мгновение остановил взгляд на сложенном возле костра оружии, прикинул, далеко ли до ведущей вниз тропы, искоса поглядел на кинжал, висевший на поясе Эйнара, оценил, насколько далеко сидят вооруженные гоблины и сколько людей находится на площадке... Киммериец уважительно хмыкнул — надо же, ни одного лишнего движения, а обстановку пленник оценил с точностью и тщанием. Придется следить за ним в оба — такие люди продают свою жизнь задорого!

— Попить дайте, — поворчал кофиец и попытался сесть. Троль предостерегающе рыкнул. — И уберите ваше чучело — от него смердит, будто от выгребной ямы!

Эйнар вопросительно поглядел на Конана, но тот сделал ладонью отрицательный жест. Пока наемник пил из котелка, киммериец принял решение сам побеседовать с пленным. Двое людей, всю сознательную жизнь занимавшиеся одним ремеслом, быстрее найдут общий язык.

— Ты из Хоршемиша? — непринужденно спросил варвар на кофийском языке, присаживаясь на ближайший валун.

— Да, и что из того? Бритунийскими законами запрещено рождаться в Хоршемише?

— Почему запрещено? — пожал плечами Конан. — Все люди равны, родись ты в Аквилонии, Вендии или Стигии. Просто законы Бритунии и Райдорского герцогства категорически не одобряют ничем не спровоцированный захват дворянских замков, убийства его обитателей и насильственное лишение свободы владельца одного замка.

— Ты, как видно, из стряпчих? — ощерился кофиец. — Уж больно говоришь складно.

— Нет, не из стряпчих, — преспокойно ответил варвар. — Но если мы тебя передадим властям Райдора, то за участие в подобных бесчинствах тебе светит десять лет на рудниках в Граскаале... И то, если ты не командовал захватом крепости Дортонов, а лишь в нем участвовал, исполняя чужой приказ.

— Очень страшно, — насмешливо фыркнул пленник. — Прямо сейчас и повезете на герцогский суд? Отсюда, с перевала? Вот не знал, не гадал, что государева стража теперь и

безлюдныя горы от злодеев оберегает!

— Вот еще, время терять! — небрежно отмахнулся Конан, выкраивая на лице самое что ни на есть безразличное выражение. — Видишь ли, у меня в сумке есть прелюбопытный рескрипт его светлости герцога Райдорского... Сейчас отыщу... Ага, вот он. Знаешь, что здесь написано? Слушай внимательно! — варвар с нарочитой медлительностью развернул помятый пергамент и продекламировал: — «Мы, Варт, Великий герцог Райдора и прилегающих земель, принц крови, наместник Его величества короля Эльдарана Бритунийского, сим подтверждаем, что податели сего являются моими доверенными лицами. Всем ленным вассалам Райдора, дворянам, каштелянам и управителям замков, приказывается почитать волю обладателя этого рескрипта, волей Великого герцога и наместника Полуночных областей Бритунии, оказывая любую посильную помощь. Собственной рукой подписал — Варт Райдорский».

Кофиец выслушал так, словно Конан читал не рескрипт единоподданного владельца здешних земель, а маловразумительную детскую сказочку.

— И что?

— Да ничего... — пергамент оправился обратно в сумку. — Расслышал про «волю Великого герцога»? Вот его волей мы тебя сейчас и скормим нашему троллю. А для начала — отдадим гоблинам на забаву... Эти парни — великие выдумщики на предмет всяческих милых развлечений, человеку такое и не снилось, поверь...

— Да ничего вы не сделаете, — сплюнул кофиец и повторил по слогам: — Ни-че-го, понятно? Вот мне эта истина понятна насквозь... Вы ведь хотите сперва узнать, кто я, да откуда, да почему с Бритунии оказался, кто хозяева, какой приказ? Правильно? Огорчу: я ничего не знаю. Так что можете без кривляний и выкрутасов сунуть меня в котел с кипятком, а то, что сварится, отдать на обед вашей образине... Да вот одна незадача: из меня и бульона-то хорошего не получится, жилы одни.

— Честное слово, ты мне нравишься, — совершенно искренне сказал Конан. — Даю слово, мы тебя отпустим, с честью. Верю, что ты, как человек продающий свой меч и свои умения за деньги, можешь ничего не знать о замыслах и планах своих нанимателей. Но хоть что-нибудь? В двух словах?

— Ладно, уболтал, языкастый, — криво усмехнулся кофиец. — Только все равно ничего толкового я тебе сказать не смогу. Про наемничью контору Альгиса из Равенны слышал?

— Альгис Равеннский? — наострил уши Конан, услышав знакомое по прежним временам имя. — Хоршемиш, улица Трех мечей, большой дом из желтого песчаника?

— Надо же... — теперь пришел черед кофийца удивляться. — То-то я гляжу, ты по-кофийски со столичным выговором болтаешь!

— Служил в гвардии короля Страбонуса несколько лет назад, — ответил Конан, совершенно не покрывив душой. — А с ланистой Альгисом лично знаком. Только ты забыл упомянуть, что Альгис трудится за деньги и под покровительством королевской тайной канцелярии, отыскивающей через него верных и опытных людей...

— А мне на это плевать, дружище, — с вызывающей уважение невозмутимостью сказал кофиец. — Тайная эта канцелярия, или явная, какая мне разница?.. Платят много золота — это главное. Очень много золота! Второе условие: не задавать вопросов и исполнять приказы. Остальное нас не касается. В общем, когда Альгис набрал наш отряд, нам представили командиров: того парня, Эргуса, что перед вами назвался бароном Дортоном, и девку — Лию... Верховодит она, Эргус у нее на подхвате, мальчик на побегушках и только.

Девочка непростая, у меня глаз наметанный... Серьезная девочка, умная, с хваткой, какую вырабатывают только многолетней службой таким серьезным персонам, рядом с которыми мы с тобой — пыль. Вот тут и подумаешь о тайной службе короля Страбонуса, но, честно говоря, в этом деле все куда сложнее — не королевский тут расклад, бери повыше...

— Магия? — вздернул бровь Конан. — Вас нанял один из великих колдунов? Кто? Тот-Амон? Менхотеп? Лоухи?

— Не знаю... непонятно. Но сила задействована нешуточная, точно говорю. Повторяю: я только исполнял приказы, вопросов не задавал. Сказали замок захватить — мы с парнями сделали. Сказали девку охранять — охраняли. Она приказала за вами приглядеть — следили... Пока не нарвались.

Кофиец выразительно глянул на гиганта-тролля.

— Не обращай внимания, — махнул рукой Конан, проследив взгляд пленника. — Это наши друзья. Все сказал?

— Все, — выдохнул кофиец, а Эйнар, который умел различать правду и ложь, прошелестел:

— Конан, этот человек не врал. Отпусти его. Ты же обещал!

— И, что характерно, свои обещания я всегда выполняю, — бросил киммериец и покосился на тролля. — Эйнар, отгони это пугало подальше, а то он явно жрать хочет... Кофиец, как твое имя?

— Дартус.

— Очень хорошо. Меня обычно называют Конаном из клана Канах, родом из Киммерии. Уходи. Ты помог нам, и я это не забуду. Однажды наши дороги вновь могут пересечься. Преследовать тебя не будут, твои наниматели о нашем разговоре никогда не узнают, обещаю.

Наемник молча поднялся на ноги, оглядел недовольно порывкивающего тролля, которого Эйнар заставил отойти в сторону, и неторопливо зашагал вниз по тропинке. Прощаться кофиец не стал — просто ушел. Тролль поглядывал ему вслед недовольно, но послушаться броллайхэн не смел.

— И снова мы ничего не узнали, — Гвай остался очень недоволен — по лицу было видно. — Что теперь?

— Теперь надо идти в горы, — невозмутимо ответил Конан. — Все ответы — за перевалом. Какая нам сейчас разница, кому понадобился замок Дортонов и почему именно Олем стал жертвой незнамо чьих интриг? Кстати, ребята, дело идет к вечеру, а наш шатер вряд ли спасет от Времени Тумана, будь он обшит серебром хоть в три слоя! Давайте попросим парней Гардага показать нам хорошее убежище. Пещеру? Есть возражения?..

Возражений не возникло — ночевать под открытым небом было слишком опасно.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В которой Конан разговаривает с самым настоящим вампиром, а потом встречает древнего демона

Проснулся Конан под утро — почувствовал, что в пещере есть кто-то посторонний. Варвар осторожно повернулся на бок, машинально нащаривая рукоять клинка, и осмотрелся. Олем, Асгерд и Эйнар мирно спят, тролль улегся возле входа в пещеру и теперь выглядит как неопрятная груда поросших буроватым мхом валунов. Гоблинов нигде не видно — ушли ночевать в свои подземелья.

У крошечного костерка сидели двое. Пускай в пещере было темно, киммериец сразу опознал Гвайнарда по меховой безрукавке и белевшей в полумраке рубашке. Собеседник предводителя ватаги охотников восседал спиной к варвару и одевался в черное — длинный, до земли, балахон с глубоким капюшоном. Кто же мог явиться в горы среди ночи, когда Граскааль и Кезанкия окутаны колдовским маревом?

Кто? Рэльгонн, вот кто! Только самопровозглашенный эрл замка Рудна был способен за одно мгновение перенестись через огромное расстояние, разделяющее керновское танство и Лазурный кряж!

На самом деле Рэльгонн не был никаким эрлом (просто он сам себя так называл...) и жил в недоступных людям подвалах разрушенной крепости Рудна, которую уже много столетий полагал своей безраздельной собственностью. Это удивительное создание к человеческому роду не имело ровным счетом никакого отношения — Рэльгонн являлся вампиром. Да не простым вампиром, а каттаканом, то есть живым существом из плоти и крови, в коем не было ничего демонического, как, например, в гулях иранистанских гор.

История появления месьюра Рэльгонна на Закатном материке была крайне запутана. Несколько тысяч лет назад на северные области континента рухнула гигантская Небесная Гора. Случившийся в момент катастрофы огромный выброс тепла и магической силы привел к появлению Врат Миров — порталов ведущих в чужие миры, которые, как утверждал сам Рэльгонн, могут находиться на непредставимом расстоянии от Хайбории, возле чужих звезд. Один портал открылся в Универсум, который населяли каттаканы, и Рэльгонн вместе с несколькими родственниками решил поглядеть, что же находится по ту сторону Врат.

Оказавшиеся в Хайбории каттаканы обследовали незнакомый мир, подивились на населявших его удивительных существ, наподобие людей, гномов или альбов и засобирались было обратно, да вот незадача — портал внезапно захлопнулся и Рэльгонн вместе с дядей и братом оказались навсегда отрезанными от своего дома. Вновь привести в действие Врата Миров каттаканам не удалось, пускай их цивилизация стократно превосходила все разумные расы Хайбории в большинстве областей знаний.

Уяснив, что покинуть чужой для них мир каттаканы не могут, Рэльгонн вместе с сородичами приспособился к жизни во владениях непонятных тварей, именовавших себя «людьми», а поскольку гости из чужой Вселенной были весьма и весьма долгоживущими (пускай и не бессмертными, как элентари-эльфы или броллайхэн), каттаканы ужасно скучали. Кроме того, они были настолько чужды людям, что немногочисленное семейство Рэльгонна моментально заслужило жуткую репутацию упырей и вампиров... В значительной степени это было справедливо — каттаканы действительно пили кровь человека и

животных, что было необходимо им для выживания.

Когда и как Гвайнард познакомился с Рэльгонном, киммерийцу было неизвестно, однако Конан отлично знал, что старый вампир уже много лет помогает ватаге Ночной Стражи в многотрудном ремесле охоты на настоящих монстров и, похоже, получает от этого удовольствие — каттакан, с его врожденными магическими умениями, холодным логическим разумом и способностью «прыгать через Ничто» был незаменимым помощником охотников. Одна беда: Рэльгонн мог действовать исключительно ночью, поскольку лучи хайборийского солнца обжигали его белоснежную кожу. Кроме того каттаканы не переносили яркий дневной свет — в их мире светило было маленьким и холодным.

Конан понял, что если Рэльгонн внезапно заявился поговорить о делах, следовательно, упырь сумел раздобыть интересующие Гвая сведения об Исчезающей Долине. Надо бы встать и послушать принесенные Рэльгонном новости.

— Ага, Конан проснулся... — заслышав шорох, упырь обернулся и сверкнул на варвара своими замечательными желтыми глазами без зрачков. — Подсаживайся к огню, я принес с собой красного вина, а Гвай подогрел его в котелке.

— Доброй ночи, Рэльгонн, — вежливо сказал киммериец, питавший к вампиру самые уважительные чувства. — Что хорошего скажешь?

— Ничего, — мрачно ответил упырь. — Кажется, друзья мои, мы попали в крайне неприятную переделку... Я, к примеру, вообще отказываюсь понимать, что здесь происходит. Это противоречит всем законам природы! Такого просто не бывает, поверьте!

— Какого — «такого»? — уточнил Конан, потянулся и присел на камушек возле костра. — Я уже давно привык, что в нашем окаянном ремесле ничему не нужно удивляться. Еще год назад я и представить себе не мог, что сведу дружбу с настоящим вампиром или буду ночевать в одной пещере с вонючим троллем, о котором и думать-то противно, не то что видеть его рядом с собой!

— Жизнь сложна и непредсказуема, тебе ли этого не знать? — усмехнулся Гвай. — Итак, Рэль, что ты разнюхал? Ты был в Исчезающей долине?

— Был, — кивнул упырь. — Только никакая это не долина...

— То есть как? — не понял киммериец. — Если верить летописям и хроникам Райдора, Лазурный кряж раз в пятьсот лет замещается широкой долиной, укрытой черным облаком. Что находится под туманным покровом — никому неизвестно. Правильно? Если ты побывал за туманной стеной, значит мог увидеть, что скрывает от нас магическое марево!

— Другой мир, — брякнул Рэльгонн. Подумал, и сказал еще более непонятно: — Точнее, не другой, а этот. Только этот мир — другой.

— Бр-р... — Гвай встряхнулся, будто мокрая собака. — Ничего не понимаю! Объясни по-человечески! Какой мир? В долине находится нечто вроде портала? Как Врата Миров?

— Не знаю! — в сердцах воскликнул упырь. — Сущее бесовство, клянусь звездным небом! Вот, глядите...

Оказывается, Рэльгонн притащил с собой дорожный мешок, сшитый из плотной холстины, по классическим вампирьим традициям покрашенной в черный цвет. Конан заинтересовался — обычно Рэльгонн предпочитал путешествовать налегке и варвар никогда не видел, чтобы он носил с собой что-нибудь тяжелее серебряного медальона на шее.

— Сначала я прыгнул через Ничто напрямиком в Исчезающую долину, — говорил упырь, вытаскивая из мешка непонятные предметы, светившиеся разноцветными огоньками. — А

когда понял, что все увиденное являет собой одну огромную загадку размером с целый мир, немедленно вернулся в Рудну и прихватил оттуда некоторые полезные приспособления. Когда-то мы их взяли с собой из дома, чтобы более тщательно исследовать ваш мир...

— Как можно что-нибудь «исследовать» с помощью этих коробочек? — озадачился Конан, рассматривая принадлежавшие Рэльгонну шкатулки. — Магия?

— Нет, не магия, — покачал головой упырь. — Это машины. Механизмы. Ну, вроде ваших мельниц или, например, осадных катапульти. Только в тысячи тысяч раз сложнее. Конан, я же тебе рассказывал, что разумное сообщество каттаканов создало множество машин, которые помогают нам познавать мир, путешествовать или разговаривать друг с другом на огромном расстоянии. Помнишь?

— Конечно, — за варвара ответил Гвай. — Ты это называл «техногенной цивилизацией», но я так и не понял истинного значения этих слов.

— Да вам это и не нужно, — отмахнулся Рэльгонн. — Полагаю, однажды человек тоже сможет создавать подобные механизмы, но это произойдет очень и очень не скоро — тут действуют законы развития разумных рас, а человечество еще слишком молодо... Впрочем, давайте больше не отвлекаться.

— Давайте, — согласился Конан, которого гораздо больше интересовало дело, нежели заумные разговоры. — И зачем тебе потребовались эти механизмы в Исчезающей долине?

— Чтобы определить, где именно я очутился, — пояснил упырь, и взял в руки одну из шкатулок, на крышке которой было укреплено нечто вроде светящегося бело-голубым огнем зеркальца размером с ладонь. — Признаться, вначале я подумал, что укрывающее долину облако и впрямь является чем-то вроде гигантского природного портала, ведущего в один из отдаленных миров. Но все оказалось гораздо сложнее. Там, за порталом — ваш мир. Хайбория.

— Ты хочешь сказать, «еще одна Хайбория»? — осторожно спросил Гвай. — Мир-отражение? Я слышал о чем-то подобном... Точная копия нашей Сферы?

— Сфера, мир, планета — называйте как удобнее, — сказал Рэльгонн. — Названия разные, сущность одинаковая. Да, Универсум, находящийся за облаком является Хайборией. Но там все другое! Пейзажи, очертания материка, воздух наконец... Свежее он, что ли? У меня возникло четкое ощущение, что я попал в эпоху самой ранней юности вашего мира! И, чтобы проверить свою догадку, я прыгнул через Ничто в Рудну и забрал эти штуковинки... Механизмы подтвердили, что я нахожусь в Хайбории.

— Механизмы, которые способны «подтверждать», — медленно сказал киммериец, пытаясь осмыслить эту фразу. — Ты, случаем, не заболел? Любой механизм — это мертвое порождение человеческих рук! Катапульта или мельница, которых ты приводил в пример, разговаривать не могут!

— Катапульти — не могут, — широко улыбнулся Рэльгонн, демонстрируя кошмарный набор белоснежных конических зубов. — А эта машинка, созданная каттаканами, способна меньше чем за квадранс определить, в каком мире находится ее владелец по отношению к нашей родной сфере. Видишь зеркальце? Оно улавливает свет звезд, определяет, где какая звезда расположена, каково до нее приблизительное расстояние... И так далее. Смотри!

Рэльгонн коснулся нескольких темных квадратиков, расположенных под зеркалом и по его гладкой поверхности поползла долгая череда незнакомых Гваю и Конану голубых символов.

— Это наши буквы, — бросил упырь и невнятно забормотал, более обращаясь к самому

себе, чем к людям: — Эклиптика... Наклон орбиты, давление у поверхности, состав атмосферы, сила тяготения совершенно одинаковы... Угол наклона магнитной оси такой же, пятнадцать с половиной градусов, ускорение — девять целых и восемь десятых... Магнитные полюса смещены, но в допустимых пределах... Скорость убегания полностью соответствует...

— Скорость убегания — от кого? — не выдержал Конан, которому надоело выслушивать эту ахиню, больше похожую на колдовское заклинание. — Что ты несешь?

— Вам это неинтересно и непонятно, — чуть высокомерно заявил Рэльгонн. — Перевожу на человеческий язык: мир, в который ведет Исчезающая долина по показаниям детект... в смысле, по мнению этого полуразумного механизма, является вашей родной Сферой. Сиречь, она планета расположена во Вселенной там, где ей и полагается быть изначально. Но этого мало! Каждая сотворенная Сфера обладает своими собственными уникальными особенностями. В тварной вселенной не существует совершенно одинаковых миров, как нет двух одинаковых людей или каттаканов. Так вот: Хайбория, в которой мы находимся прямо сейчас, и Хайбория, которая скрыта за черным облаком, практически неотличимы. Различия составляют сотые доли от общего сходства, на которые можно не обращать внимания... Выводы сделаете сами, или подсказать?

— Какие уж тут подсказки... — почесал в затылке Гвай. — Дело ясное: в горах находится огромный портал. Только он связывает между собой не миры, а эпохи одного и того же мира. За облаком находится проход в будущее или прошлое Хайбории. Особо замечу: в весьма отдаленное прошлое или будущее. Но такого же не бывает! Если рассудить логически, будущего пока просто не существует, а попасть в прошлое — невозможно! Проход туда закрыт для смертных! Да и для бессмертных тоже...

— Не так уж и невозможно, — сказал киммериец. — Слышал о Ланголе, туранском Боге Времени? Я однажды был свидетелем того, как алтарь святилища Лангола забросил двух незадачливых искателей приключений в одну весьма отдаленную страну на Восходе, где они жили много дней, а когда вернулись обратно в Туран, выяснили, что на самом деле не прошло и одних суток. Одним из этих приключенцев был я сам, между прочим.

— Ты сравниваешь несравнимое! — воскликнул Рэльгонн. — Я знаком с культом Лангола, этот бог способен лишь замедлять или ускорять течение времени, но открывать портал в прошлое он не может! Исчезающая долина — явление уникальнейшее. Знаете почему?

— Почему? — хором спросили Конан и Гвай.

— Да хотя бы потому, что мы получили возможность заглянуть во времена, когда Хайбория переживала свою первую эпоху, до великих катастроф, до затопления Атлантиды, падения Небесной горы, гибели Валузии и Лемурии! Чистый, незамутненный мир! Это даже не отрочество, а раннее детство Хайбории!

Люди замолчали, пытаясь понять, что именно хотел сказать Рэльгонн. Конана терзала одна мысль: а что если этот непонятно откуда взявшийся временной портал закроется, и отряд навсегда останется в неизвестной, чужой и насквозь непонятной эпохе? Да и вообще, зачем туда лезть? Приказ герцога выполнен, природа Исчезающей долины отчасти разъяснена. Пора возвращаться домой! В конце концов (если можно столь неизящно выразиться...), Исчезающая долина через луну-другую сама исчезнет!

— Один момент, — вскинулся Гвай. — Рэльгонн, почему ты так уверен, что пройдя через облако, мы окажемся именно в прошлом, а не в будущем?

— Боги милостивые... — схватился за голову упырь. — Ты же сам только что ответил на этот вопрос! Будущего еще не существует! Время похоже на бесконечную цепочку: год — звено. А кузнец продолжает ковать, не останавливаясь ни на миг — «настоящим» является колечко которое сейчас лежит на наковальне, а самые первые звенья, «прошлые» давно покрылись ржавчиной или вообще рассыпались! «Будущее» же вообще не отковано, оно пребывает в виде железной руды, бесформенной грудой лежащей на дворе кузни... Там, за облаком — прошлое! Точнее, это для нас тамошнее время является «прошлым». Окажись мы там, прошлое превратится в настоящее!

— И вернуться мы не сможем, — уныло вставил Конан. — Поскольку для того прошлого нашего будущего просто не существует. Логично?

— Ничуть не логично! — отверг мысль Конана Рэльгонн. — Мы же принадлежим этому времени, а не тому, правильно? Вот обитатель того времени перейти к нам не сумеет, а мы сумеем, поскольку сами по себе являемся связующим звеном между эпохами! Думаю, однажды прошлое просто вытолкнет нас обратно сюда, как выталкивается заноза из пальца! Там мы будем чужеродны! Понимаете?

— Не понимаем, — отрекся Конан. — Чересчур заумно. Кажется, ты нахально подбиваешь нас на жуткую авантюру... Будто у нас в этой Хайбории неотложных дел мало!

— Но это же так интересно! — воскликнул Рэльгонн, однако упыря перебил прагматичный Гвай:

— Рэль, мы позабыли о главном, о «ничьей магии», которая и так доставила всем и каждому множество неприятностей. Ты ж рассказывал, будто каттаканы кроме этих дурацких машинок... — командир отряда указал взглядом на валявшиеся у ног каттакана шкатулки, — так, вот, кроме механизмов вы еще полагаетесь на свое врожденное волшебство. Побывав в Исчезающей долине ты хоть отчасти понял, откуда истекает колдовская сила?

— Кажется, да, — поразмыслив, кивнул Рэльгонн. — Возвращаясь к вопросу о времени, скажу, что по моему мнению, эта «ничейная» магия не принадлежит нашим временам. То есть в нашей Хайбории у нее нет хозяина, а в той Хайбории — есть! Магическая сила, пройдя через образовавшийся временной портал более не управляется ее хозяином, в результате чего возникает некое подобие Бури Перемен. Скорее всего, природа этого явления именно такова.

— Значит, тот кто породил это волшебство в прошлом, был не особо приятным человеком, — заключил Конан. — Иначе откуда у нас появилась бы нечисть, которая не боится солнца? Это самая натуральнейшая магия Черной Бездны!

— Приятным... человеком? — эхом повторил Рэльгонн. — Не-ет, друзья мои, такое волшебство человеку принадлежать не может! Силенки, уж простите, у вашего племени не те! Кроме того, появление нечисти — это частный случай, а надо смотреть на явление в целом. Обычного безобидного волшебства из Исчезающей долины, то есть, из Хайбории прошлого, истекает гораздо больше. Черная магия — это только часть спектра. Часть великого многоцветья, где между черным и белым есть алое, синее, зеленое, оранжевое... Вы, люди, склонны обращать внимание только на плохое.

— Потому, что плохое — всего заметнее, — парировал Гвай. — Если даже привычные ко всяким пакостям гоблины испугались Времен Тумана, то что говорить о людях? Но в одном ты прав: магия оттуда приходит... разная. Именно многоцветная!

— Многоцветная? — Конан задумался. — Что-то мне напоминает это слово. Некую смутную историю древности, которую я мельком слышал еще в детстве. Не смейтесь, в таких

отдаленных странах как Нордхейм или Киммерия сказки передаются от отца к сыну почти неизменными, варвары помнят о минувших временах куда лучше, чем цивилизованные аквилонцы или зингарцы... Голову даю на отсечение, разгадка где-то рядом, но я никак не могу ее отыскать!

— Когда вспомнишь — не забудь сказать, — усмехнулся Рэльгонн. — Побывав там, я понял, что в той Хайбории постоянно действуют несколько мощнейших магических артефактов. Впрочем, слово «мощнейших» тут неприменимо, поскольку не отражает истинного положения дел! Я чувствовал магию такой непредставимой силы, что никому из вас и не снилось! Ее потоки пронизывают тот мир, магия находится везде и одновременно — нигде. Думается мне, древняя Хайбория держалась на этом волшебстве как на каркасе, понимаете?.. Своего рода — скелет Универсума! Ничего более ясного сказать не могу, поскольку сам не разобрался в своих ощущениях. Все это было для меня очень странно. И непривычно.

— Хорошо, — вздохнул Гвай. — Скажи, что нам теперь делать? Я жду совета. Возвращаться в Райдор? Или попытаться заглянуть за облако, скрывающее Исчезающую долину?

— Решай, что тебе больше по нраву, — пожал острыми плечами упырь. — Видишь ли, другой возможности понять, где скрывается причина чудес, происходящих в этих горах два раза за тысячелетие, тебе уже не представится. В следующий раз портал появится только через пятьсот лет. А может и вовсе не появится...

— Подумаю, — буркнул Гвай и сразу поправил самого себя: — Точнее, мы все вместе подумаем. Утром.

— Кстати, насчет утра... — оживился Рэльгонн. — В общем-то, я сообщил все, что могло вас заинтересовать. Скоро рассвет, и мне как и всякому уважающему себя вампиру, перед восходом надо возвращаться домой. Какое бы решение вы не приняли, я вас отыщу следующей ночью, окажись вы в этой Хайбории, или в той. Отдохните еще немного...

Упырь встал, куртуазно раскланялся, укрыл лысую голову капюшоном и растворился в воздухе — прыгнул через Ничто в свой замок.

— Что скажешь, Конан? — устало спросил Гвай, когда Рэльгонн отбыл.

— Не знаю, — ответил киммериец. — Рискованно, конечно, соваться незнамо куда... Но почему бы не попробовать? Просто глянем, что там происходит, и сразу вернемся назад. Как тебе такое предложение?

— Поутру решим, — Гвай улегся на конскую попону и натянул плед до подбородка. — Эх, заманчиво, заманчиво... Только бы Рэльгонн не ошибся!

* * *

— С утречком, ваша милость, — раздался над ухом варвара насмешливый голос. Конана немилосердно трепали за плечо. — Вашей милости принести в постель завтрак? Подать умыться? Воду родниковую или кипяченую?

— Отвали, — Конан продрал глаза, уселся и увидел перед собой довольно лыбящегося Эйнара. Более в пещере никого не было, а от входа тянуло дымом костра. — Давно рассвело?

— Три квадранса, — ответил броллайхэн. — Все давно проснулись, один ты дрыхнешь без задних ног.

— Что снаружи?

— Выйди да посмотри...

Киммериец натянул сапоги и выбрался из пещеры. Для начала обратил внимание на то, что тролль исчез — наверное, проголодался и отправился на охоту. Гоблинов тоже не видно. Олем, Асгерд и Гвай суетятся возле костра, над которым булькает черный от копоти котелок. Лошади стоят там, где их и оставили вечером — возле низких горных сосенок, росших у края площадки. Как видно, магический туман не повредил ни скакунам, ни ездовому монстру киммерийца, носившему неприятзательное имя «Гнедой».

(Тут совершенно необходимо заметить, что этим летом Конан ездил не на коне, а на сартаке. Дело было так: во время далеко не самой удачной охоты на лесного мантикора погибла лошадь Конана, растерзанная взбешенным чудовищем. Разумеется, долго оставаться в пехоте киммериец никак не желал, и сразу отправился на рынок города Чарнины, чтобы прикупить себе достойного скакуна. Таковой отыскался довольно быстро: гнедой длинноногий красавец, стать — залобуешься, иной король позавидует, скачет быстрее ветра, умница... Словом, всем был хорош гнедой, кроме одного: лошадью он не был. То есть, вообще никак не относился к конской породе.

Гвайнард, узрев приобретеннице варвара, сначала опешил, потом пришел в ужас, а когда Конан начал выяснять, в чем же дело, растолковал, что гнедой есть ни что иное, как сартак — хищное полуразумное животное, очень похожее на настоящего коня. Водятся такие сартаки на Аурусе — в соседнем мире, находящимся за природным порталом, расположенном в предгорьях Граскааля. Оказалось, что предприимчивые представители рода человеческого давным-давно разнюхали о том, что Врата Миров скрывают незаселенный человеком мир и мигом навели торговый путь за портал. Туда завозились товары для переселенцев, решивших оставить Хайборию, оттуда везли редких животных и золото.

В целом, Конана не особо волновало, что у купленного под видом лошади сартака во рту имелся целый арсенал острейших клыков — зверь быстро привык к новому хозяину и честно выполнял все обязанности ездового животного. Но после крайне неприятного события в чарнинской таверне «Золотое Солнце», когда голодный сартак (варвар позабыл покормить его вечером...) выпотрошил прямо в стойле любимого ослика хозяина постоянного двора, пришлось подумать о том, что зверя лучше бы содержать отдельно от других животных. Следует заметить, что чудовище в лошадином облике, сожрало несчастную скотинку на глазах остолбеневших постояльцев, сбжавшихся на вопли конюхов. Скандал едва удалось замять с помощью непрременных золотых кругляшков и большого количества дорогого красного вина...)

Этим утром сартак выглядел недовольным, но вполне здоровым и бодрым. Тем более, что зубастое чудище в лошадином обличье вообще крайне редко бывало чем-то довольным — Гвай и остальные откровенно побаивались Гнедого, поскольку сартак был крайне опасен и мог серьезно покусать или даже убить человека. Благоклонно он относился только к хозяину.

— Опять солонина с овощами? — поморщился киммериец, заглянув в котелок. — Асгерд, да сколько же можно кормить нас этой гадостью?

— Не нравится — ходи голодным, — невозмутимо ответила нордхеймская воительница.

— Я, кстати, в кухарки к вам не нанималась. Хочешь — готовь сам.

— Не мужское это дело, — мигом ответил Конан и едва не получил удар локтем по ребрам — Асгерд терпеть не могла подобных намеков. Все-таки в Нордхейме женщины не только воюют наравне с мужчинами, но иногда и сами дружины в походы водят... — Ладно, извини. Вечером действительно займусь ужином самолично, меня в Туране научили готовить божественные кушанья из сущего дерьма, только бы специи были. Гвай, как обстановка?

— Никак, — пожал плечами Гвайнард. — Туман, как и положено, к утру исчез. Приходил посланец от Гардага, сказал, что в подземельях ночью было беспокойно — гоблины, якобы, видели Пламенного Бича, бродившего по заброшенным тоннелям гномов. Мол, едва ноги унесли...

— Пламенный Бич? — озадачился варвар. — Это что еще такое?

— Демоническое существо, относящееся к области чистейшей мифологии, — уверенно сказал Гвай. — Уж не знаю, что там гоблинам Гардага с перепою привиделось, но Пламенных Бичей просто не существует.

— Гвай, я не спрашивал, существуют они, или нет. Что это?

— Гигантский монстр, демон пламени. Так по крайней мере утверждают сказки. Вооружен огненным мечом или плетью. Любое оружие, коснувшееся этого демона — сгорает. Пламенный Бич почти непобедим, эти духи имеют божественную природу, они невероятно сильны и агрессивны. Последние упоминания о них относятся к временам непредставимой древности, эра владычества Роты-Всадника. Во времена Валузии или Кхарии и в нашу эпоху их никто никогда не видел, включая гномов королевств Граскааля, которые прокопали шахты к самым корням гор. Вроде бы Пламенные Бичи обитают именно там, на огромной глубине. Вот и все, что мне известно. Теперь ты доволен?

— Доволен? — хмыкнул киммериец. — Помнишь, что Рэльгонн говорил? Там, за облаком... — Конан указал на закрывающую перевал огромную черную тучу, — там находится Хайбория изначальных времен. Если эти Пламенные Бичи жили во времена Роты, то где гарантия, что один из них не сумел недавно перебраться оттуда в наш мир?

— Исключено, — решительно ответил Гвай. — Рэльгонн четко сказал: для существ из прошлого нашего будущего не существует и они не смогут пройти через портал.

— Да? Человек не сможет, а чудище вроде твоего Пламенного Бича — сможет. Если этот демон действительно таков, каким ты его описал — существо обладающее почти божественной силой! — то ему может быть подвластно и время! Вдруг монстру стало скучно в прошлом и он решил поразвлечься у нас?

Гвай, посчитавший соображения Конана надуманными, хотел было ответить решительной отповедью, но в этот момент случилось одновременно несколько событий. С тропы ведущей вниз, в долину Драконьей лапы, донесся невнятный металлический грохот вкупе со странным завыванием, затем на площадке перед пещерой появились аж целых четыре гоблина во главе с Гардагом. Конан от неожиданности опрокинул себе на штаны миску с похлебкой, Гвай, Эйнар и барон Олем схватились за мечи, Асгерд выхватила из скрученных на затылке узлом соломенных кос метательную иглу.

Гардаг и его непривлекательные дружки были напуганы — в круглых зеленоватых глазах гоблинов плескался ужас. Все четверо были вооружены до зубов и облачены в заржавленные, но добротные доспехи явно гномьей работы. С кем они успели сцепиться с утра пораньше? И кто вызвал в стане гоблинов эдакую панику?

— Что? — коротко спросил насторожившийся Гвай.

— Он приш-шел в наш-ши пещеры... — с пришептыванием выдохнул Гардаг. — У вас-с магия Равновесия! Помогите! Мы же заключили союз...

— Кто — «он»? — киммериец тотчас позабыл об испачканных штанах. Слишком уж явными были волны страха исходившие от гоблинов. А представителей подгорного племени не так уж легко напугать — сами кого хочешь заставят в штаны наложить.

— Пламенный Бич, — быстро ответил Гардаг и ввернул словечко, потом определенное Эйнарором как понятие, сохранившееся с древнейших времен. — Валарауко... Он здесь, совсем рядом. Остановите его, или он убьет вс-сех...

Взоры всей компании обратились к Эйнару, как существу, владевшему природной магией. Если уж воевать с демоном, которому нипочем любое оружие, то придется использовать волшебство.

— Я не уверен, — помотал головой брорлайхэн. — Вы за кого меня принимаете, а? Думаете, у обычного Духа Природы хватит сил для борьбы с монстром, о котором даже ничего толком неизвестно?.. Катитесь к демоновой матушке на пирожки! Не пойду никуда!

— Тогда вот тебе приказ, — деловито сказал Гвай, набрасывая на плечо перевязь с клинком. — Воевать с этой штуковиной тебя никто не заставляет. Пойдем просто глянем, что оно такое. Если выяснится, что монстр действительно опасен, прикроешь наше отступление, а сам на время развоплотишься — он не сможет тебя догнать. Гардаг, это далеко?..

— Эй, эй! — тут уже возмутились Конан и Асгерд. — Гвай, ты однажды допрыгаешься! Зачем нам смотре...

Земля колыхнулась, будто при землетрясении. Со склонов скалы посыпались мелкие камушки. Конану показалось, что солнце померкло, его будто тучей закрыло. Впечатление дополнил сильнейший удар грома — варвару почудилось, что в скалу попала молния.

— Какого?.. — начал было Гвай, хватаясь за рукоять меча, но тут же понял — обычный стальной клинок в данной ситуации не поможет.

Охотники начали медленно отходить к пещере, а гоблины с тоненькими привизгиваниями порскнули по сторонам, будто спугнутые тараканы. Гардаг рванул вверх по тропе с такой быстротой, что, казалось, гоблин увидел перед собой Князя Черной Бездны, самого прародителя Зла. Только пятки засверкали.

— Мамочки... — выдавила Асгерд. Или Конану показалось, или в ее речи были слышны нотки восхищения. — Ни-че-го себе! Поразительно! Такого просто не бывает!

— Гвай тоже говорил, что не бывает, — пораженно сказал киммериец, пятясь и вытягивая перед собой меч. — Гвайнард, я тебе лично морду набью! Собственными руками! Это он? Пламенный Бич?

— Отцепись, балбес...

Оно было огромным. Не гигантским, конечно, но огромным. Двадцать или тридцать локтей в высоту, не меньше. Туловище походило на человеческое — две руки, две ноги, голова — но ни у одного человека нет такой кряжистой, будто сплетенной из черных вервий, фигуры. И уж точно представители людского племени не обладают сияющими багровым огнем глазами, широченными крыльями, сложенными за спиной, трехпалыми, будто у ящерицы, конечностями и пастью, напоминающей пылающие недра самого большого на свете кузнечного горна.

А еще тело удивительного монстра порождало огонь. При каждом его шаге по тропе ведущей на перевал, от глянцево-черного туловища исходили волны горячего темно-оранжевого пламени. Под когтистыми стопами демона-валарауко плавился камень. Воздух

стал раскаленным, дуновение горячего ветра обжигало лица. Лошади и сартак все-таки сорвались с привязи и сбежали вверх по тропе, вслед за Гардагом.

Ватага охотников вместе с бароном Олемом оцетинилась клинками — люди оказались прижаты к скале, отступать было некуда. Неожиданно пожаловавший в гости к Ночным стражам демон стоял как раз посреди площадки, чуть левее костра, на котором все еще кипел котелок с завтраком. Конану почему-то подумалось, что эдакий монстр может быть очень полезен для приготовления пищи для целой армии проголодавшихся наемников — дунет один разок, и никаких костров не нужно... Что за глупые мысли?..

— Эйнар? — процедил Гвай. — Можешь что-нибудь сделать?

Пламенный Бич стоял и спокойно рассматривал стоявших перед ним крошечных человечков. Пока не напал. В его лапах не было видно ни огненного меча, ни плети, от которой и пошло прозвание древних демонов.

— Н-нет, — заикнувшись выдавил броллайхэн. У Эйнара зуб на зуб не попадал. — Я чувствую его мощь... Боги, какой он... сильный! Такое просто невысказано...

— Кажется, мы серьезно влипли, — почти не разжимая губ пробурчала Асгерд. — Гвай, командуй! Хоть умрем с честью! Похоже, данный монстр прославленным охотникам на монстров не по зубам!

Но тут произошло странное. Пламенный Бич осторожно отступил на несколько шагов, к самому краю площадки и опустил окутанные вспышками огня лапы-руки, прежде вытянутые в предостерегающем жесте. Его огромное черное тело начало быстро изменяться, превращаясь не то в ящерицу, не то в дракона. Пламя постепенно исчезало.

— И что сие значит? — озадачился Гвайнард, наблюдая за трансформацией монстра. — Он же мог сжечь нас за долю мгновения!

— Мог, но не сделал, — отреагировал Конан, заинтересованно наблюдая за демоном. — Вопрос: почему? И зачем он превращается?

Вскоре перед взглядам Ночных Стражей предстал невообразимо противный чешуйчатый гад, названия которому не смог подобрать даже быстрый на слова Эйнар. Эдакая неопрятная помесь черной гадюки, дракона-виверна и саламандры. Морда отвратительнейшая, длинный гибкий хвост заканчивается треугольным жалом, похожим на копьеобразное острие. Глаза остались прежними — горяще-багровыми. Конан неожиданно для самого себя рассмотрел в этих ярких точках удивление и, возможно, некую долю заинтересованности.

Боги всеблагое, да что же ему нужно?

— Пришедшие следом... — вдруг гулко сказал черный ящерозмей на вполне понятном каждому из охотников аквилонском языке. Что происходит? Откуда Пламенный Бич может знать наречие столь далекой от Бритунии страны? Аквилония ведь появилась только тысячу триста лет назад, а возраст этого существа может исчисляться десятками тысячелетий! — Да, я не ошибся, вы — Пришедшие следом. Я видел вас тогда... Повелитель был благосклонен к вашему племени, хотел научить вас истине, которой обладал. Но вы почему-то избрали путь длинноухих... Господин на вас не обиделся.

— Что за абракадабра? — шепнул Конан, поворачиваясь к Гваю. — Какие длинноухие? Какой, к демонам, «Повелитель»? Может он от старости из ума выжил?

— Тс-с... Пусть говорит. Если не убил сразу и начал разговаривать, значит у нас есть возможность выпутаться, — столь же тихо ответил командир отряда. — Интересно...

— Я спал, — несколько отрешенно продолжал демон. — Очень долго спал в глубинах. И вдруг почувствовал, что Повелитель вернулся. Но ведь на самом деле — его нет в этом мире?

И в то же время я ощущаю его силу. Какая сейчас эпоха? Первая, вторая, третья? Я заснул после второго возрождения Утуна и просыпался редко... Господин отпустил меня. Вы можете ответить, о Пришедшие следом?

Слова Пламенного Бича были людям насквозь непонятны, однако Гвай решился ответить демону столь же вежливо:

— О могучий, да будет тебе известно, что сейчас тысяча двести восемьдесят пятый год от основания королевства Аквилония. Если считать по эпохам — то сейчас, вероятно, пятая. Считая от эпох владычества Роты-Всадника, Валузии, Атлантиды и Кхарии.

— Аквилония? — ящерозмей склонил голову и посмотрел на Гвая искоса, как заинтересованная птица. — Похоже на наречие длинноухих — «аквило» на их языке означало «северный ветер». Вы друзья элентари?

«Ага, ясно, — сообразил Конан. — Элентари, альбы, эльфы, отличались от человека острыми ушами. Значит это пугало именуется «длинноухими» именно альбов. Занятно!»

Гвай тоже оказался не дураком и сделал выводы, аналогичные мыслям киммерийца.

— Нет, о могучий, — сказал Гвайнард. — Сущест, которых ты называешь «элентари» более не существует в нашем мире. Они ушли. Навсегда. Сейчас этот Универсум принадлежит людям. Видимо, именно нас, людей ты поименовал «Пришедшими следом»?

— Длинноухих прогнал Господин? — осведомился Пламенный Бич. — И не называй меня столь выпендренно — «могучий». Воистину могучим был только Повелитель... К чему раболепие? Повелитель научил нас уважать Пришедших следом.

«Вот это да! — сказал себе киммериец. — Рота научил своих великих демонов уважать человека? Да что же творилось в нашем мире в его времена? Держите меня семеро, упаду!»

— Я не знаю этой истории, — поразмыслив, ответил чудовищу Гвай. Слишком давно дело было. Ты бессмертен, а люди — краткоживущи. У нашего племени короткая память.

— Я хочу вернуться домой, — с отчетливо прозвучавшей в голосе тоской проронил Пламенный Бич. — Я хочу снова увидеть Повелителя и служить ему... Но время не повернешь вспять. Здесь я — никому не нужный чужак... Но ответьте, почему я вновь чувствую силу Господина, если в этом мире его нет?

Гвай переглянулся с Конаном. Киммериец кивнул, поняв, что хочет сказать Гвайнард.

— Видишь облако над горами? — сказал предводитель Ночных Стражей. — Ты ощущаешь магию того, кого назвал Повелителем потому, что на Восходе отсюда открылся проход во времена, являющиеся древностью для нас, но настоящим для тебя. Возвращайся к Господину. Именно оттуда и течет поток магии Роты, который заставил тебя проснуться.

— Правда? — оживился демон. — Я вижу, ты не врешь... Но ведь так не бывает!

— Кром Молнемечущий! — неожиданно взорвался Конан, которому изрядно надоела велеречивая беседа с отвратным ящерозмеем. — Если я сегодня еще хоть раз услышу слова «так не бывает», то вот этими руками оторву голову любому кто их произнесет! (Для наглядности варвар показал Пламенному Бичу ладони). Слушай, друг, тебе ясно указали дорогу — иди в горы, минуй облако и окажешься дома! Не знаю, в какие именно времена, но твой Рота там все еще живехонек и царствует на своем черном троне! Мы, кстати, тоже хотим туда заглянуть — мне не терпится увидеть свою тридцать три раза пра-прабабушку! Валяй, понял?!

— Да, я понял тебя, Пришедший следом, — с неожиданной покладистостью отозвался монстр. — Ты тоже не врешь. Хорошо, что мы увиделись, иначе я не смог бы разобраться в своих ощущениях. И очень хорошо, что вы говорите на Изначальном наречии, которое я тоже

знаю... Если вы солгали — я найду вас и убью. Если вы сказали истину и действительно собираетесь войти в мой мир, я обещаю, что помогу вам... Если что-нибудь случится... Мое имя — Гортхарэнн, старшая хтоника Ангамандо... Благодарю вас, Пришедшие следом!

Ящер поднялся на короткие лапки и вновь начал изменяться. Обратное превращение значительно меньше времени и перед охотниками вновь оказался Дух Огня — видимо, в данном воплощении он не мог разговаривать, а потому вынужден был принять облик черного ящера. Плающее чудовище задержалось возле обрыва, глянуло вниз, в ущелье, а затем... Затем Пламенный Бич просто прыгнул вниз.

Гвай и остальные стремглав ринулись к краю площадки, посмотреть, что случилось с валарауко — глубина ущелья была не меньше четверти лиги. Человек бы непременно расшибся насмерть.

Падающий комок Огня и Тьмы, не достигнув дна пропасти, расправил крылья и пылающей кометой, оставляющей за собой невесомый туманный шлейф, устремился к висящему над Лазурным кряжем облаку. Вскоре багровая точка канула в бурлящих глубинах черной тучи.

— Ничего не понимаю, — брякнула Асгерд и хитро взглянула на киммерийца.
Конан только сплюнул.

* * *

Лошади нашлись быстро — их привел сартак, а Конан вновь получил возможность в необычной для простого животного сообразительности своего скакового монстра. Гоблины во главе с Гардагом появились спустя два квадранса и доселе выглядели насмерть перепуганными. Видимо, их опыт общения с Пламенными Бичами был не столь благополучен, как у ватаги охотников. А может быть они слишком хорошо помнили сказки своего странного народа, повествующие о временах, когда Духи Пламени властвовали над землями материка, в свою очередь подчиняясь приказам легендарного Всадника Полуночи, божества, некогда являвшегося безраздельным повелителем обитаемого мира...

Между прочим, Гардаг по неясным людям причинам посчитал, что именно Эйнар и прочие Ночные Стражи изгнали Пламенного Бича и проникся к охотникам прямо-таки благоговейным почтением. После недолгих переговоров выяснилось, что гоблины, не смотря на союзнические обязательства, категорически отказываются сопровождать охотников — в колдовское облако они не полезут, это решено! Проводить по самым безопасным горным тропам на перевал — это пожалуйста. Присмотреть за событиями, которые, возможно, будут разворачиваться вокруг замка барона Дортонна — без проблем. Но идти в облако, так и пышущее страшной и непознаваемой магией? Нет!

На том и уговорились. Гвай сообщил Гардагу, что через несколько дней охотники вернутся и их следует встретить. За замком Дортонна наблюдать в четыре глаза! Чужаков на перевал не пускать — выставить стражу из пещерных троллей. По рукам?

Неразговорчивый вождь гоблинского племени кивнул, цыкнул на своих сородичей и заспешил вниз, ко входу в подземелья, оставив Ночным стражам одного провожатого — здорового гоблинищу с совершенно непроизносимым именем. Охотники, уложив вещи и

переседлав лошадей, направились в противоположную сторону — в горы. Непроизносимый гоблин шел перед лошадьми, указывая направление. До Черного облака оставалось не более половины дня пути.

* * *

— Знаете, друзья, — сказал Гвай, когда больше половины трудной дороги, осталось позади. — Я тут подумал, что по меркам истории мира мы не слишком далеко ушли от древности. По человеческим воззрениям — да, эпоха Роты является слишком далекой и напрочь позабытой. Но история сохранила ее наследие донныне.

— Это ты о чем? — не понял киммериец. — Поясни.

Лошади, пыхтя и изредка оскальзываясь на камнях, продолжали карабкаться по узкой тропке. Титаническая туча бурлила прямо впереди, казалось что достаточно вытянуть руку, и коснешься ее поверхности, выглядевшей очень плотно, словно курчавый мех черного барана.

— Я пытался осмыслить слова валарауко, Пламенного Бича. — ответил Гвайнард. — Он говорил на аквилонском языке, хотя я заметил в его речах несколько очень архаичных слов, которые сейчас почти не употребляются. Затем демон сказал, будто аквилонский — суть некое «Изначальное наречие», хорошо ему известное. А слово «аквило» принадлежит языку элентари. Представляешь, столько лет прошло, а язык практически не изменился!

— Из этого следует, что наша человеческая память не столь уж и коротка, — едко заметила Асгерд, припомнив слова Гвая, сказанные им Пламенному Бичу. — Когда жил Рота-Всадник? Восемь, девять тысяч лет назад? Однако ж, мы сохранили память...

— Или кто-то постарался сделать так, чтобы мы ничего не забыли, — подал голос Олем Дортон. — Человеческое бытие доселе определяется волей богов, а Митра, Ишгар или Бел не младше Роты. Слабее — да. Но, как гласят легенды, все божества были сотворены в миг, когда волей Единого и Незримого появился тварный мир.

— Философы доморощенные, — вздохнул киммериец. — Вы бы о другом подумали: а что нас ждет внутри облака? В этом вашем «прошлом»? Стада Пламенных Бичей? Орды гоблинов? Стаи драконов? Не подумайте, я не предлагаю отступить, я предлагаю подумать о нашей безопасности.

— На месте разберемся, — с непонятной варвару беззаботностью ответил Гвай. — Тогда мир был очень молод, а молодость... Точнее, не «молодость», а «детство», подразумевает чистоту и невинность.

— Но в то же время, дети злы и себялюбивы, — мрачно сказала Асгерд. — А отступить и на самом деле не имеет смысла. Мы почти на месте! Гвай, Конан, вы же вместе путешествовали через портал в мир Ауруса. Расскажите, это очень неприятно — проходить сквозь пространство и время?..

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В которой Конан сотоварищи оказывается в предначальной эпохе и встречает крайне необычных людей

— Красотища какая...

Конан был прав. Здесь было красиво. Признаться, оставшаяся позади Хайбория тоже могла заморозить своими пейзажами самого утонченного ценителя прекрасного, но мир «за облаком» превосходил все мыслимые красоты Бритунии, Аквилонии или Киммерии.

Облачный портал вывел охотников вовсе не в горы, а на холмистую равнину — тут «проход сквозь эпохи» выглядел туманным маревом, укрывшим собой густой лиственный лес. Никаких скал, как в оставленной позади Кезанкии не наблюдалось. Зато было другое.

Эйнар, как Дух Природы, умевший «чувствовать» особенности породившего его мира, немедленно подтвердил слова Рэльгонна — вне всякого сомнения, данная Сфера является Хайборией. Точнее, не Хайборией, а тем, что являл собой данный мир во времена совсем уж незапамятные. Все прочие согласно покивали, а Конан подумал, что солнце здесь и вправду светит ярче, воздух свежее и ароматнее, листва на деревьях куда как зеленее, чем в бритунийских лесах... Или показалось?

Опасения Асгерд касательно возможных неприятностей, которые будут сопровождать переход через несчитаную тьму столетий, совершенно не оправдались. Отряд беспрепятственно вошел в бурлящие глубины облака, укрывшего Лазурный кряж. Надобно заметить, что вблизи непроглядно-черная колдовская туча выглядела весьма устрашающе, но лошади не чувствовали опасности — домашняя скотина ощущает злую магию куда острее человека. Словом, как вошли — так и вышли, никто ничего и не заметил. Лишь на мгновение померк солнечный свет, послышался не то щелчок, не то хлопок и... И всадники уже находились по другую сторону времени. За их спинами тоже вставала стена тумана, на сей раз — белого.

Если в Хайбории вечерело, то здесь было утро. По расположению солнца Ночные Стражи мигом определили стороны света, заставили лошадей подняться на высокий крутобокий холм и принялись осматриваться..

— Скорее всего мы находимся на Полуночном Закате материка, — со знанием дела заявил Эйнар. — Где точно — сказать не могу, но, возможно, этой земли в наши времена уже не существует.

— Как так — не существует? — удивилась Асгерд.

— Часть Закатного материка после низвержения Роты-Всадника была затоплена, — пояснил за Эйнара Конан, хорошо помнивший бытовавшие в Киммерии сказания и легенды. — Причем довольно значительная часть. Уж не знаю, чего натворил этот ваш Рота, но на него вроде бы ополчились большинство богов нашего мира и они устроили Всаднику примерную выволочку. Да такую, что закатные земли континента попросту канули в океан, а взамен из глубин была поднята Атлантида...

— Которая, в свою очередь, тоже была утоплена из-за разногласий атлантов с

означенными богами, — задумчиво дополнил Гвай. — Признаться, тогдашние божества были суровы и решительны, если уж не испугались менять облик мира. Не хотел бы я с ними встретиться.

— Не тогдашние, а теперешние, — поправил командира Эйнар. Потом мрачновато сказал: — Я ощущаю невероятную мощь этих незримых духов, она пропитывает мир до последней песчинки... Людям не дано это почувствовать, а мне... Мне тут неуютно. Знаете, мне кажется, будто я — муравей, на которого собирается наступить слон.

— Хочешь сказать — тут опасно? — насторожился киммериец.

— Вам, человеческим существам, может быть и не опасно, — лицо броллайхэн изменилось и сейчас выражению его глаз вполне подошло бы определение «не от мира сего». — Магия... Точнее не магия, а некая непонятная мне Сила, здесь истекает отовсюду. Я будто слышу эхо Песни Сотворения, отголоски величайшей божественной музыки, которая еще не утихла. Музыка со странным диссонансом, который ее не портит, но делает ближе к пониманию изначального замысла...

— Ты хоть сам понимаешь, что несешь? — вытаращился Конан. — Какая «музыка»? Какой, к нергаловым демонам, «диссонанс»? Что за «изначальный замысел»? Очнись!

Эйнар зажмурился, помотал головой, протер глаза кулаками и вновь заговорил своим обычным голосом:

— Ф-фу, не пойму, что на меня нашло! Но я действительно ощутил нечто необычное, непередаваемое словами человеческой речи! Я словно бы увидел картину сотворения нашей вселенной... Точнее, не картину — услышал музыку сотворения. Песню!

— Больше пива пей, еще и не такое услышишь, — скептически отозвалась Асгерд. — Давайте лучше подумаем, что делать дальше. Если уж мы здесь оказались, надо провести время с толком.

— Вот-вот, — подхватил Конан. — Как совершеннейший варвар по складу ума и образу мыслей предлагаю отыскать пару-тройку альбовых гробниц и начисто их разграбить. Зачем золото мертвым альбам? Еще можно найти какой-нибудь поселок и вдрызг напиться в местной таверне. Затеять драку с тамошними завсегдатаями или стражей. Накупить древних артефактов, чтобы продать в нашей Хайбории не слишком прижимистому магу — ведь с руками оторвет эдакие редкости!.. А если серьезно, то я абсолютно не представляю, чем мы можем здесь заняться. И вообще, зачем мы сюда приперлись? Красотами любоваться?

— Посмотрите на Полночь, — перебил киммерийца барон Дортон, внимательно оглядывавший горизонт. — Вам не кажется, будто там происходит что-то странное?

Вся компания послушно развернулась в указанном направлении. Если На Полудне, Восходе и Закате наблюдалась лишь бесконечная лесистая равнина, Полуночная сторона была отмечена длинной горной грядой, над которой нависала полоса черного дыма. А еще над отдаленными горами мелькали багровые огненные сполохи.

— Вулкан, — убежденно сказал Гвай. — Вероятно, очень большой... Постойте-ка, все известные мне легенды гласят: крепость Роты находилась в горах на Полуночи, неподалеку от трех вулканов. Может, это она и есть?

— Да отвяжись ты со своим поганым Ротой, — повысил голос Конан, внимательно наблюдая за непонятной черной точкой, находившейся высоко в воздухе и летевшей как раз со стороны гор. — Как думаете, други, что это за летучее чудо? Ничего подобного доселе не встречал!

Непонятная тварь двигалась стремительно и вскоре стало ясно, что существо очень

велико — по крайней мере, не меньше встреченного наемни валарауко. Последний, кстати, тоже умел летать.

— Нет, это не Пламенный Бич, — покачал головой Эйнар. — Боги милостивые! Это ж летучая мышь!

— Скорее, летучий слон в образе летучей мыши, — быстро ответил киммериец. — Давайте укроемся под деревьями, авось не заметит...

Мышка, размерами и впрямь больше напоминавшая крылатого элфанта, опередила. Очень быстро — так умеют только летучие мыши — она скользнула вниз, описала над головами приготовившихся к возможной схватке охотников широкий круг и исторгла противный тонкий писк. Затем, расправив широченные черные крылья, поймала восходящий поток воздуха, поднялась на высоту не менее полулиги и заскользила обратно, в сторону укутанного дымом горного кряжа.

— Гвай? — варвар повернулся к предводителю ватаги. — Это что такое было?

— Понятия не имею, — пожал плечами Гвайнард. — В нашем времени столь огромных животных не встречается. Наверное, такие здоровенные мыши давным-давно вымерли.

— А мне показалось, что в ее крике был заключен некий смысл, — сказал Эйнар, провожая взглядом быстро удалявшееся чудище. — Она что-то сказала, понимаете?

— Тебе сегодня слишком много чего «кажется», — усмехнулась Асгерд. — Никакая мышка, будь она летучей или обыкновенной, большой или маленькой, разговаривать не может. Мозгами обделена.

— Мы находимся в мире, над которым люди не властвуют, — напомнил Эйнар. — Я даже не знаю, существует здесь человек, или он еще не сотворен. Эти земли принадлежат элентари или каким-то иным древним существам. Я уж не говорю о владениях Роты, населенных... Населенных вообще незнамо кем. По слухам, Всадник сам пытался создать разумных существ, о которых в наши времена ничего не известно.

— А гоблины с троллями? — поинтересовался Конан. — Это же его работа! Боюсь, не самая удачная.

— Хватит языками чесать, — Гвай поморщился. — Предлагаю осмотреться. А именно — поехать в сторону Полуночи. Вдруг встретим кого-нибудь из местных жителей? Если валарауко не врал и аквилонский язык действительно является «Изначальным», мы с ними договоримся. А заодно выясним, где мы оказались.

— Не «где», а «когда», — поправил Гвайнарда броллайхэн. — Кстати, я подозреваю, что мышка все-таки была отнюдь не простой: она нас увидела и полетела докладывать о чужаках.

— Кому — докладывать? — вздохнула Асгерд. — Роте-Всаднику? Ты думаешь, что шайка идиотов, заявившаяся в глубокое прошлое из далекого будущего, чтобы «просто посмотреть» на юность мира, заинтересует столь могучего бога? Да кому мы нужны?

— Может быть, кому-то и нужны, — недовольно проворчал Эйнар. — Ладно, поехали на Полуночь. Если никого не встретим — ночью прилетит Рэльгонн и разведает обстановку.

С тем пятеро всадников начали спускаться с холма в ложбину, кою украшали невиданные в Хайбории деревья-титаны с золотисто-зелеными листьями. Широкое межхолмье вело как раз в избранном направлении — к темным зубцам горного хребта.

На огромной высоте, почти под самыми облаками, кружила гигантская летучая мышь. Она получила приказ Господина надзирать за странными пришлецами, а в случае чего — оборонить их от возможной опасности. Приказ был изложен в столь настоящей и недвусмысленной форме, что Тхурингветиль немедленно вернулась из Ангамандо в Зеленые Земли...

— Это уже становится интересным, — задумчиво сказал Конан. Киммериец спешился и теперь, присев на корточки, разглядывал недавнее, еще теплое кострище. — Тут совсем недавно были люди. Довольно много — судя по количеству разведенных костров. Обглоданные кости опять же, следы, причем явно человеческие.

— Надо думать, люди оставались здесь на ночевку, — согласился Гвай, осматривая широкую поляну. — Следов копыт, наоборот, мало. Не понимаю только, почему копыта раздвоенные? Наверное, наши незнакомые сородичи предпочитают путешествовать пешком. Сколько же их было? Конан, ты опытный следопыт, подумай.

Киммериец подумал. Выводы оказались таковы: восемнадцать костровищ могли указывать только на то, что на поляне побывал довольно крупный отряд, человек в сто пятьдесят-двести. Деревья они рубили, судя по сколам, острыми, но примитивными топорами — такие сейчас можно встретить лишь в самых глухих лесах Бритунии или Пограничья. Обнаружилось и несколько артефактов — грубовато вырезанная деревянная лошадка-игрушка, видимо потерянная ребенком, разорванная нитка бус, сделанных из мелкого речного жемчуга, сломанный посох, клочок крашеной в коричневое домотканой холстины... Что из всего этого можно заключить? Правильно: на поляне ночевал не боевой отряд, а, скорее, племя людей зачем-то переселявшееся на Полуночный Закат или Полночь с детьми и женщинами.

— Далеко уйти они не смогли, — сказал киммериец, вставая и отряхивая от мусора штаны. — Двигутся медленно, наверняка тащат весь скарб на собственных горбах или лошадях с поклажей. Причем у лошадей парные копыта, будто у оленей. Странно... Будем догонять?

— Не думаю, что эти люди слишком радушно отнесутся к вооруженным незнакомцам, — неуверенно ответил барон Дортон. — Если племя вынуждено было сорваться с насиженного места и уйти, значит их изгнали более сильные враги.

— Или наводнение, — предположил Гвай. — Или лесной пожар, неурожай... Почему обязательно — враги?

— Потому, что история эпохи Роты — это сплошная война, — наставительно сказал Эйнар. Все против всех. Люди против альбов, альбы против Всадника, Всадник против альбов и людей, последние — против гоблинов и прочих слуг Роты. И так далее. Вроде бы,

тогда... точнее, сейчас, не было ни единого спокойного года. Сделаем так: мы на лошадях, догнать людей мы сумеем, а если они отнесутся к нам недоброжелательно — сумеем и ретироваться. В крайнем случае я использую магию. Поехали по следу?

И они поехали. Если подходить к ситуации с точки зрения чистого прагматизма, такое решение и впрямь было несколько поспешным — неизвестно, чего можно было ждать от обитателей древнего мира. Однако, присущее Конану врожденное чутье на опасность молчало. Сам не зная почему, киммериец был уверен — в этом удивительном лесу Ночных Стражей не ждет ничего скверного. Уверен, и все тут!

— Насколько необычен этот мир, — Эйнар не переставал трещать, будто спятившая сорока. — Я вижу здесь деревья, которые в наши времена уже исчезли, и эти деревья разговаривают между собой! Вам, людям, не слышен этот разговор, но броллайхэн способен различить слова...

— И о чем же ведут беседы твои деревяшки? — вздернула брови Асгерд.

— О солнечном свете. О корнях, чья паутина укрывает землю от Океана, до мерзлых земель на Полуночи. О существах, которые чужды древесному народу — они, кстати, вроде бы обитают как раз возле гор, к которым мы направляемся. Об искажении, нарушившем изначальную архитектуру мира.

— Так и говорят — «архитектуру»? — фыркнул Гвай. — С каких это пор бессловесные дрова стали способны употреблять насквозь человеческие выражения? И я вообще не уверен, что в нынешние времена известно слово «архитектура». Но я прежде слышал о расе разумных деревьев способных бродить по лесам и общаться с человеком. Как и всегда, эти байки относятся к разряду чистейших небылиц.

— Для тебя небылицей является все, что ты не потрогал руками или не видел собственными глазами, — огрызнулся Эйнар. — А еще мнишь себя Ночным Стражем! Оноды, деревья обладающие разумом и речью, существуют. Даже в нашей Хайбории их еще можно встретить в самых глухих чащобах Полуночи или, например в Боссонском Ямурлаке! Они...

— А ну, тихо, — цыкнул на Эйнара Гвайнард. — Мне показалось, или это запах дыма?

— Точно, — подтвердил киммериец. — Похоже, мы их догоняем. Пахнет еще жареным мясом. Сейчас перевалило за полдень, люди встали на дневную стоянку и готовят пищу. Мне кажется, что их не следует пугать появлением вооруженных всадников — давайте сойдем с седел и поведем лошадей за узду. К пешим они отнесутся с большим доверием!

Гвай счел предложение варвара разумным — если уж таинственные обитатели этих земель относятся к кавалерии сдержанно, значит придется подстраиваться под их вкусы. Или здешние люди еще не умеют приручать лошадей?

Точно, не умеют. Когда процессия Ночных стражей вышла из зарослей на обширную прогалину, на которой обосновались далекие предки хайборийцев, выяснилось, что в качестве вьючной скотины те использовали здоровенных лосей — вот вам и разгадка секрета раздвоенных копыт. Это было первое, что бросилось в глаза.

Затем стало еще интереснее. Охотники (которых, само собой, сразу заметили) остановились у кромки леса, не желая спровоцировать нападение. И почти сразу оказались окружены толпой, численность которой Конан оценил человек эдак в сто тридцать. Люди как люди — высокие, светловолосые, в глазах светится безмерное удивление. Одеты скромно, если не сказать — по-дикарски: шкуры, грубая холстина, украшения из клыков животных. В руках некоторых мужчин копыя, но с каменными или кремневыми

наконечниками. Словом, варвары. Причем варвары почище любых киммерийцев или нордлингов — те хоть давным-давно освоили кузнечное дело.

Конан немедленно отметил странность — среди этих людей не было стариков, буквально ни одного. Самому старшему — здоровенному русобородому мужику, одетому чуть красивее остальных (куртка из шикарной рысьей шкуры, шапка с меховой опушкой и... Митра Всевидящий у него де на поясе кинжал потрясающей работы! Рукоять золотая, с эмалевой инкрустацией и цветными камнями! Откуда такая красотища у дикаря?!), так вот, самому старшему никак не дашь больше сорока лет. Спрашивается — почему? Может, они своих стариков убивают, чтобы не тяготиться ими в пути? Такое и в цивилизованной Хайбории у кочевых племен встречается, а что можно подумать об этих дремучих лесовиках, обитающих на самом дне реки времени?

Женщин примерно столько же, сколько и мужчин — ведут себя чинно, не галдят и не перешептываются при виде незнакомцев. Детей много — не меньше трети от общего числа кочевого племени. Напуганным никто не выглядит.

— Это люди, — первым заговорил мужчина с кинжалом. Речь его звучала понятно, не смотря даже на очень странный, никогда прежде киммерийцу не встречавшийся акцент. — Точно, люди. Такие же, как мы. А эти шгуковины с сиденьями на спинах — звери. Вроде наших лосей, но другие. Я таких еще не видел. Вы куда идете, люди? Мы идем на север и на запад, туда, где есть большое становище, обнесенное камнем. Нам про него рассказывали те, кто приходил из Анги-Банги.

— Откуда? — поперхнулся Гвай, даже не обратив внимания на то, что предводитель дикарей использовал вместо привычных слов «Закат» и «Полночь», названия сторон света бытовавшие исключительно среди корсаров Барахас. Впрочем, среди моряков Полуденного Океана бытует множество странных словечек.

— Анга-Банга, — повторил вождь. — Самое большое стойбище отца нашего шамана. Говорят, оно тоже огорожено каменной стеной, будто загон для оленей. Мы всем племенем решили сходить посмотреть. Шаман позвал в гости к своим друзьям. Шаман, иди сюда!

Шамана вытолкнули вперед и Ночные Стражи с легким изумлением узрели перед собой самого настоящего гоблина. Хотя нет, не гоблина — это существо было повыше парней Гардага, покряжистее и поуродливее. Хотя, куда уж уродливее...

— Б-р-р, — помотал головой Гвай и шепнул Конану: — Ничего себе компания! Племя людей, а в шаманах — урук! Да эта раса гоблинов вымерла еще до наступления Валузийской эпохи!

— Меня все называют Индаром, — продолжал вождь, будто не замечая обалдевших физиономий нежданных гостей. — Вот моя жена, Ишхе. Сына моего (к Индару вышел парнишка лет шестнадцати) назвали Ладаром.

— А кто вы все? Как вы себя называете? — подал голос Эйнар.

— Люди, — с самым серьезным видом сказал Индар, хотя это было вполне очевидно и без данного утверждения. — Но люди есть разные. Есть люди Лоссоты, есть Марахи, а Мы — Дары. Если совсем длинно — Дарвинги. Но вообще-то в этих землях очень много разных людей и все называются по-разному. Вы почему стоите тут? Подходите к огню, покушайте. Земля тут богатая — звери, ягоды, с голоду не пропадем.

Когда отряд охотников устроился возле костра вождя племени Дарвингов, разговор пошел куда живее. Точнее, говорил только Эйнар, остальные же Ночные Стражи и барон Олем Дортон сидели раскрыв рты: столь удивительна была эта беседа.

Во-первых, Индар представил своих приближенных — всех имен Конан не запомнил, ограничившись только Андаром (вроде бы братом вождя) да его супругой с сыном. Шамана-урука звали просто Ша. Затем началось самое интересное.

Эйнар удовлетворил свое любопытство и попросил достойного вождя Дарвингов представить гостей его уважаемым родителям. На что тот сказал, что мамы и папы у него нет.

— Просто я сначала спал, а потом проснулся таким, какой сейчас, — втолковывал Индар. — Я сначала не знал, что люди появляются из женщин и совсем маленькими, думал что они просыпаются взрослыми, как я. Но в нашем племени проснулись только самые старшие. Остальные родились от женщин.

— Митра Всеблагод и Всеведущий, Иштар Благословенная, Нергал Справедливейший, — без всякого притворства простонал броллайхэн, закатывая глаза. Затем перевел напрочь ошалелый взгляд на соратников и сказал на непонятном Дарвингам бритунийском языке. — Вы понимаете, что это значит? Понимаете? С ума сойти! Невероятно!

— Да в чем дело-то? — нахмурился киммериец, подозревая неладное.

— Они — Перворожденные! — слабым голосом ответил Эйнар. — Самые первые люди, уяснил? Первые! Эти люди не рождены, а сотворены! Именно от них пошел ваш род! Мы находимся в самом начале первой эпохи нашего мира! Считайте, что это наиболее отдаленные ваши предки, отдаленнее и быть не может! — Тут броллайхэн снова перешел на аквилонский, сиречь «Изначальный» язык и обратился к Индару: — Скажи мне вождь, сколько лет ты живешь на свете? Я хочу спросить, сколько раз солнце замыкало полный круг, с той поры, когда ты проснулся?

— Сорок шесть кругов, — не задумываясь ответил Индар.

— Приехали, — выдохнул Гвай. — Значит, человек был сотворен неполные пятьдесят лет тому?.. Теперь я начинаю по-другому относиться к словам Эйнара о Музыке Творения, звучавшей над этим миром совсем недавно. Обалдеть!

Поскольку времени на привал было отведено довольно много (Дарвинги никуда не торопились), Ночные Стражи узнал слишком много нового и, подчас, шокирующего. Конана от рассказа простодушного Индара (он и впрямь напоминал большого ребенка) откровенно мутило — киммериец почти ничего не понимал. Устройство древнего мира оказалось для разума человека из далекого будущего практически непостижимо.

* * *

— В самом начале Дарвинги жили одни и жили плохо, — неторопливо повествовал Индар. — Всего у них мало было, а священной трубки, вождя и шамана совсем не было. Не было ни лука, ни копья, ни ножа. Только имена и Род. Индар был большой и сильный, а потому стал вождем. В какой-то день жизнь стала добреть. Дарвинги пошли путешествовать и набрали на сытый край. Много нашли зверей и ягод. Там увидели они следы своих соплеменников — людей. Принялись они искать родичей и скоро нашли их. Радовались шибко. С ними был Ша — шаман без лица. Мы сказали шаману: «друг». Он согласился стать нашим шаманом и отвел Индара в лагерь своих друзей. Странные друзья. Волки, летучие

мышы, живые огни и смешные медвежата, вроде людей. Ша показал Индару местного вождя и тот — широкой души человек по имени Хортхауэр — подарил племени свои уголья. Дарвинги решили переселиться в его земли и теперь идут на место нового становища. Смешные медвежата при разговорах оказались совсем как люди, только глупые. Но храбрые. Уруки называются, или, по ихнему — орки...

— Постой, постой, — перебил вождя Эйнар. — Почему ты сказал, будто Ша — без лица? У него есть лицо, только... Ну, оно не такое как у нас, людей.

— А ты погляди внимательно, — Индар привстал и рявкнул в голос: — Ша! Ша иди сюда!

Урук молча подошел. В данный момент лица при нем действительно не наблюдалось — шаман надел странную маску: с укрепленного на голове обруча свисали ремешки с крупными деревянными бусинами, закрывавшими физиономию Ша до самого подбородка. Гоблинище будто не хотел, чтобы гости Индара видели его глаза. Может быть, это просто издержки ремесла? И кроме того: почему здоровенный урук-боец присоединился к племени людей? Неужели только ради того, чтобы переманить столь малочисленных Дарвингов на сторону своего хозяина — упомянутого Индаром «широкой души человека» с непризносимым именем?

— Что же было дальше? — Эйнар, мельком взглянув на неразговорчивого урука (между прочим, вооруженного грубоватым, но добротным стальным ятаганом), потеревил вождя на рукав. — Почему ты сказал, будто уруки — храбрые?

Индар оглянулся, словно с опаской, и, понизив голос, ответил:

— Их смелость стала видна когда пришла толпа Других. Я как раз был тогда в становище Хортхауэра. Другие сказали, что здесь — их уголья. Другие назвали себя «элентари». Они сказали, что уруки — это звери, а значит, можно есть. Самый большой среди Других спорил с Пламенем Уруков о добыче. У тех и у других были длинные ножи и копья, и луки. Еще они несли большие доски, которыми ловко отбивали стрелы. Началась большая драка насмерть. Людей тоже просили помогать, но у них не было оружия. Они просто стали плясать под барабаны уруков. Уруки со своими зверями и огнями победили. Немножко ели элентари, людям не досталось, но мы не хотели есть. Элентари уруков не ели — тогда зачем убивали?

— Поня-ятно, — потрясенно выдавил Гвайнард. — Достойный вождь, можно нам отойти и поговорить?

— Вы свободные, как и мы, — пожал плечами Индар. — Делайте, что хотите. Хотите — оставайтесь с нами, мы будем рады друзьям.

На стоянке племени царила деловитая суета — кто-то разделывал тушу убитого недавно оленя, женщины хлопотали у костров, совсем зеленая молодежь помогала старшим. Более всего изумляла истинно детская беззаботность Дарвингов — похоже, они не видели в этом мире опасности для себя. Или доселе не сталкивались с реальной опасностью? Первый приступ любопытства у Дарвингов прошел — на гостей уже почти не обращали внимания, только маленькие дети собрались стайкой возле привязанных к деревьям лошадей и пристально рассматривали невиданных прежде тварей, обремененных седлами и красивой сбруей. Больше всего малышню занимал гигант-тяжеловоз, рядом с которым принадлежащие племени ручные лоси казались сущими заморышами.

— Это что же получается, а? — Гвай, расстелив у корней гладкоствольной сосны попону и вскрыв флагу с вином, устроил маленький военный совет. — Просто глазам своим

не верю. Впервые в жизни вижу... такое. Если судить по речам Индара, разума у него — как у белки. Или как у маленького мальчика. Особенно порадовал пассаж вождя о том, как гоблины пожирали альбов. Они не видят в этом ничего необычного!

— Окажись я на месте Дарвингов, тоже не увидел бы, — тотчас отозвался Эйнар. — Племя четко различает понятия «человек» и «зверь». Зверя есть можно, человека — нельзя. Уруков они считают людьми или существами, родственными людям. А с альбами, вероятно, доселе близко не встречались и не знают, что они такое. Индар назвал Бессмертных «Другими».

— Перед нами — взрослые дети, — медленно сказал Конан, начавший понимать, что происходит вокруг. — Еще бы не дети! Если поверить, что человеческие племена пришли в мир всего полстолетия назад, то выводы можно сделать простые: люди, как разумная раса сотворенная самой последней, доселе не понимают, что оказались в очень сложном и опасном мире, давно раздираемом войнами и дележом власти. Не ошибусь, сказав, что элентари и Рота ведут борьбу не на жизнь, а на смерть. И собираются использовать людей в своих целях. Нет, не прямо сейчас — пока человеческий род слишком малочислен, но поскольку Рота бессмертен и альбы бессмертны... Что им стоит подождать пару-тройку столетий? Тогда людей станет значительно больше, их можно будет отправить в бой... Неприятная картина.

— Куда уж неприятнее, — Гвай скривился. — Противоборствующие стороны хотят переманить новорожденную расу на свою сторону. Вот прямо так — из пеленок, да и в драку! Не верю я в бескорыстность как Роты, так и Бессмертного народа, хоть голову мне рубите! Мы, люди, становимся для них инструментом войны. Только что появившегося человека и его детей лишь следует воспитать в соответствующем духе. Вот добренький хозяин земель на Полуночи — как там его? — и пригласил Дарвингов пожить на его «сытых угодьях». Я не понял одного: Индар говорил о каких-то волках, живых огнях и летучих мышах. Одну летучую мышь мы сегодня видели, кстати. А потом посмеялись над Эйнаром, который посчитал ее крик — разумной речью. Наводит на размышления.

— Да и «живого огня» тоже видели, — напомнил Олем. — Пламенного Бича. Он вполне подходит под это определение.

— А как вам «смешные медвежата»? — откровенно фыркнула Асгерд. — Уруки? Я лично ничего смешного в этом племени не вижу.

— Для нас уруки безобразны, не спорю, — вздохнул Гвай. — А для Певорожденного человека они вполне могут быть смешны. Индар ведь никогда не сталкивался с истинной красотой. Для него все, что существует в этом мире — обычно и естественно.

— Не сталкивался с красотой? — удивился Конан. — А кинжальчик ты видел? Потрясающая работа, явно потрудились альбы! Вещь очень красивая.

— Не красивая, а полезная, — наставительно сказал Эйнар. — Индар запросто резал этой красотой сырое мясо и ворошил лезвием угли в костре. По большому счету, Дарвинги являются варварами. Не нашими хайборийскими варварами, а самыми что ни на есть природными. Если бы Певорожденных людей сразу — подчеркиваю, сразу! То есть с самого первого дня от Пробуждения! — взяли под опеку та или иная стороны и принялись обучать, Дарвинги не сохранили бы столь девственную наивность. Однако, на человеческую расу обратили внимание только сейчас, через сорок шесть лет. Наверное, Рота и его враги тогда посчитали смертных совершенно бесполезными. Если сравнивать, то мы с вами тоже не видим особого смысла в существовании бабочек-однодневок, они нам безразличны. Человек

живущий семьдесят-восемьдесят лет с точки зрения таких бабочек — бессмертен. Но в то же время у бабочки есть своя, насыщенная событиями и приключениями жизнь. Продолжающаяся всего один день...

— И что ты хочешь этим сказать? — не понял киммериец.

— Собери тысячу раз по тысячу тысяч бабочек и прикажи им атаковать дом твоего врага, — бесстрастно сказал Эйнар. — Они погребут его под своей тяжестью. Теперь ясно?

— Ясно, — почесал в затылке Конан. — И что нам теперь делать?

— Да ничего. Ни-че-го, соображаешь? Знаешь, почему? Потому, что нам известен ход дальнейшей истории. Мы знаем, что человек рано или поздно превратится в безраздельного хозяина этого мира. Что человеческий род выживет и станет расой королей, а элентари и Рота уйдут в небытие. Не нужно вмешиваться в здешние дела и наводить справедливость в том виде, в каком ее понимает человек, рожденный много тысяч лет спустя... Мы здесь — чужие. Гости. Не будем указывать хозяевам дома, как поступать.

— Согласен. Но что нам делать прямо сейчас?

Молчание. Никто не сумел предложить ничего толкового.

— Давайте немного попутешествуем вместе с Дарвингами? — неуверенно сказал Гвай. — Времени у нас предостаточно, а кроме того мне хочется взглянуть на то, что происходит здесь, в прошлом. Ничего подобного мы больше никогда не увидим, а потом будем рассказывать сказки внукам! Я не верю, что нам грозит сколь-нибудь серьезная опасность. Рота и его наместники вроде бы относятся к людям доброжелательно, а на Бессмертных, даст Мирта, мы не нарвемся. Не знаю почему, но у меня нет никакого желания встречаться с элентари. Как только почувствуем неладное — вернемся к порталу и отправимся домой.

— Любопытство однажды сведет тебя в могилу, — невесело усмехнулся киммериец. — Ладно согласен. Эйнар, Асгерд, что скажете? Да и ты, Олем, тоже имеешь право голоса...

— Как скажет Гвай, так и сделаем, — немедленно ответила нордхеймская воительница. — Для меня закон — слово командира.

— Согласен, — коротко бросил Эйнар. — Интересно же!

— Я подчинюсь общему решению, — невозмутимо сказал барон Дортон. — Все-таки я обязан вам жизнью, достойные месьюры и прекрасная дама. Рассказать потом кому об этом приключении — не поверят!

— А ты на это даже не надейся, — рассмеялся варвар. — Я во многих переделках побывал, но чтоб такое!.. Всю жизнь помнить буду! Пошли к Индару? Скажем, что мы согласны проводить его племя до крепости, принадлежащей... ну все-таки, как зовут этого типа с широкой душой?

— Не помним! — хором ответили охотники.

* * *

...Дарвинги кочевали неспешно — племя никуда не торопилось, а потому за день проходило не более пяти лиг. И потом, тащить весь небогатый, но объемистый скарб на собственных плечах было утомительно, а прирученных лосей не хватало. Посему остаток дня охотники провели в разговорах с Индаром и его соплеменниками, сопровождая их в пешем

строю — лошадей вели на чембурах.

К сожалению, Индар практически ничего не знал о том, что происходит в широком мире, а его единственное путешествие на Волчий остров (так именовалось «каменное становище» на Полуночи) оставалось главным приключением жизни. Попутно выяснилось, что Дарвинги на своем пути в Волчьему острову встретили «новых людей». Называются — «гномы». Гномы Индару не понравились — они устроили засеку в высоких холмах к югу отсюда и не хотели пускать людей в долину. Много ругались и почему-то называли друзей Ша «черными». Пришлось идти в обход и прятаться от людей из племени Гномов в лесах, которые те не любят. Тем более, что у Гномов было много железного оружия.

Удалось узнать, откуда у Индара появился альбов кинжал. Клинок подарили ему на Волчьем острове и сказали, что если он приведет к тамошнему вождю свое племя, то каждый получит по такому ножу. Уруки отобрали нож у Других после большой драки. Индар до сих пор не знает, кем считать альбов — человеком, или зверем.

Вождь не преминул осведомиться, почему племя Гвая (предводителя в Гвайнарде он распознал с первого взгляда) такое маленькое — четверо мужчин и всего одна женщина. Чья она жена? Вождя, или самого сильного мужчины (имелся в виду, разумеется, могучий киммериец). И почему самый сильный мужчина — не вождь? Говоря откровенно, подобные вопросы ставили Гвая в тупик и от предоставил право вести разговор языкастому Эйнару.

По пути Конан отметил для себя, что за такие прекрасные охотничьи угодья как здесь, любой хайборийский король не задумываясь отдал бы половину королевства — зверья в древних лесах было великое и непуганое множество. Дебри «Земли, Которая Лежит Посередине Мира» (так ее назвал Индар) могли запросто прокормить не одну сотню племен наподобие Дарвингов.

Дорог не было, только звериные тропки. Признаков цивилизации — никаких. Ни тебе живописных развалин, ни замков на вершинах холмов, ни путевых столбов. Хотя, Индар утверждал, будто к Полудню и Закату отсюда живут Другие, сиречь элентари, альбы, у которых вроде бы тоже есть каменные поселения, как на Волчьем острове. Зато на Полуночи (то есть на «севере») живет Великий Господин. Кто он? О нем разное говорят. Уруки и живые огни говорят, что он справедливый. Некоторые люди, например из племени Гномов, утверждают, будто Господин очень злой. Если это правда, то, наверное, Господин не женат. Чтобы он стал добрым, ему нужна хорошая жена и Индар хочет отдать Господину свою дочь, которая родилась вместе с наследником Ладаром в один день, шестнадцать солнечных кругов назад.

Услышав такое, Гвай выразительно глянул на Конана, а киммериец лишь незаметно покрутил пальцем у виска. Если Индар имел в виду самого Роту-Всадника, то подобная мысль звучала для пришельцев из грядущих эпох донельзя абсурдно. Однако, Индар был убийственно серьезен и сказал, что отправит Господину хорошие подарки — тогда он обязательно согласится принять в свой дом дочку человеческого вождя. Какие именно подарки? Красивые шкуры лесных кошек, вяленое мясо и корзинки с ягодами. Господину понравится.

Убедившись, что добиться от Индара более вразумительных речей невозможно, Эйнар перенес свое внимание на шамана. Ша вообще отказался разговаривать и на настырные расспросы броллайхэн не отвечал — будто вообще говорить разучился. Спрятался под своей маской и молчит. Урук относился к новым друзьям простодушных Дарвингов с явным подозрением, а почему — непонятно. Видимо, его насторожили лошади и шикарное оружие

Ночных Стражей: у здешних людей ничего подобного не было, да и быть не могло.

— Давайте подведем итоги, — размышлял вслух Эйнар, не забыв перейти с «Изначального» наречия, на бритунийский язык. Эти разговоры для ушей Дарвингов, а уж тем более Ша, не предназначались. — В данном мире существуют две развитые цивилизации, два враждующих между собой сообщества. На Полуночи обосновался, предположительно, знаменитый Рота-Всадник. На Полудне и Закате обитают Бессмертные. Альбов пока оставим в покое, они нам малоинтересны по причине непостижимого для человека образа мыслей. Но вот Рота... Признаться, я поражен.

— Чем же? — спросил киммериец.

— Изначально предполагается, что Рота — темное и злое божество. Эдакий кошмарный монстр, тиранящий и угнетающий свободные народы нашего мира. Создатель множества чудовищ, которых нам, как Ночным Стражам, следует безжалостно истреблять в соответствии с законами Гильдии. Мало того — Рота создал разумные расы уруков, троллей и прочих неприятных существ, для того, чтобы вести войну с прекрасными и добрыми альбами...

— Один момент, — перебил Гвай. — А что он с Бессмертными-то не поделил? Не знаешь?

— Без малейшего понятия, — отрекся Эйнар. — Я, конечно, тоже бессмертен, но впервые воплотился в материальное тело уже после эпохи Всадника. Так вот, к чему я веду: ответьте мне, отчего это кровавое чудовище никак не проявляет свою сказочную злобность? По крайней мере, в отношении людей? Как и всякому уважающему себя злодею, Роте положено было вырезать племя Дарвингов на корню или устроить жуткое жертвоприношение Темным Силам с завываниями и шаманскими плясками при свете магических факелов? Мы предположили, что насчет человеческого рода у него есть отдаленные и далеко не самые бескорыстные планы, но ведь Рота мог посчитать человека новым соперником и быстро его уничтожить. Это не составило бы для его воинства никакого труда. Уруков много, они верные слуги Господина, отлично вооружены... Но нет! Летописный злыдень берет напрочь бесполезных людей, еще не вышедших из дремуче-первобытного состояния, под свою опеку. Почему?

— Мы про это уже говорили, — напомнила Асгерд. — Помнишь твой же пример с бабочками-однодневками?

— Я не спросил «зачем Рота так поступает?». Я спросил «почему»? Я бы на его месте удовлетворился подданными-уруками, своими собственными созданиями, безоговорочно преданными Повелителю. А от людей можно ждать чего угодно — помните митрианский постулат о свободе воли? Нелогично. Не тянет Рота на злого бога. Наш родимый Сет-Змеенот так не поступил бы.

— Или мы чего-то не понимаем, или дошедшие до нашего времени легенды неточны, — заключил киммериец. — В конце концов, историю пишут победители, а победителями Роты являлись альбы и их боги. Да и само имя «Рота» наверняка было выдуманно значительно позже. Здесь его так никто не называл. По крайней мере, пока. Будем разбираться, мне самому стало интересно.

На этой мысли разговор и прервался — вечерело, и Индар решил искать поляну для ночевки.

На парившую в небесах летучую мышь никто внимания не обращал — она кружила слишком высоко и крылатого монстра могли рассмотреть с земли только самые зоркие...

Ночь, звезды, костер, красное вино и сочная оленина. Что может быть прекраснее?

Рэльгонн явился глубоко за полночь, его уж и ждать перестали. Благовоспитанный упырь немедленно извинился и объяснил свое опоздание тем, что во-первых, в «этой» Хайбории ночь наступает позже, чем в «той», и каттакан рисковал получить солнечные ожоги. Во-вторых, Рэльгонн еще умудрился внимательно осмотреть здешние окрестности и теперь готов дать уважаемым Ночным Стражам полный отчет о своих похождениях. Но сначала господа охотники поведают, что с ними происходило сегодня днем.

От внимания Дарвингов не ускользнуло прибытие нового чужака, который, вдобавок, появился рядом с костром Гвая из ничего, из пустоты. Индар подошел, поздоровался, спросил как это у «друга друзей» получается вываливаться из ниоткуда, и не получив внятного ответа отправился спать. Видимо, посчитал упыря «человеком», а не человекоподобным «зверем».

— ...Все, что вы мне поведали — крайне любопытно, — покачал головой Рэльгонн после подробного рассказа Гвайнарда и Эйнара. — И знаете почему? История Дарвингов никак не укладывается в мои понятия о структуре и развитии Вселенной. Что значит — «они просто проснулись»? Цивилизация каттаканов не знает слов «проснулись» или «были сотворены» по отношению к разумным существам, коими люди, несомненно, являются. Вы, разумеется, не имеете ровным счетом никакого представления об эволюции — в просторечии, о законах развития мира и жизни. Такого просто не бывает!

— И этот туда же... — вздохнул Конан. — Если сегодня кто-нибудь еще хоть один раз повторит эту фразу — я за себя не отвечаю! Рэльгонн, я всегда считал тебя разумным человеком — в смысле, вампиром, — но Дарвингам тебе придется поверить. У нас нет доказательств, однако слова Индара настолько искренни... Он просто не умеет обманывать.

— Бред, — убежденно воскликнул упырь. — Как вы говорите — бред сивой кобылы! Ну не верю я в такие вот «пробуждения»! Жизнь, зародившись в одной из небесных Сфер, проходит по длинной лестнице развития. Очень длинной. Какая, к демонам зеленым, «песня сотворения», последние аккорды которой якобы слышит Эйнар? Да быть не может!

— А в богов ты веришь? — осведомился Гвай. — В наших, хайборийских богов? Веришь ведь! И знаешь о их существовании! Почему бы не поверить и Дарвингам вкупе с Эйнаром?

— Ваши Мирта, Бел или Сет — объяснимы. Иная форма существования, энергетический разум, в теории такое возможно... Но одномоментное сотворение целой разумной расы? Признаться, я в замешательстве. Заметьте, этим вашим Дарвингам, да и прочим племенам людей, изначально были заложены в головы необходимые знания — у них ведь не было мамочек, способных позаботиться о новорожденных бородатых мужиках? Дарвинги изначально должны были знать то, чего не знает ни единый новорожденный, будь он человеческим ребенком, маленьким каттаканчиком или гоблиненком: как добывать пищу, как охотиться, как делать ткани или одежду, как детей рожать, наконец!

— Ну, тут невелика наука, — хохотнул Конан. — Дурное дело нехитрое. Давай поговорим серьезно: допустим, я склонен поверить тебе, а не Индару. Какие у тебя есть

предположения о появлении в нашем мире человека? С твоей точки зрения? С точки зрения не киммерийского варвара, а многоученого упыря?

— Не знаю, — развел руками Рэльгонн. Длинные ногти на пальцах каттакана сверкнули в свете костра. — Это необъяснимо! Вмешательство иной высокоразвитой цивилизации, забросившей сюда человека, предварительно лишив его частиц воспоминаний о прошлом, но оставившей в памяти основные навыки, которые позволят выжить? Чепуха, кому нужны такие эксперименты! И дорого, и бессмысленно! Говорю как знаток! Я уже рассказывал, что наша раса может путешествовать меж звезд на небесных лодках, мы обладаем огромными возможностями, но во времена, когда я жил дома, никому из наших ученых мужей и в голову не могла придти столь идиотическая мысль: заселять разумными тварями необжитые миры. Каждая Сфера должна развиваться так, как ей предписано изначально.

— Предписано — кем? — Гвай поймал упыря на слове.

— Э-э... Не знаю. Допустим, законами природы.

— Тогда скажи, кто написал эти законы?

— Сама природа, в процессе развития.

— А кто создал природу?

Рэльгонн задумался. Ответил, помявшись:

— Во многих мирах... Нет, не во многих. Во всех мирах, которые в прошлом посещали каттаканы и где есть разумная жизнь, бытует легенда о некоем всеобъемлющем сверхразуме. У вас он именуется «Богом Единым, Отцом Богов». Такое единообразие мнений наводит на размышления. Но доказательств Его реального существования мы так и не получили. Никаких.

— Тебе, как и Гваю, надо все потрогать своими руками, — саркастично усмехнулась Асгерд.

— Боюсь, Бог Единый не разрешит какому-то провинциальному вампиру трогать его руками, — весело фыркнул киммериец. — Послушайте, мы опять углубились в дебри никому не нужной философии. Мне уже чудится, будто здесь не таинственный древний мир, а собрание ученых магистров в Тарантийской Обители Мудрости, решивших обсудить секреты мироустройства. Вернемся с небес на землю. Рэльгонн, что ты успел разнюхать перед тем, как прилетел к нам?

— Ладно, слушайте. В восемнадцати лигах к полуночи, на острове посреди реки, действительно стоит огромная крепость, населенная весьма необычными тварями, совершенно никак не относящиеся к роду человеческому...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В которой Конан с друзьями прибывает на Волчий остров, видит огромную крепость и знакомится с ее хозяином

Рэльгонн, как и всегда, был в безукоризнен своих выкладках. Он дал точные указания на местонахождение искомой крепости, каковая стояла на Волчьем острове, выраставшем из волн полноводной реки, текущей с Полуночного восхода на Полуденный закат.

Холмы в этих местах стали значительно выше, а их склоны — круче. Теперь всхолмья больше напоминали невысокие горы, которые зажимали в своих тисках речную долину. Вулканы, остававшиеся весьма отдаленными, по-прежнему коптели небеса, а ночью создавали на горизонте тревожное желто-багровое зарево.

Дарвинги, сопровождаемые Ночными Стражами, вышли на берег реки на четвертые сутки, считая от появления охотников в Мире Древнем. Нельзя было сказать, что минувшие дни были омрачены какими-либо дурными событиями, однако странностей хватало с избытком — взять хотя бы самую первую ночевку...

* * *

Упырь, как существо донельзя прагматичное, с самого начала посоветовал Гваю и его друзьям не рисковать. В конце концов, законы «этой» Хайбории должны весьма существенно отличаться от тех, что приняты тысячелетия спустя. Здесь все другое! Человеческое сообщество пока не властно над своей судьбой — людьми управляют более старшие и могучие расы. Может быть господа охотники, посмотрев за прошедший день на окружающий мир и слегка удовлетворив свое неумное любопытство, вернуться назад, домой? А если уж им так интересно узнать, что же на самом деле происходит в Мире Древнем, то Рэльгонн готов при помощи своих дяди и брата, пока оставшихся в Бритунии, тщательно разведать для Ночных Стражей все особенности здешнего бытия...

Гвай и Конан отказались сразу, а киммериец сказал, что никто никого не неволит: если Асгерд, Эйнар и барон Олем не хотят оставаться «здесь», пусть они подождут командира отряда и варвара «там». Путешествие к Волчьему острову и обратно займет не более десяти дней, портал в горах будет действовать еще несколько лун, а значит у обоих любителей экзотики нет никакого риска остаться в Мире Древнем навсегда. Как, устраивает такое решение?

Броллайхэн, Асгерд и Олем немедленно обиделись, и заявили, что друзей бросать не собираются, а Рэльгонн — просто перестраховщик. Здесь безопасно, разные разумные расы относятся друг ко другу вполне благожелательно, а на Волчьем острове Дарвингов должен ожидать если ж не радушный, то по крайней мере вполне достойный прием. Мы немножко посмотрим на тутошные чудеса — и сразу домой. Хорошо?

— Воля ваша, — с деланным безразличием пожал плечами упырь. — Теоретически, если с вами произойдет что-то скверное — например, посадят в темницу или попадетесь в плен к недоброжелателям — я смогу вас вытащить из неприятностей, прыгнув через Ничто. Но только ночью, сами понимаете. А вот если вы нарветесь на очень серьезные проблемы, если вашим жизням будет угрожать реальная опасность, когда меня или моих родичей не окажется рядом... Тогда не обессудьте.

— С реальной опасностью как-нибудь справимся, — ответил Конан, похлопав ладонью по ножнам клинка. — Кроме того, у нас есть Эйнар, владеющий волшебством Равновесия и способный сбрасывать телесный облик. Не беспокойся, Рэль, ничего с нами не случится.

— Правда? — скривился вампир, показав из-под верхней губы ряд кошмарных конических зубов. — А вот этот прелестный зверек относится к разряду реальной опасности, или нет? Как по вашему?

Ночные Стражи моментально повернулись в ту сторону, куда смотрел желтоглазый Рэльгонн.

...Сейчас, когда зашла луна, наступили самые темные предрассветные ночные часы. Из всех костров на стоянке Дарвингов ярко пылал только костер, возле которого устроились Ночные Стражи — остальные люди, не обремененные предрассудками цивилизации и глубокими философскими мыслями, отдыхали возле тлеющих угольков. Как заметил Конан, охрану Индар не выставил — вождь даже не подозревал о такой вещи, как «стража». Дарвинги были уверены — другие «люди» на них не нападут, а дикие звери подходить к огню побоятся.

Не побоялись, однако...

У самого края поляны, в черной тени деревьев, стояло чудовище. Охотники видели его силуэт довольно отчетливо — на густую шкуру четвероногого монстра падал отсвет их костра. Это был волк. Вернее, не совсем волк — ни единый волчара из Хайборийских лесов не вырастает до размеров откормленного быка и не обладает густейшей черной шерстью, с серебряными нитями, отражающими свет. Морда на волчью не похожа — скорее, собачья, с висящими губами и коротким носом. Дыхание тяжелое, из клыкастой пасти на предутреннем холодке вырывается густой пар. Киммериец даже ощутил запах чудища — оно пахло вовсе не псиной и не шерстью, а почему-то металлом и дымом кузни. Крайне необычный запах для животного, пускай даже и очень большого.

— Эт-то что еще за явление? — прошептал Гвай, не отводя взгляда от неподвижной тени, замершей не более чем в полусотне шагов от стоянки Дарвингов. Судя по позе волка, нападать он не собирался — просто стоял и смотрел. Лошади Ночных Стражей начали беспокойно пофыркивать, чувствовали близкое присутствие хищника. Или — не-хищника, а некоей потусторонней силы, заключенной в волчье тело?

— Это — воплощенный дух, — немедленно отозвался побледневший Эйнар. — Он мне родствен, порожден природой... И значительно сильнее меня.

— Такой же броллайхэн, как и ты, только — древний? — тихонько спросил Конан, опасаясь спугнуть или спровоцировать зверя. — Если вы происходите из одного рода — сможете договориться.

— Не думаю, — медленно ответил Эйнар. — Он — Перворожденный, самый первый. Как Дарвинги являются изначальными людьми, так он — является одним из первых Духов Природы. Я не могу проникнуть в его мысль и заставить ответить на мои призывы. Он меня не понимает... Боги, только не это!

Смысл эйнаровского восклицания был вполне понятен. Один из Дарвингов, видимо поднявшись ото сна по естественной надобности, заметил посетившую стоянку племени мохнатую чуду. Дальнейшие его действия были вполне предсказуемы, тем более, что Конан и прочие Ночные Стражи отлично знали принятое у ходивших под рукой Индара людей разделение всех живых существ на «человека» и «зверя». Дарвинг, не долго думая, ухватил воткнутое в землю копьё с кремневым наконечником, дико заорал и бросился в бой. Размеры животного человека не волновали.

Далее события начали разворачиваться с невероятной быстротой. Паники среди Дарвингов не поднялось, но практически все повскакивали на ноги и схватились за свое примитивное оружие.

...Копьё вонзилось волчаре в лапу, но зверь, который мог запросто разорвать человека на тысячу мелких кусочков, не стал использовать зубы или когти. Он просто стряхнул копьё (Конану показалось, что острие лишь слегка оцарапало волка, с трудом пробив густую шерсть), а затем этой же лапой оттолкнул замешкавшегося на мгновение Дарвинга. Оттолкнул вроде бы легонько, однако человека отбросило в сторону не меньше, чем на десять шагов и он остался неподвижно лежать в траве.

— С вашего позволения... — скрипнул Рэльтонн и мгновенно «переместился» через Ничто к пострадавшему. Конан и остальные охотники ринулись за ним. Дарвинги в это время окружали волка, так и оставшегося стоять возле деревьев.

— Что? — выдохнул киммериец, первым нагнавший упыря. — Живой?

— Какое там... — покачал головой каттакан. — Такой удар! Хребет сломан. Мгновенная смерть. Слушайте, может быть мы уберемся отсюда подобру-поздорову? Мне этот волк очень не нравится, будь он хоть сотню раз Духом Природы!

Дарвинги-мужчины, охотники, тем временем выстроились полукругом, защищая себя от возможного нападения вытянутыми копьями. Возможно, они и рванулись бы в самоубийственную атаку, но помешал шаман. Урук резво выбежал вперед, встав между людьми и черным монстром, выкрикнул нечто вроде «Кхаркхарот азду гхаши» (волк отступил на шаг) и повернувшись к людям пролаял:

— Отойдите! Индар, отведи своих подальше! Он вернет вам Гадара!

— Что за чепуха? — озадачился Гвай. — А ну, други, за мной! За деревья!

Последний возглас был вызван тем, что волчара медленно зашагал к трупу человека, которого, видимо, и звали Гадаром. Видя приближающуюся тушу чудовища даже Конан посчитал, что отступление в данной ситуации является куда большей доблестью, нежели нападение. Уложить волка без огромных потерь не смог бы и отлично обученный легион немедийской панцирной пехоты. Уж больно велик да могуч!

— Я не верю в это, — упырь вполне человеческим жестом протер глаза. — Нет, я не верю в это! Такого...

— ...не бывает, — своевременно подхватил Эйнар. — И все-таки это есть. Но каким образом?!

Волк подошел к мертвому телу, шумно его обнюхал, тронул лапой и тотчас отскочил. Мелькнула розовая искра.

Человек вскочил на ноги и тотчас шарахнулся в сторону — монстр стоял слишком близко.

Волк, оглядев бывшего мертвеца поблескивающими багрецом глазами, преспокойно развернулся и лениво затрусил в глубину чащобы. Только палые ветки хрустели под толстыми

лапищами.

И снова на Дарвингов происшедшее не произвело никакого особенного впечатления. Ну, воскресили, и дальше что? С кем такого не бывает? Пойдем спать, завтра дорога тяжелая предстоит!

Рэльгонн немедленно упросил недовольного ночным подъемом Индара позволить осмотреть родственничка вождя, так неожиданно прогулявшегося в царство теней и обратно. Индар пробасил:

— А чего на него смотреть? Но если хочешь — гляди...

И с тем вождь отправился вкушать сон. Упырь, оглядев Гадара сверху донизу и даже использовав одну из своих магических шкатулок, каковую на краткое время закрепил на руке человека, вернулся к костру Ночных Стражей в полном недоумении.

— Как там наш зомби поживает? — непринужденно поинтересовался киммериец. — Он точно жив? Это, часом, не некромантия какая-нибудь?

— Нет, не некромантия, — ответил Рэльгонн. — Живехонек, как и все мы. А был — мертвец мертвого. Не дышал, сердце не билось. Каково, а?

— Ты у нас здесь самый умный, значит обязан дать разъяснение, — заявил Гвай. — Что о таких случаях говорить твоя многомудрая каттаканская наука?

— Дело произошло слишком быстро, — задумчиво сказал Рэльгонн. — Человека, скончавшегося только что, иногда можно вернуть к жизни. Но у Гадара была сломана шея, а сейчас кости срослись. За несколько мгновений. Необъяснимо!

— Древняя магия, нам неизвестная? — предположила Асгерд.

— Не все чудеса в этом мире объясняются магией, — упырь покачал головой. — Заключенную в смертную плоть человеческую душу, покинувшую тело, вернуть обратно невозможно. Конан, ты, вроде бы, приводил пример с зомби? Ничего похожего — Гадар и сейчас, после столь чудесного воскрешения, обладает своей собственной, изначальной душой. А все «живые мертвецы» наподобие зомби, брукс или иранистанских гулей являют собой всего лишь мертвые тела, в которых вселяются злые духи из Черной Бездны. Я в тупике.

— Да мы из этого тупика уже несколько дней не вылезаем, — проворчал Конан. — Вот что мы сделаем. Я стою на страже первые два колокола, меня сменит Эйнар, под утро разбудим тебя, Олем. Вашей баронской милости пора привыкать к полной опасностей и лишений походной жизни. Сторожить придется обязательно — мало ли, появятся новые визитеры, куда менее безобидные, чем виденный нами черненький волчок... Беспечность Дарвингов меня поражает до глубины души — завтра же переговорю с Индаром и заставлю его выставить охрану на ночь. Нужно же этих людей научить хотя бы азам ратного искусства?

— Не пойму, — вздохнул Гвай. — Но, если хочешь, попробуй. Действительно, давайте на боковую. Один Митра знает, что нас может ожидать впереди...

— Митра? — Рэльгонн ухмыльнулся. — Мой дорогой Гвайнард, а ты уверен в том, что Митра уже родился? Возможно, бога с таким именем в эти времена вообще не существует. Всего вам хорошего, месьюры. Я приду следующей ночью.

Рэльгонн исчез, оставив Ночных Стражей гадать над его последними словами. Конан, между прочим, вполне допускал, что время человеческих богов пока не пришло, но убедить себя в этом никак не мог. Если в Мире Древнем есть люди, значит и боги у них должны быть!

Загадка, право...

Следующим днем в округе царила сушая благодать. Птички-цветочки-бабочки, безобидные дикие звери наподобие ланей или лисиц выбегали прямо на дорогу перед шествующим к Волчьему острову племенем Индара, монстры не появлялись, за исключением здоровенной летучей мыши, однажды снизившейся настолько, что ее углядел внимательный Конан. Затем мышь вновь поднялась под облака и более людей не беспокоила.

Ближе к вечеру, однако, случилось непонятное. Прямоком перед Ночными стражами на тропу из кустов выскочил волк. Не такой здоровенный как ночью, конечно, но тоже отнюдь не карлик — в холке он был Конану почти по подбородок, а варвар являлся человеком вполне высокорослым.

Шкура волка почему-то была не серой, а буровой, словно у медведя во время линьки. Морда — противнейшая. Киммериец и Гвай тут же потянулись за мечами, но их остановил возглас шедшего рядом урука. Ша перекинулся парой быстрых слов с Индаром, потом запросто подошел к зверюге, запрыгнул к ней на спину, вцепился пальцами в густую шерсть на загривке, поддал шпор пятками железных башмаков и волк, взяв с места в галоп, сгинул в зарослях вместе со своим необычным всадником.

— Поехал к своему вождю, — объяснил Индар. — Ша нужен в своем становище, так он сказал. Чего стоите? Пошли! Нас ждут.

— Ор-ригинально, — с горловым раскатом буркнул Гвай. — Уруки ездят на волках, люди — на лосях... Одни мы как белые вороны — на лошадях.

— Вороны на лошадях не ездят, они летают, — рассмеялась Асгерд. — Хотя, зверь, на котором ускакал шаман мне показался необычным. По-моему, он из той же породы, что и черная чуда, приходившая ночью. Только помельче. И шкура другая — коричневая. В наши времена таких волков не встречается, мы бы знали.

— То не волки, то — волколаки, — встрял сынок вождя, Ладар, по простоте душевной подслушивавший разговор Ночных Стражей. — Так этих зверей Ша называл. Вроде, они в человека умеют перекидываться. Только не в такого, как мы, а в урука.

— Час от часу не легче, — киммериец сплюнул, услышав, как Ладар в очередной раз назвал гоблина «человеком». — Обратни? Родственники племени Карающей Длани, которое обитает у нас, в Пограничном королевстве? Нет, не похоже — хайборийские обратни превращаются в самых обыкновенных серых волков. А эти — страхолудины, каких поискать. И здоровые больно.

— В крепости разберемся, — махнул рукой Гвай. — Видимо, Волчий остров является одним из форпостов, охраняющих подходы к резиденции Роты-Всадника на полуночи. Наподобие фортов в Аквилонии, на Черной реке, построенных для защиты от пиктов.

— Возможно, возможно... — процедил Конан. — Если здесь и вправду идет нескончаемая война между Бессмертными и Полуночной Твердыней, меры к обороне следует принять обязательно. А для верности — заселить эти земли союзниками, сиречь собрать побольше людских племен и подарить им земли вокруг крепости. Зачем рисковать своим войском набранном из гоблинов, когда можно подставить под удар людей?

— Конан, не начинай сначала! — простонал Эйнар. — Эту тему мы уже обсуждали!

— И все равно, мне совершенно не нравится то, что люди по собственной доброй воле стали союзниками уруков или монстров, наподобие Пламенного Бича. Неправильно это! Противоестественно!

— Не лезь сюда со своими законами и представлениями о «естественности», — оборвал варвара Гвайнард. — Относись ко всему происходящему спокойно. Так, словно ты попал в сказку. Законы сказки много допускают.

— Ага, многое, — саркастично покивал киммериец. — Вот интересно, могут ли у человеческой женщины быть дети от урука? А равно, и наоборот? Если уж мы в сказке?

— Ф-фу... — Асгерд сморщила нос. — Конан, если ты хочешь попробовать, тебя никто останавливать не будет, а я — особенно! Найдешь себе на Волчьем острове какую-нибудь урчиху посимпатичнее, и вперед! Проверь! Но, пожалуйста, сделай так, чтобы я этого не видела.

— В таких делах я предпочитаю романтическое уединение, — оскалился в ответ варвар. — Ладно, оставим... Пойдите-ка! Гляньте под ноги, это что такое по-вашему?

Охотники послушно уставились на мягкую землю. Отпечатки копыт. Лошадиных. С подковой. Один наиболее четкий след позволял различить, что на подкове стояло клеймо в виде восьмилучевой звезды.

— Символ Бессмертных, альбов, элентари, — присвистнул Гвай. — Я видел такие в Рудне, когда был в гостях у Рэльгонна — он ведь живет в древней альбийской крепости. Отпечаток совсем свежий, оставлен не позже предыдущей ночи. Значит, элентари тоже шляются неподалеку! Вот теперь будьте вдвойне внимательны — Бессмертные не станут церемониться с союзниками Роты, коими Дарвинги, несомненно, теперь являются. Держите оружие под рукой!

Гвайнард, однако, ошибся. Следующей же ночью походный лагерь племени почтил своим вниманием очередной необычный визитер. Точнее — двое.

Дежурил у костра Конан, прочие охотники, уставшие за день, спали. Дарвинги, отужинав, готовились к ночлегу — Индар, кстати, так и не внял рекомендациям Конана, настоятельно советовавшего выставить хотя бы трех-четырёх сторожей, способных поднять сородичей ото сна в момент опасности. Повтори только, что людям в этих лесах ничего не грозит. Киммериец втихомолку обругал вождя разными нехорошими словами, но уяснив, что настаивать бесполезно, больше к Индару с советами не приставал.

— Опять чудеса в решете, — Конан, завидев среди стволов деревьев непонятное голубоватое свечение, вскочил и толкнул носком сапога завернувшегося в попону Гвая. — Подъем! Очередные гости!

— Чего? — заспанный Гвайнард приподнялся на локте и осоловело осмотрел стоянку. — Митра Всеблагой, да что такого на этот раз случилось?

— Всадники, — шикнул киммериец. — Прислушайся. Или я никогда не слышал перестука лошадиных копыт, или мне мерещится. И фонарь этот странный...

Дальше — как в сказке. То есть, в легенде. В легенде про альбов.

Два всадника, оба, разумеется, на белых конях. Вид — величественный до отвращения. Сбруя и седла богатые, с золотой и серебряной отделкой. На поводьях закреплены непонятные склянки, наполненные светящейся жидкостью — именно их Конан и принял за фонари. На альбах светлая одежда, поверх нее шикарные кольчуги из смахивающего на серебро металла. Голубые плащи, с вышитой восьмилучевой звездой.

— Гм... — кашлянул киммериец. — Гвай, они как — мальчики или девочки? Не разберу по лицам.

— Может, они еще не определились? — вяло пошутил Гвайнард. — Пойдем посмотрим поближе.

И действительно, физиономии обоих гостей Дарвингов никак не отражали их принадлежности к полу, будь он «прекрасным» или «сильным». Да, рожи смазливые, никто не спорит, выражение на лицах эдакое возвышенно-просветленное и чуток высокомерное — по крайней мере на обступивших всадников людей альбы взирали не без видимой брезгливости. Конан отлично их понимал — выглядели подданные Индара ахово, дикари дикарями!

Впрочем, правила вежливости альбам были известны не хуже, чем Конану или Гваю. Спрыгнув с седел они безошибочно определили, кто здесь вождь и представились. Конан заметил по себя, что главный альб все-таки был «мальчиком». Именовали его длинно, так что киммериец с первого раза и не запомнил, но потом выяснилось, что столь пышное наименование простаки-Дарвинги произнести не могут, и альб согласился чтоб его звали совсем коротко — Финарато.

Индар вздохнул, но долг гостеприимства был выше усталости. Гостей пригласили к шатру вождя. Гвай с Конаном встали в сторонке, решив послушать, о чем пойдет речь.

— ...Хотя мне и без лишних слов все ясно, — хмыкнул Гвай. — Будут переманивать на свою сторону.

— Тихо, дай послушать...

Гвайнард оказался прав всего лишь наполовину. Говорил Финарато. Второй альб каменно молчал, видимо был всего лишь телохранителем своего господина — это было заметно по более простеньким доспеху и одежде. Финарато, даже не осведомившись о здоровье Индара, его жены и детей и об удаче в охоте, незамедлительно завел разговор с вождем и его ближайшими родственниками о мироустройстве — ни больше ни меньше.

Дарвинги терпеливо слушали. А по мнению Конана альб нес совершеннейшую ахиною, которую было не понять даже цивилизованным людям из Хайбории, не то что Перворожденным людям Индара. Для начала обуюнный просветительским пылом Финарато принялся рассказывать о Едином Творце по прозвищу Илу, но моментально встретил непонимание со стороны людей. Он пытался говорить простым языком, однако результаты все одно оставляли желать лучшего.

— В самом начале был только Илу, который жил в чертогах, в которых все было. А потом он решил сотворить...

— То есть как сотворить? — перебил альба Индар. — Что сотворить? У него же там все было!

Данный вопрос немедленно завел повествование в тупик.

— Ладно, сотворил и сотворил, — Гвай, не удержавшись вмешался. — Ты, Финарато, лучше про войну давай. Кто здесь с кем воюет и почему?

До войны дело так и не дошло. Финарато упрямо завел прежнюю песню. Творение, высшие духи, которых можно назвать богами, а лучше «Силами Мира», про музыку сотворения, про внесенный в нее диссонанс и так далее... Дарвинги запутывались все больше. Окончательно бедного Финарато добил вопрос, последовавший после его рассказа о неких волшебных фонарях, которые до появления Солнца и Луны были установлены Силами Мира для освещения здешних земель:

— И тогда, чтобы земля видела божественный свет, Силы поставили на земле два светильника...

— Два — чего? — невинно поинтересовался сын вождя.

— Ну... — альб замялся, подыскивая нужные слова. — Словом, они разожгли два костра.

— Каких костра? — переспросил Индар. — Из чего они их сложили? Ты же сказал, луны и солнца не было. А в темноте деревья не растут, это даже дети знают.

— Отец, зачем такое спрашивать? — совершенно серьезно сказал тут Ладар. — Из кизяка те костры были, правда ведь?..

Конан зажал себе рот ладонью, чтоб не осквернить беседу совершенно ненужным смехом.

Говорили еще долго — киммериец и Гвай замаялись слушать. От Финарато последовали длинные и мутные объяснения о Черном Властелине (тут впервые было упомянуто имя Роты), который что-то там украл у альбов, и альбы обязаны это «что-то» вернуть, прежде победив самого Роту. Уворованные зловредным Всадником Полуночи вещи Финарато называл «Камнями» — стало ясно, что именно они и стали причиной всех здешних раздоров. Если же люди помогут их вернуть, то им клятвенно обещается вечная дружба со стороны альбов.

Тут Индар не выдержал:

— Тю! Убивать друг друга из-за камушков! Ладар, а ну подойди!

Вождь прошептал на ухо сыну несколько слов, тот ненадолго скрылся в темноте и вскоре приволок к костру три увесистых гранитных булыжника.

— Вот, — Индар взял камни и положил их у ног Финарато. — Возьми эти камни взамен. Нам не жалко. Бери.

Альб воздел очи горе и сразу начал плести очередную байку о вечном свете и великой волшебной силе, заключенной в похищенных камнях, однако Индару все это изрядно поднадоело.

— Вечный свет? — переспросил вождь. — Вон посмотри, луна со звездочками светят. А утром солнце взойдет. Зачем вам еще света? Нам, например, хватает. А ночью вообще должно быть темно, чтоб спать можно было. На солнце не особенно поспишь, свет глаза режет.

— Ай да Индар! — сказал киммерийцу Гвай. — Красиво он его уделал! Кажется я понимаю, о чем идет речь. Существует очень старая и мутная легенда о «Трех и Семи». Три и семь магических кристаллов, которые поддерживают бытие мира, не дают ему разрушиться. Они, якобы, были созданы в самые незапамятные времена то ли Ротой, то ли его собратьями-богами и объединялись в единую цепь. Причем каждый из кристаллов отвечал за определенную стихию или расу. Не помню точно...

— Книжек надо было больше читать, — усмехнулся Конан. — Какая нам разница? Тьфу! Оказывается тут все друг друга режут и душат из-за спора о каких-то кристаллах! Всегда говорил, что магия — зло.

Тем временем глубокомысленная беседа окончилась. Финарато мягко, но настоятельно посоветовал Дарвингам идти на Закат, в его земли, где они получают свои уделы, причем совершенно безвозмездно. И уж ни в коем случае людям не следует ходить к прихвостням Владыки Полуночи, где их ожидает смерть и рабство.

Индар немедленно спросил, что такое «рабство».

Альбы, несолоно хлебавши, уехали. Выражения их лиц надо было видеть —

складывалось впечатление, что они побывали в приюте для умалишенных. Впрочем, если уж Конан сотоварищи с трудом понимали образ мыслей Дарвингов, то возвышенные и мудрые Бессмертные наверняка сочли Перворожденных людей неким подобием говорящих обезьян без единого проблеска настоящей мысли.

— Правильно Ша говорил — они не люди, — развел руками Индар, глядя вслед удаляющимся альбам. — Люди всегда друг друга понимают.

— Значит, ты не понял, что рассказывал Финарато? — не удержался Конан.

— Немного понял, — с гордостью сказал Индар. — Сначала был Единый, который нашел себе жену по прозвищу Илу и прижил с ней старшего сына Роту, а потом еще много детей, которых называл «Силами». Наверное, и впрямь сильными были, потому, что они построили весь мир. Потом они разложили два больших костра и им стало нечего делать. Но старший сын быстро придумал, как не скучать — он стал все ломать. Тут и другим дело нашлось — ходить, чинить. Финарато говорил, что Рота был не прав. Почему — непонятно. Все ведь при деле, никто на траве не лежит, пузо не чешет? Заблудился я в словах этого Финарато.

— Почему, — продолжал наседать киммериец, хотя сам отлично знал ответ.

— Спрашивал: что людям надо, чего хотят? Знамо дело, ага. Хотим чтоб люди были толстые, комары дохлые, пастбища тучные и чтоб дичь в лесу не переводилась. Зачем нам другой свет, кроме солнца и луны?

— Ясно, — вздохнул Гвай и тронул Конана за плечо. — Пошли к нашему костру. Скоро Рэльгонн должен появиться, расскажем ему обо всем. То-то смеху будет!

* * *

— Ну знаете ли... — изумленно выдохнула Асгерд. — Вот теперь я начала задумываться, где же настоящая цивилизация — у нас в Хайбории или тут? Потрясающе!

Гвай коротко процедил «Н-да...», Конан покачал головой, Эйнар присвистнул, в барон Олем замер с открытым ртом. Достопочтенные Ночные Стражи воочию узрели Волчий остров.

Вроде бы ничего необычного — река как река, остров как остров, впереди скалистые хребты, покрытые лесами, еще дальше видны клубы вулканического пепла, постоянно выбрасываемые огнедышащими горами. В принципе, подобный пейзаж можно встретить и в Хайбории куда более поздних времен... Однако крепость, стоявшая посреди острова (а точнее, занимавшая почти всю его весьма немаленькую территорию) могла привести в состояние блаженного обалдения даже самого флегматичного человека.

Рядом с этим архитектурным монстром весьма немаленькие королевские замки Тарантии или Бельверуса показались бы обнесенными прохудившимся плетнем жалкими лачужками-мазанками под соломенными крышами.

Крепость была выстроена из невообразимо огромных каменных блоков, затем облицованный белыми мраморными плитами. Семь башен и донжон, причем последний был высотой едва ли не в одну пятую лиги — шпиль с неразличимым знаменем, казалось, уходил под самые облака. Мощные тумбы четырехугольных бастионов поднимались над водами реки

локтей на семьдесят, на стенах замечались те, кого Дарвинги именовали «живыми огнями» — зоркий Конан насчитал не менее трех Пламенных Бичей, неторопливо прогуливавшихся по галереям. Ворота, находившиеся сразу за широким каменным мостом, переброшенным через реку, являли собой зрелище совершенно невообразимое — толстенные металлические створки, на взгляд повидавшего много различных крепостей киммерийца, открыть было просто невозможно, слишком тяжелые.

Одним словом, рядом с этой грандиозной цитаделью люди чувствовали себя сущими козявками. Узри крепость Волчьего Острова любой хайборийский архитектор — умер бы на месте от разрыва сердца.

— Человек не может такое построить, — уверенно сказал Гвай. — Не по силам!

— Точно, — согласился Конан. — Я бывал в Стигии, видел великие пирамиды Птейона, но и они не идут ни в какое сравнение с этим... Не знаю, как назвать.

— Строили альбы, вне всякого сомнения, — поддержал разговор Эйнар. — Очень типичная архитектура и украшения. Видите на башнях каменные звезды? А ромбовидные барельефы, видимо, являются гербами — нечто похожее есть и в Рудне. Только Рудна по сравнению с данным укреплением видится мне всего лишь скромной загородной виллой не слишком богатого альбийского вельможи.

Конан вспомнил, как выглядели развалины старой крепости на Полуночи Райдорского герцогства и целиком согласился с Эйнаром. Обиталище упырей-каттаканов не превосходило размерами обычный графский замок.

Дарвингов, вышедших из леса на берег реки неподалеку от моста, встречала целая делегация весьма примечательных личностей. Как ни странно, командовал встречающими самый обыкновенный человек в доспехе. Восседал он на гнедом коне, причем конь так же был защищен панцирем, отчего всадник и его скакун смахивали на ожившую оловянную игрушку-солдатику, коими забавляются дети хайборийских дворян. Зато остальные...

Конан поперхнулся, увидев, что закованного в латы человека сопровождают аж целых два Пламенных Бича, один другого страшнее, уже знакомый Ночным Стражам гигантский черный волк и два десятка уруков, вместе с которыми явился и шаман по имени Ша.

Вся эта теплая (в буквальном смысле данного слова, поскольку от Бичей так и пыhalo огнем) компания остановилась возле башенки, охранявшей вход на мост и дождалась, пока неторопливые Дарвинги подойдут ближе. Всадник выехал вперед. Пламенный Бичи и прочие обитатели крепости остались на месте.

— Приветствую Индара, моего сородича, — вполне учтиво сказал одоспешенный, моментом определив, кто является вождем. — Мое имя Даур, я команду людьми, вступившими в войско повелителя Сторожевой Башни. Мое племя пришло на Волчий остров девятнадцать солнечных кругов назад и стой поры мы живем здесь...

— Откуда ты знаешь мое имя? — озадачился Индар, но взглянув на подошедшего Ша, все понял. — Хорошо, Даур. Но Дарвинги не хотят идти в каменное становище. Мы привыкли к лесу. Хозяин здешних земель обещал нам показать место, где Дарвинги будут жить.

— Повелитель Артано исполнит свое обещание, — ответил Даур. — Вам придется перейти по мосту на другой берег реки, поскольку здесь — слишком опасно. Элентари не дремлют и мы постоянно ожидаем нападения. Ша покажет вам дорогу. Однако, почтенный Индар, в обмен на нашу защиту, ты должен будешь прислать в крепость десятерых сыновей вашего племени, чтобы мы научили их искусству ковать железо и обрабатывать камень. Вы

ведь хотите иметь собственных мастеров, способных ковать хорошие ножи и наконечники для охотничьих стрел? Строить теплые жилища, чтобы дети и женщины не замерзли зимой?..

— Вот как происходит приобщение к благам цивилизации, — буркнул Эйнар. — Сначала наконечники для стрел, потом мечи с ятаганами... Все так, как мы и предполагали!

Так или иначе, Индар согласился. А так как пройти на безопасный берег реки можно было только через остров (и через крепость) немногочисленное племя вместе со своими лосями двинулось по мосту к воротам цитадели.

— Э-э... Могу я попросить достойных гостей ненадолго задержаться? — окликнул Даур Ночных Стражей, которые, впрочем, отлично понимали что их незамедлительно отличат от Дарвингов и интересуются необычным обликом и вооружением.

— Мы хотели только осмотреть город, — несколько невпопад брякнул Гвай, направив своего коня к Дауру. А что еще прикажете говорить? — Мы не принадлежим к подданным вождя Индара, мы...

— Повелитель Артано знает кто вы, и откуда пришли, — невозмутимо ответил Даур. — Повелитель просит вас удостоить его своим вниманием. Артано приглашает вас к себе.

Даур указал на главную башню Волчьего острова, нависшую над серыми водами реки.

Охотники переглянулись. В конце концов, отказываться от приглашения было неприлично, особенно когда тебя зовут в гости с таким вежеством.

— Вам оставят оружие, лошади будут находиться в личной конюшне повелителя, — продолжил Даур. — На валарауко, волков и прочих не-человеческих существ, обитающих в замке не обращайтесь внимания, они беспощадны только к врагам и не причинят вам никакого ущерба. Прошу только об одном — не подходите к дракону, у Глау сквернейшее настроение.

— К... дракону? — наклонив голову, переспросил Олем Дортон. У барона загорелись глаза — похоже, он никогда не видел настоящих драконов.

— Да, ты не ослышался. Глау приболел и теперь лежит возле южной стены... Не ходите туда.

— Ладно, не будем, — кивнул Гвай. — Твой повелитель Атра.. Ар...

— Артано, — подсказал Даур. — Прошу вас накрепко запомнить это имя. Других владыка не переносит, особенно ненавидит мерзкие клички, которыми наградили его длинноухие. И еще запомните: Артано — второй после Самого Главного! Едемте!

* * *

Изнутри крепость выглядела еще внушительнее, чем снаружи. Неведомый альбиский строитель сделал все для того, чтобы уместить в стенах одного замка целый город. Бастионы были достаточно велики для того, чтобы каждый вместил целую армию, башни поднимались к небесам подобно заснеженным утесам, бесконечные хозяйственные пристройки создавали вполне настоящие кварталы, над кузнями поднимался дым, влаивали волколаки в загонах... Признаться, Ночным Стражам здесь было неуютно — крепость подавляла своей громадностью, да и сразу привыкнуть к невероятному количеству самых экзотических существ заполнявших проходы между зданиями было ой как непросто!

Куда-то по своим загадочным делам спешили десятки гоблинов-уруков самого разнообразного облика, от здоровенных воинов до тощих и низеньких безобразных тварей, видимо выполнявших роль прислуги или занимавшихся ремеслом. Были замечены трое старых знакомцев, зеленовато-серых пещерных троллей — эти тянули за собой повозку на металлических колесах, груженую бревнами. Встретились несколько гигантских черных волков, порхнула сверху летучая мышь, более напоминавшая крылатую корову. Людей тоже хватало — все вооружены, добротны одеты и отнюдь не выглядят смущенными столь необычными соседями.

Пламенных Бичей Конан насчитал совсем немного — трое сторожили на стенах, один из встречавший Дарвингов валарауко остался возле ворот (Даур сообщил, что этот пламенный демон сегодня командует караулом), другой куда-то ушел, оставляя на камне мостовой подплавленные следы, еще двое находились у парадного входа в главную башню. Очень впечатляло — порождающие огонь монстры с длинными плетями в лапах могли бы напугать самого хладнокровного врага. Дал о себе знать и дракон — где-то за периметром второго круга стен раздался яростный рык, да такой, что земля чуть покачнулась. Поднялся столб сероватого дыма.

— А это что такое? — Гвай натянул поводья и уставился на высокое пышное дерево, росшее как раз напротив резиденции здешнего хозяина. Более всего дерево напоминало очень старинный раскидистый дуб, но таковым не являлось — другая форма листьев, да и кора почему-то серебристая.

— Это украшение, — немедленно откомментировал Даур. — Господин полагает, что так красивее. В рамках ангамандской эстетики, так сказать...

На толстых ветвях древа-исполина были аккуратно развешены клетки, в коих находились... В общем, в клетках сидели девицы-альбы. Клеток было штук двенадцать, не меньше. Все альбийки были живы.

— Не нужно беспокоиться, их каждый день кормят, — участливо проговорил Даур, завидев вытянувшиеся лица охотников. — Повелитель рассуждает так: женщина-элементарии красива? Верно ведь? Очень красива! Глядя на нее любой должен получать наслаждение. Но зачем наслаждаться красотой одному, когда удовольствие должны получать все? Вот господин и решил, что длинноухих надо повесить повыше на дерево, чтобы все смотрели на них и радовались. Впрочем, сюда мы вешаем только самых неговорчивых. В качестве дополнительного наказания. Они живучие...

— Весьма своеобразное понятие об эстетике, — деревянно сказал Гвайнард. Асгерд так вообще раскрыла рот так, что туда могла запросто влететь упитанная ворона. — Вы, наверное, придумали много способов получать удовольствие от... э... красоты?

— Благодаря несравненному разуму господина, — фыркнул Даур, который, как показалось, просто хотел подначить гостей. — Артано вам все объяснит. Дело и проще, и сложнее одновременно. Впрочем, я не должен открывать вам наши маленькие тайны. Это сделает повелитель. Если, конечно, посчитает нужным.

— С ума сойти, — ошарашенно пробормотал барон Олем. — Разве можно так обращаться с благородными дамами? Посмотрите на одежду — они, несомненно, дворянки...

— Кто? — не понял Даур. — Впрочем, господин говорил мне, что вы ничего не понимаете в нашей жизни. Мы прибыли, почтенные. Отдайте лошадей рабам, их отведут в стойло, расседлают и накормят.

Новая неожиданность: рабами, присматривающими за конюшней оказались двою людей и один альб. Натуральнейший высокорослый и златоволосый альб, правда облаченный не в шелка и парчу, а в мерзкое изодранное рубище! За нерасторопность Бессмертный получил от Даура удар плетью, но стерпел и взяв под узду двоих лошадей повел в сторону шикарнейших каменных яслей, выстроенных справа от донжона.

— Что здесь происходит, Нергал их всех заberi со всеми потрохами? — втихомолку ругался киммериец, поднимаясь по широкой мраморной лестнице к воротам главной башни. Пламенных бичей, стоявших у входа, пришлось обойти за несколько шагов — от них исходил нестерпимый жар. — Альбы — рабы? Одних людей едва только на руках не носят, другими помыкают, как скотиной, волколаки по улицам разгуливают, дракон под стеной разлегся! Нет, други, я не желаю жить в этом мире! Как тихо и спокойно было в родимой Хайбории!

Никто не ответил. Взгляды Гвая и остальных с каждой минутой становились все более и более угрюмыми.

Донжон одновременно являлся и дворцом, и серьезным укрепление. Гвай и Конан, как люди опытные в военном ремесле, сразу поняли — крепость на Волчьем острове практически нештурмуема. Во всяком случае, взять это укрепление не смогла бы ни единая армия хайборийских держав или даже объединенное войско союза таких могучих государств, как Аквилония, Немедия, Зингара, Коф и Туран. Аналогичные выводы относились и к главной башне — стены были такой толщины, что пробить их не смогла бы ни единая осадная машина, множество узких бойниц, карнизы, на которых можно установить баллисты с катапультами или котлы со смолой и кипятком, тяжелые ворота-двери, за ними — выдвигаемые каменные блоки, способные наглухо перекрыть проход наверх... Солидно построено, ничего не скажешь.

Башня-дворец создавала впечатление необжитости и покинутости. В обширных помещениях, отделанных по альбовой традиции мрамором, серебром и цветным камнем можно было встретить лишь редкие караулы уруков на углах коридоров и лестничных пролетах. Уруки, правда, были знатные — здоровущие, высокие, комплекцией практически не уступавшие Конану. Полный доспех — шлем, панцирь надетый поверх черненой кольчуги, наручи с поножами, тяжелые сапоги на железной подошве, широкие ятаганы в ножнах. Гвардия, не иначе. Поглядывают на гостей красными выпуклыми глазками спокойно, но цепко.

Даур, скорее всего, входил в круг приближенных неведомого Артано, поскольку его и прибывших с ним незнакомцев пропускали без всяких задержек, не спрашивая паролей или пергаментов, дающих право на проход. Или стража была заранее предупреждена о визите гостей из других времен? Ночные Стражи, ведомые Дауром, долго поднимались по казавшейся бесконечной лестнице, миновали череду роскошных, но заброшенных и запыленных зал (в некоторых почему-то отчетливо пахло навозом. Или уруки не утруждают себя походами в нужник?), потом снова шли наверх, но уже по винтовой лестнице...

— Здесь, — выдохнул Даур. Конан и остальные остановились у инкрустированных янтарем дверей, вытирая пот со лба и пытаясь перевести дух. Даже очень выносливый киммериец запыхался. — Это верхняя площадка башни — повелитель любит, чтобы было высоко. Идите, он ждет.

Даур толкнул выложенную солнечным камнем створку двери и в лица охотников ударил яркий солнечный свет.

Это действительно была именно «верхняя площадка», а не «верхний этаж» титанической башни. Островерхую крышу со шпилем поддерживало множество колонн с резьбой в виде цветов и древесных листьев, однако между расположенными по периметру обширного круглого помещения колоннами не было никакого ограждения, меж ними не была натянута слюда или вставлено стекло. Можно было запросто подойти к краю и шагнуть вперед — в бездну. Ветра, однако не чувствовалось, хотя вершина донжона находилась на почти невероятной высоте. Магия? Очень может быть...

Обстановка скромная. Ложе, необъятный круглый стол, стойка-колонна, на которой лежит некий круглый предмет размером с голову ребенка и укрытый черной тканью. Полдюжина каменных кресел с обтянутыми темной тканью подушками — как видно, для посетителей. Несколько подставок для тубусов, в которых хранятся пергаменты. И ничего более. Только солнце льет свои лучи. Вид на окрестности — изумительны, у Конана аж дух захватило. Одно дело смотреть вниз с вершины скалы, и совсем другое — с высоты рукотворного сооружения, пускай возведенного и не-человеком.

— Прошу пожаловать в мое скромное обиталище, — послышался приятный низкий голос. — Я ждал вас. Даур, можешь быть свободен...

Дверь за спинами охотников неслышно затворилась.

Он появился, излучая мудрость свыше всякого правдоподобия. Каждая черта его лица была озарена чистым интеллектом. С виду — человек, никакой тебе альбийской остроухости. Волосы длинные, цвета воронова крыла с синеватым отливом, схвачены на затылке в хвост обычной деревянной застёжкой. Глаза ярко-синие, что твои сапфиры. Очень красив, сравнительно молод — лет двадцати пяти, не более. Конану такая красота не нравилась, он обычно именовал людей с такой внешностью «смазливymi и сладенькими». На Асгерд, однако, хозяин башни произвел впечатление — она понимающе хмыкнула, каковое проявление чувств было несвойственно ее сдержанной нордхеймской натуре.

Одевался здешний повелитель скромненько — кожаные штаны и сапоги, некое подобие черного колета, который носят аквилонские гвардейцы из «Черных Драконов», никаких украшений. Только на груди, по бархату, были выложены мелкими и очень хорошо гранеными алмазами три пятилучевых звезды, выстроившиеся в форме треугольника вершиной вверх. Обязательный клинок на поясе.

— Мое имя — Артано, — представился хозяин. — Что в переводе на общий язык означает «Искусный». Проходите. Может быть, отведаете нашего вина?..

ГЛАВА ПЯТАЯ

В которой Ночные стражи знакомятся с нравами обитателей Волчьего острова, а потом уезжают домой...

— ...Бессмертные являются главнейшей ошибкой эпохи сотворения. Мир тварный, мир материальный, все, что вам и мне дорого, для них — пустота, ничто. Основные постулаты философии элентари гласят, что «теа», их душа, доминирует над «роа», плотью. И одновременно с этим их роа — бессмертно, не подвержено старению и тлению. Если бы элентари использовали свои — бесспорно, выдающиеся! — возможности для улучшения мира, для его обустройства, то Золотой век продолжался бы до скончания времен!

— А почему же альбы не хотят, как ты выразился, «улучшить» мир?

— Благодаря своему непостижимому для человека и других разумных рас складу мышления, длинноухие полагают, что улучшение мира через создание, допустим, кузнечного горна, мельницы, или других сотворенных руками, а не силой духа, предметов, является попыткой «превысить себя», изменить свою судьбу через увеличение своей доли власти над материальным миром. В прежние времена — я отлично помню! — эти недоумки вообще не желали творить! Они только смотрели на звездочки, любовались цветочками и пели песенки! Творить их научил мой великий Господин, истинный творец! Длинноухие вняли его советам, но делали они совершенно никому не нужные и бесполезные вещи, которые всего лишь полагали «красивыми». Что толку в пустой красоте?

Конан откровенно засыпал, Асгерд с Олемом тоже клевали носом. Только Гвай и Эйнар с горящими глазами продолжали длинную, продолжавшуюся до самого вечера, философскую беседу с красавчиком Артано. Поскольку киммерийца и прежде мало интересовала всякая заумь, он молча накачивался великолепным вином, несколько раз подходил к краю смотровой площадки башни, чтобы во всех подробностях рассмотреть окружающую Волчий остров живописную местность и совершенно не собирался вступать в беседу, смысл которой от Конана ускользал. Если уж Гваю с Эйнаром так интересно чесать языками — пожалуйста, им никто не мешает, но со стороны Артано просто невежливо заставлять остальных гостей выслушивать многомудрую чепуху о каких-то «роа или «теа», о мире материальном или духовном, об умении или неумении творить и так далее до бесконечности.

Наконец, Артано опомнился — слишком уж громко зевнул киммериец.

— Наши друзья устали, — сказал хозяин Волчьего острова и хлопнул в ладоши. — Эй, там! Уфтак!

На пороге мигом нарисовался наиболее безобразнейший урук — единственно, он отличался от прочих виденных охотниками гоблинов отсутствием доспехов и оружия. Только темная кожаная одежда с металлическими бляхами.

— Что желает господин? — прохрипел он.

— Отведи гостей в нижние покои. Устроить в лучших комнатах. Отвечаешь за них головой! Любые пожелания и просьбы выполнять незамедлительно. Все ясно?

— Да, господин...

Конан вопрошающе посмотрел на Гвая. Бравый командир охотников явно собирался

остаться с Артано и продолжить разговор. Идти куда-то вместе с уруком по имени Уфтак киммерийцу совершенно не хотелось — еще сожрет дорогого гостя где-нибудь в темном углу!

Асгерд оказалась решительнее. Она встала первой, подтолкнула Олема и варвара и сказав: «Вы можете сидеть хоть до рассвета, а я пошла спать», направилась к винтовой лестнице, ведущей вниз.

— Как насчет ужина? — поинтересовался Конан, когда лестница закончилась, и вся компания оказалась в круговой галерее на втором сверху этаже замка. — Только принеси человеческую еду!

— Это, в смысле, человечину? — поддел киммерийца Олем. — Судя по физиономии Уфтака, ничего другого он нам предложить не сможет.

— Могу и человечины, если желаете, — огрызнулся урук. — Комнаты — вон там, раньше в них прежние хозяева жили. Пыльно, правда, но ничего, потерпите. Если чего понадобится — стукните в гонг в коридоре. Еду принесу скоро. Ночью без меня никуда не ходите, мало ли...

После этих слов Уфтак быстро зашагал прочь.

— Вот вам и вежливость по-гоблински, — хмыкнула Асгерд. — Пошли, что ли, осмотрим комнаты? Надеюсь, нас не поселят в одну казарму с уруками — от этих гнусных рож меня блевать тянет!

За первой же резной высокой дверью обнаружился вполне приличный, однако давно заброшенный покой. Видимо, альбы (как выяснилось, крепость действительно некогда построили альбы) весьма увлекались резьбой по дереву — столики, кресла, ложа, все было деревянным. Покрывала на постелях превратились в сущие лохмотья, а потому хозяйственная Асгерд попросту вышвырнула их в раскрытое окно вместе с ветхими подушками. Уфтак не врал — пыль поднялась столбом, однако нордхеймская воительница сделала из обрывка древней шторы некое подобие метелки и повела решительную битву за чистоту. Вскоре небольшая зала, ранее наверняка предназначавшаяся для отдыха хозяев замка, приобрела более или менее пристойный вид. В золотых лампах обнаружались остатки масла — когда загорелся огонь, в комнатах стало почти уютно.

Было принято решение ночевать всем вместе — дворец уж больно странный. Хоть Артано и отдал строжайший приказ Уфтаку, от непредсказуемых уруков можно было ожидать каких угодно сюрпризов.

— О, легок на помине! — воскликнул киммериец, узрев вломившегося без стука Уфтака, но тут же осекся. За спиной урука стояла облаченная в бесформенный обноски альбийка с подносом в руках. Красивая, но какая-то слишком грустная. Волосы, в отличие от прислуживавшего на конюшнях альба, не золотые, а темные.

— Вот вам прислуга, — Уфтак вытолкнул альбийку вперед. — Делайте с ней чего хотите. Будет неуслужлива, хоть за столом, хоть в постели, скажите мне. У нас с нерадивыми рабами разговор короткий.

— Эй, погоди! — заорал Конан, когда Уфтак совсем было собрался уйти. — Нам не нужна рабыня! Забери ее отсюда! Тоже мне, выдумал! Мы привыкли сами все делать...

— Дело хозяйское, — прогавкал урук. — Ну ты, тварь, поставь еду и топай за мной!

Рабыня молча утвердила поднос на столике и глядя себе под ноги поплелась вслед за Уфтаком.

— Иштар Великая, — Асгерд закашлялась. — Он что, серьезно предлагал вам ее... Того?

— Куда уж серьезнее, — киммериец едва не сплюнул прямо на пол. — Как сказал бы

наш друг Индар, «уруки — люди простые», чувство юмора у них отсутствует как данность. Давайте глянем, чем Уфтак собрался нас попотчевать?

Нехорошие подозрения не оправдались. Скромненько, конечно, но ничего не поделаешь — хлеб с отрубями, копченая рыба и солидный кувшин дрянного кислого вина для голодных охотников были вполне приемлемы, настоящий пир.

— Вы как хотите, а я буду спать, — заявил Конан. — Хорошо, хоть догадались дорожные мешки с собой взять. Поскольку в этих шикарных апартаментах и паршивенького одеяла не найти. Зато попоны и плащи с собой. Сторожить кого-нибудь оставим?

— Нет уж, благодарю, — отмахнулась Асгерд. — Если бы нас хотели убить, то убили бы сразу, не церемонясь. Как ты правильно сказал, здешние обитатели просты, как угол стола. За исключением, быть может, Артано...

Киммериец заснул мгновенно, как кошка. Доносившийся снаружи волчий вой и редкие взрыкивания недовольного чем-то дракона Конана не беспокоили. Спал как убитый.

Гвай с Эйнардом явились под утро, сопровождаемые неизменным Уфтаком. Оба выглядели пьяными и очень довольными — не зря провели время.

Повелитель Артано остался на своей смотровой площадке — ему еще требовалось побеседовать с тем, кого здесь называли «Самым Главным».

На стойке, расположенный рядом с креслом Артано наливался темно-красным светом большой шар темного стекла. Рота-Всадник требовал от своего командующего подробного отчета о событиях минувшего дня.

* * *

Конан, по старой привычке, проснулся первым. Солнце еще не показалось из-за горного кряжа, однако небо было расцвечено всеми красками восхода. Было почти светло.

Месьор Гвайнард вкупе с броллайхэн дрыхли на полу, завернувшись в плащи и исторгая при дыхании могучий винный дух. Асгерд тихонько посапывала на деревянном ложе, рядом, свернувшись калачиком почивал барон Олем. Киммериец понял, что будить командира сейчас не стоит — это ж настоящее варварство, после эдакой вечеринки поднимать человека ни свет ни заря!

Конан натянул сапоги, набросил кожаный колет и решил прогуляться — хотелось во всех подробностях осмотреть верхний этаж башни-донжона. Очень уж необычно построено, люди так не умеют. На предупреждения Уфтака киммериец плевать хотел — в случае чего, он сумеет за себя постоять, да и гоблины наверняка не осмелятся обидеть хозяйского гостя. Конан сознавал, что с Артано шутки плохи: из вчерашней беседы, варвар понял, что здешний Господин вовсе не человек, а некто вроде воплощенного духа, каких в Хайбории привычно именуют «богами».

Внешняя галерея описывала полный круг внутри башни, со стороны Полуночи она выводила на обширный балкон, со стороны Полудня начиналась еще одна лестница, ведущая вниз. В каменном пролете, прямо посередине, почему-то красовалась немаленькая дыра, по пристальному рассмотрению оказавшаяся проплавленной. Конан пожал плечами, гадая, что могло послужить причиной расплавления камня, однако ничего определенного

предположить не смог.

Решив продолжить осмотр, киммериец вернулся в коридор и тотчас столкнулся нос к носу с незнакомым уруком — не слишком высоким, как и положено уродливым, и, словно Уфтак, невооруженным.

— Ого, с утречком! — неожиданно приветливо сказал урук, завидев Конана. — А я к вам иду, Господин приказал.

— Что — приказал? — насторожился варвар.

— Приказал гостей развлекать, показать, все, что захотят. Меня Тальхуром кличут, я у Господина по ученой части помощник.

— По ученой? — Конан с сомнением осмотрел урука. Эта образина совершенно не ассоциировалась у киммерийца со словом «ученость». В глазах, однако, есть искорка разума, в отличие от звероподобного Уфтака, скорее всего служившего у прекраснолицего Артано кем-то наподобие дворецкого или камердинера. — Ладно, пусть будет по ученой... Только моих друзей сейчас лучше не будить, устали.

— Хорошо, не будем, — покладисто ответил Тальхур. — Тебя-то как звать?

— Конаном. Из Киммерии.

— А это где — Киммерия? За горами?

— В какой-то мере, — усмехнулся Конан, совершенно не покривив душой. В конце концов, Киммерия и впрямь находилась «за горами». — Хорошо, согласен. Что ты можешь мне показать?

— Чего хочешь. Погоди, только сбегаяю к Уфтаку, скажу ему, чтоб предупредил твоих, когда проснутся, что мы гулять ушли. Иначе беспокоиться будут.

«Надо же, какой заботливый, — подумал варвар, — может, зря я про уруков плохо думал? Они тоже разные бывают, как и люди...»

Ждать пришлось недолго. Застучали по исцарапанному мрамору подкованные сапоги и Тальхур вынырнул из глубин коридора.

— Куда желаем пойти? — осведомился ученый урук. — Лаборатории, пыточные, скотоприемник? Волчьи загоны глянуть? Можно на Глау-дракона издали полюбоваться, но только издали!

— Ското... что? — не понял Конан.

— Скотоприемник, — отдельно повторил Тальхур. — Изловленных длинноухих первым делом туда приводят. Очень интересно.

— Решай сам, — сдался киммериец.

Пока спускались по вниз, урук объяснил варвару, что в появлении огромных дыр в лестнице виновны Пламенные Бичи — они когда злятся, то раскаляются настолько, что проплавливаются на нижние этажи. Посему Артано запретил валарауко заходить в башню, чтоб жилище не портить. Заодно Тальхур сообщил, что дракон сейчас отлеживается после долгой вылазки — Глау захворал, видимо, простыл во время войны с альбами в горах. Чихает, исходит соплями, угробил уже уйму народу — сморкается чистой горючей смолой, червяк проклятый. Артано пытается его вылечить какими-то своими снадобьями, но пока ничего не получается. Вчерашний порошок, который тачками доставлял дракону третий десяток-платунг, оказался рвотным. А ребята были неплохие...

— Весело вы тут живете, — заметил Конан.

— Куда ж веселее, — уныло ответил Тальхур. — Мне хорошо, я при господине служу, а остальным как? Характер у дракона испортился окончательно, с кормежки из дюжины ребят

возвращается один-двое. Ладно, скоро его должны выпустить — будет полегче. Повелитель опасается сам к дракону ходить, обычно Рицвака посылал. Последний раз Глау Рицвака почти не тронул — во всяком случае, не доел...

Тут Конан сделал вывод, что прежний постулат об отсутствии у гоблинов чувства юмора придется пересмотреть. Тальхур, оказывается, умел пошутить. Пускай и по своему.

— Послушай, я ведь не здешний, — сказал киммериец. — Объясни вот что: я раньше думал, что все уруки одинаковые, но в крепости увидел, что у вашего племени... э... несколько разных пород.

— Точно так, несколько, — согласился Тальхур. — Урук-атан, как я например, рожаются человеческими или альбийскими женщинами от урук-хотх, воинов. Поэтому мы умнее. Есть еще урук-сагас, рабочие и мастеровые. Господин говорит, что всякая живая разумная тварь от другой такой же твари, пусть даже и другой расы, может иметь детей. Вот Артано и проводит опыты... Пока ничего путного не вышло. Вон недавно дело было: Повелитель решил сделать воинов-уруков еще свирепее, но перекормил своими порошками. В общем, они поголовно облысели и стали заикаться. К тому же все почему-то хромые, и только на правую ногу. Строем им ходить запретили...

Наконец, Конан и Тальхур вышли из башни на обширный двор, где росло большое дерево, украшенное клетками с альбийками. Урук, скорее по привычке, чем из необходимости, обошел стоявших на страже Пламенных Бичей стороной и киммериец последовал его примеру — слишком большие и слишком огнедышащие. Кроме того, начал накрапывать легкий дождик, и вокруг пламенных монстров образовались облачка горячего пара — демоны шипели, будто сало на сковороде.

— Это еще ничего, — продолжал просвещать Конана разговорчивый урук, — Помню, три года назад, длинноухие осаждали крепость Великого Господина на севере. Зима, снег, ужас... Мы идем скорым маршем навстречу альбам. Впереди кто-нибудь из Пламенных Бичей протапливает лед и снег. За ним — отряд уруков. Потом еще один валарауко, потом еще отряд. И так далее. Такой строй — мое изобретение. Дело в том, что командовавший нами Артано сначала поставил всех валарауко впереди — они растопили разом несколько глыб льда, третий десяток захлебнулся, а пятый шел уже по чистому катку и поднявшийся ветер унес их куда-то вдаль... Искать мы не пошли.

— Давно воюете? — вяло спросил киммериец, которому начали надоедать байки Тальхура.

— Давно, — вздохнул ученый гоблинище. — Много столетий уже. И конца этой войне не видно. Длинноухие не оступятся, они хотят вернуть себе всю Радужную Цепь, Три и Семь.

— Точно, Артано вчера что-то говорил об этих камушках, но я так и не понял, каков принцип их действия. Магия?

— И магия тоже, — согласился Тальхур, семеня рядом с Конаном и указывая дорогу. — В Семь камней заключена сила стихий, из которых образовался мир. Огонь, воздух, земля, вода, мир зверей, мир растений, мир разумных рас. Эти камни поддерживают равновесие вселенной, и Великий Господин Рота спрятал их так, что никто не найдет. Три Великих камня, которые сейчас хранятся на севере, в Астахэнна, крепости Владыки, они связывают камни стихий в единое кольцо и даруют владельцу силу Познания, Сотворения и Жизни. Словом, запутанная история.

— Но ведь вроде бы камушки сделали альбы, а ваш Рота их у Бессмертных отнял? Иначе отчего они на вас взъелись?

— Вот не знаю... Слышал, будто Повелитель научил альбов, как сделать Цепь Равновесия, но они не пожелали отдавать камни — хотели, чтоб они принадлежали только альбам. Господин камни отнял, Семь спрятал в широком мире, а Три оставил себе.

— Ясно, — вздохнул Конан, хотя ничего «ясно» ему доселе не было. — Куда ведешь-то?

— Как ты и хотел, в скотоприемник. — отозвался Тальхур. — Сегодня ночью еще нескольких длинноухих на правом берегу поймали. Поглядим, как Окорок с ними работать будет.

— Окорок? Это кто такой?

— Начальник отряда старшей хтоники, — непонятно ответил урук. — Сейчас объясню. Длинноухие почему-то думают, что мы темные, плохие и злые. Хотя это неправильно, мы — такие же как все. А вот альбы якобы добрые и хорошие. Вот Господин Артано, светлая голова, и решил, что нужно длинноухих не убивать, а ловить и приводить в крепость. И пытаться у них учиться, как быть добрыми и светлыми. Искать любовь и доброту, понимаешь? Поручили Окороку. Он допрашивает всех новеньких — великий искусник!

— Воображаю... — проворчал Конан, мигом представивший себе уютную пыточную, заполненную неприглядными ржавыми железками имеющими вполне понятное предназначение. — Знаешь, чего-то мне расхотелось туда идти. Покажи лучше дракона.

— Успеется, — отмахнулся урук. — Мы уже на месте. А ну, пропустите!

Последний возглас относился к трем широкоплечим урукам-стражникам. Вероятно, Тальхур имел в здешней странной иерархии немалый вес — охрана посторонилась.

Это было приземистое одноэтажное здание, в прежние времена являвшееся складом или конюшней. На узких окнах-бойницах тяжелые решетки, внутри стены зачем-то покрашены в гнетущий темно-коричневый цвет запекшейся крови. Чадающие факела, тяжелый запах дыма, сапог и кислого пота уруков. Мусор под ногами. Толстые двери с засовами. Откуда-то доносятся женские крики... Конан, который в прежние времена успел побывать едва ли не во всех темницах стран Заката понял, что ему вряд ли захотелось бы оказаться в этом неудобном местечке в качестве заключенного. Даже отвратительнейшие казематы Аграпура рядом с тюрьмой Волчьего острова показались бы шикарным постоялым двором.

— О! — Тальхур поднял к потолку зеленоватый палец с длинным кривым ногтем, больше походившим на коготь ящерицы. — Слышишь, вопят? Это рабыню порют. Пойдем глянем...

Конан обреченно зашагал вслед за уруком. Все происходящее не доставляло ему равным счетом никакого удовольствия.

— Доброго денечка, Окорок, — Тальхур, войдя в большую, но из-за темной окраски стен казавшуюся тесной, комнату, слегка поклонился сидевшему за кривоногим столом человеку, очень похожему на Артано — такой же приторно-смазливый. Неужели, тоже воплощенный дух? — Каково кнутобойничаем?

— А, это ты бездельник? — человек, носивший странное имя «Окорок» бросил оценивающий взгляд на Конана. — Привел гостей, посмотреть на труды наши праведные? Как же, Господин меня предупреждал. Присаживайтесь... Интересный экземпляр попался.

«Экземпляр» был поименован темноволосый альб, с совершенно угнетенным видом сидевший на табурете у дальней стены. У его ног лежала молодая девица, причем человеческой породы. Простое холщовое платье на спине было прорвано ударами бича и пропиталось кровью. Рядом с табуретом громоздился очень несимпатичный урук-палач, каковой и держал в правой лапище плеть с металлическим шариком на конце.

— Если интересно, то я скажу, что все длинноухие, попадающие к нам, делятся на четыре категории, — лениво сказал Окорок, поворачиваясь к киммерийцу. — Соответственно, с каждым приходится работать по-разному. Мы их не убиваем, зачем? Многих после допроса отпускаем, поскольку нет в них никакого добра и света, и научить нас любви и красоте они не могут, хотя только о ней и говорят...

— Четыре? Почему четыре? — не понял киммериец. — По количеству племен, что ли?

— Ничего подобного, — помотал головой Окорок. — Племя у них одно — длинноухие, а вот ходят они сюда по разным причинам. Первые являются затем, чтобы вызволить из крепости своих родичей или близких друзей, облегчить их страдания. С таких мы требуем плату. Например, клятву верности Великому Повелителю. Обычно мы ее не получаем. Тогда альбам предлагали поработать для пленных. Например, принести воды или дров, прибраться в казематах — накормишь пленных, а затем и до твоего персонального страдальца очередь дойдет. Увы, эта просьба не всегда находит отклик в альбийских сердцах. То ли работать лень, то ли сострадания на всех не хватает...

— А остальные?

— Другие приходят говорить с Артано или даже самим Могучим Всадником о любви и красоте. Такие обычно требуют вести их к Господину. Мы объясняем им, что если Владыки будут тратить время на разговоры со всеми страждущими их переубедить, то у них не останется времени на остальные государственные дела. Тогда длинноухие соглашаются изложить нам свои ценные мысли. Суть этих мыслей была чаще всего в том, что Господин и его слуги искажены и им надо немедленно покончить жизнь самоубийством...

Окорок насмешливо взглянул на пленного Бессмертного, видимо это были его слова. Потом хозяин пыточной продолжил:

— Что до любви, то эта история почти всегда сводится к словам о том, что любовь и красота — не для нас и нам все равно этого не понять. Убедившись в том, что ничего ценного нам сказать не может, пленник начинает задумываться о своей дальнейшей судьбе. Отпускать его просто так мы не собираемся, но и клятву получить с него не удастся. Часто кто-нибудь из уруков отправлялся с пленником в его поселение, чтобы поучиться любви и красоте на практике. Финал всегда один: урука убивают. Такова уж альбийская любовь.

— Да что ты в этом смыслишь? — не выдержал альб. — Ты, отродье...

— Вот видите? — разочарованно развел руками Окорок. — Впрочем, давайте об оставшихся двух разновидностях посетителей моего гостеприимного дома. Третьи являются сюда, чтобы вызвать Артано на поединок. Господин из-за занятости, разумеется, не может принять всех вызовов, поэтому таких альбов обычно прибывают к воротам, на будущее, если у Владыки вдруг выдаться свободное время. Ну и последние: этих ловит наша лесная стража, уруки и волки. Встречаются весьма любопытные личности... Впрочем, нет я неверно выразился. Нас не интересуют их личности, имена и прозвища. Мы воспринимаем их только в качестве единиц хранения и хотим узнать, откуда в них, — Окорок нехорошо усмехнулся, — откуда в них столько добра и света, коими мы обделены... Вот сейчас и проверим, насколько же добр и благороден попавшийся прошлой ночью экземпляр. Гашхан, продолжай!

Урук с плетью в лапе послушно рыкнул, но тут произошло неожиданное: заплаканная рабыня вырвала кнут и бросилась с ноги к альбу:

— Господин, пожалуйста! Умоляю, сделай то, что они просят! Ведь это так несложно! Господин, прекрасный господин...

И начала совать плетью в ладони Бессмертного. Тот молчал и отпихивался. На рабыню не

смотрел.

— Господин, прошу тебя!..

— Он не хочет дать ей всего три удара, — пояснил Окорок. — Хотя знает, что если откажется, мы запорем рабыню насмерть. Любовь и доброта не позволяют нашему длинноухому дружку спасти ей жизнь. Гашхан!

— С меня хватит, — киммериец встал и потянул за собой Тальхура. — Я не получаю никакого удовольствия от таких развлечений. Пойдем дракона смотреть.

— От суровой правды жизни не отвертишься, — философический заметил умный урук. — Знаешь, что потом с этим альбийским отродьем сделают?

— Казнят?

— Да ничего подобного! Ему докажут, что он ничуть не лучше нас, надают пинков, выставят за ворота и дружно плюнут вслед. Зачем убивать таких ничтожеств? Красивые слова о добре они говорить умеют, а вот творить добро — никак.

— А вы, значит, творите добро? — Конан озадаченно посмотрел на Тальхура сверху вниз.

— Нет. Мы просто такие, какие есть. Не хотим казаться лучше, или хуже. Конечно, и среди длинноухих встречаются настоящие герои, враги, которых мы безжалостно уничтожаем, потому, что они достойны принять смерть от наших рук. Но большинство — шушера, слизняки.

— Так почему же ваш Рота, обладая такой огромной силой и могучей армией, — варвар указал на проходившего мимо Пламенного Бича, — доселе не одержал полной и окончательной победы?

— Длинноухих много, да и войско у них ничуть не слабее нашего, — с нотками расстройства в голосе сказал Тальхур. — Они обитают в тайных лесных городах, укрытых магической завесой, обнаружить которые почти невозможно... Полезли на стену, оттуда лучше всего видно.

Взобрались по крутым ступенькам наверх, к башенке, возвышавшейся над внутренними укреплениями. Обзор, конечно, был похуже, чем с вершины резиденции наместника Волчьего острова, но зато близко к дракону носящему странное имя Глау.

— Гм.. Это и есть ваш дракон? — вытаращился Конан, осторожно посмотрев вниз по другую сторону стены. — Драконы ведь совсем не такие, я их раньше видел...

На камнях, возле берега реки, развалилась громадная черная туша, более всего напоминавшая червяка-переростка. Крыльев, обязательно положенных всякому уважающему себя дракону, не наблюдалось. Глау мог похвастаться лишь четырьмя толстыми лапищами, поддерживавшими грузное туловище. Ящерица ящерицей, короче говоря. Только длиной в полторы сотни шагов. Над ноздрями спавшего чудища поднимался едва приметный сизый дымок.

— Наше вечное проклятие, — тихо заметил урук, словно боялся, что ящер его услышит. — Прислали из Твердыни Повелителя прошлым летом, усилить гарнизон крепости. Тоже мне, усилитель... Мы тогда воевали с альбами в лесах к югу от острова. Жрать нечего, спим на ветках, костров разводить нельзя. Экономии ради Глау не кормили — перевели на подножный корм. Ну и жрал, гад, все, что попадет под ноги. В первый же день ему попался десяток Вархука, только один десятник и спасся. Теперь мы Вархука заикой зовем.

— Теперь я понимаю, отчего война у вас никак закончиться не может, — фыркнул киммериец. — Если драконы жрут своих же! Что-то начинаю сомневаться в полководческих

талантах Артано. Там, откуда я пришел, такое именуется просто: бардак!

— Не то слово! — воодушевился Тальхур, который, по всей видимости, был не прочь безнаказанно перемыть косточки грозному начальству. — Драконы, особенно такие, как Глау, не самое лучшее творение Повелителя Роты. Тупые, ленивые, приказам подчиняться не желают, а Глау так и вообще невзлюбил сотника Пламенных Бичей, Хотхмога, и теперь они друг друга видеть не могут... О, нет! Пригнись!

Дракон шевельнулся, перевернулся на другой бок и выдохнул из пасти струю жидкого огня. Конан почувствовал, как содрогнулись камни башенки.

— Стену прожег! — ахнул урук, когда дым рассеялся. — Теперь восстанавливать придется, а это значит, что еще полсотни ребят недосчитаемся! Давай убираться отсюда, а то, боюсь, это чучело проснется и нас заметит. Спросонья Глау всегда голодный.

Второй раз Конана просить не пришлось — киммериец вместе с Тальхуром буквально скатился по лестнице вниз. В пятидесяти шагах правее в крепостной стене красовалась закопченная дымящаяся дыра. Да, с драконами лучше не шутить.

— Недавно страшное дело было, — не уставал просвещать варвара урук на обратном пути к главной башне. — Двенадцатую сотню послали в разведку к устью реки, ходили слухи, будто там отряды длинноухих появились. Глау отправили за ними — присмотреть. Ну, он и присмотрел... Две седмицы в крепости от дракона отдыхали, потом он обнаружился скандалящим у ворот Волчьего острова. О своих странствиях он рассказывал очень неохотно, а ведь Артано обязан докладывать Повелителю обо всем, происходящем в наших землях. Дракон нес такую ахинею, что мы поняли — сообщать это Великому Господину будет чревато.

— И что же ваш червяк натворил? — заинтересовался Конан.

— Глау спустился к югу и ночью напоролся на противника, с которым вступил в бой и, кажется, победил. Тут-то никаких сомнений быть не могло, ибо в бой он вступил с двенадцатой сотней, за которой должен был приглядывать. Сослепу, ночью не разобрался. Одно непонятно — куда делся отправленный вместе с отрядом валарауко по имени Асо? Неужто наш змей научился их переваривать? Повелитель был очень недоволен.

— Еще бы, — понимающе кивнул киммериец, посмеиваясь про себя. — Давай-ка пойдем домой. Наши, наверное, давно проснулись. Одно скверно, карабкаться на башню долго, слишком уж высокая.

— Можно полететь, — оживился урук. — Пойдем в пещеру к летучим мышам, тамошний комендант мой друг, нас мигом доставят наверх.

— Нет, — решительно сказал Конан. — Никто и никогда не увидит меня верхом на летучей мыши! Пешком!

— Как знаешь, — огорчился Тальхур. — Я летал несколько раз, и ничего...

* * *

— Интересная складывается ситуация, — задумчиво говорил Гвайнард, во время обеда. Кушали в той же комнате, где и ночевали. Рабы под командованием Уфтака принесли вполне сносную крольчатину, овощи и вино. — Мы с Эйнарсом не зря почти до рассвета болтали с

Артано. Очень интересный... э... человек, между прочим. Никогда бы не подумал, что однажды мне удастся побеседовать с древним полубогом, который явно не уступает в силе очень многим божествам Хайбории. Но я все равно отказываюсь понимать, что же происходит в этом мире...

— А тебя никто и не просит понимать, — заметил киммериец. — Мы зачем сюда приехали? Затем, чтоб выяснить причины появившейся у нас в Бритунии посторонней чужеродной магии и образования временного портала над Лазурным кряжем. И, как кажется, теперь можем с чистой совестью возвращаться домой.

— Это почему же? — поинтересовалась Асгерд. — Мне как раз доселе ничего не ясно.

— Сейчас объясняю, — Гвай откинулся на спинку скрипучего деревянного кресла. — Артано нам все рассказал. Существование Древнего мира во многом зависит от Цепи Равновесия, от действия магии Трех и Семи. Именно воздействие Камней и вызывает появление порталов в будущее, а истекающее из них волшебство, не принадлежащее Хайбории, проникает к нам и является главной причиной магических безобразий.

— А появление нечистой силы, как объяснить? — спросил Конан. — Вроде бы Камни не имеют отношения к первородному злу?

— Они объединяют в себе все силы и стихии мира, Свет и Тьму, — ответил Гвайнард. — Именно поэтому Три и Семь именуется Цепью Равновесия.

— Подробности! — потребовал Конан. — Я знаю только одно: весь кавардак происходит именно из-за этих проклятущих кристаллов.

— Сначала повторю слова Артано. Три и Семь, Венец и Великая Радуга, были созданы довольно давно даже по здешним меркам. К ним приложили руку все существующие сейчас народы, кроме людей — мы пришли в мир значительно позже. Таким образом, магия Цепи не имеет никакого отношения к человеческому волшебству и совершенно чужда людям. Главная цель Трех и Семи — приостановить старение мира.

— Не только, — перебил Гвая Эйнар. — После таинства Сотворения в мире возникло Противоречие, тот самый диссонанс о котором я уже говорил. Стихии мира пошли на прямое столкновение друг с другом, и Рота, как воплощенная Стихия, сыграл в возникновении Противоречия далеко не последнюю роль, возжелав материальной власти над миром. Противоречие ведет к разрушению. А Цепь Равновесия, Великая Радуга, поглощает силу разрушения устраняя Противоречие. Венец, состоящий из трех алмазов, замыкает Цепь. Альбы, владевшие частью Цепи, возжелали получить Целое. Отсюда и война.

— Вы меня запутали, — поморщился Конан. — Опять ударились в заумь. Цепь, противоречие, равновесие, радуга какая-то. Бред! Давайте назовем вещи своими именами: в наличии имеются десять артефактов, обладающих огромной мощью. Кто тут прав, а кто виноват, я судить не буду. Так или иначе легенда о Войне Камней подтверждается — однажды Стихии мира сойдутся в битве с Ротой, будет изменен облик мира и затоплена часть материка, а самого Роту то ли убьют, то ли вышвырнут во Внешнюю Тьму. Вывод: поехали домой. Лично я не желаю оказаться свидетелем этого катаклизма. Очень надеюсь, что Битва за Камни начнется не сегодня и мы успеем вернуться в Хайборию.

— Я тоже на это надеюсь, — кивнул Гвай. — Земли на которых мы сейчас находимся, в наши времена лежат на океанском дне. Кстати, я хотел было рассказать Артано о том, что ждет его самого и Роту, но он категорически отказался слушать. Сказал, что ему не хочется знать о будущем. Так, мол, неинтересно. Артано знает, что мы пришли из будущего, он наблюдает за порталом. Сказал, будто гости из грядущих эпох уже появлялись здесь во

времена предыдущих открытий портала: некоторые остались тут жить, другие — вернулись домой. Артано так хорошо относится к нам вовсе не из-за широты души. Он сказал, что хочет, чтобы мы рассказали в своей эпохе правду о прошлом.

— Правду? — усмехнулась Асгерд. — Почему бы и нет? Во всех наших легендах Рота и его прислужники рисуются эдакими кровавыми монстрами, которые тиранили и третировали бедненьких-несчастненьких альбов, плодили всякую нечисть вроде уруков или троллей, а потом утопили половину континента. Хотя на самом деле все не так. Ну, не совсем так... Артано и его присные — вполне приличные люди.

— Ага, «приличные», — передразнил киммериец. — Заглянул я поутру в ихние казематы. Такое вытворяют, что у меня мороз по коже пошел!

— Интересно, а в наши времена с врагами обращаются по-другому? — Эйнар устремил невинный взгляд на Конана. — Не суди, и тебя никто не осудит! Альбы тоже далеко не во всем правы. В конце концов, войну начали именно Бессмертные, возжелавшие получить Три и Семь. Да и подданных Роты они уничтожают с не меньшей безжалостностью.

— Кто тут говорит о безжалостности? — послышался от дверей приятный молодой голос. Конан повернулся и увидел незаметно вошедшего в комнату Артано. За спиной Повелителя стоял унылый урук Тальхур. — Обсуждаете увиденное в крепости? Мне доложили, что Конан сегодня побывал в тюрьме... Впрочем, я хочу предложить вам одно развлечение. На днях нам пришла одна из альбийских королев — она почему-то надеется, что мы добровольно отдадим ее родича, сидящего в каземате и тщетно пытающегося научить тюремщиков любви и красоте... Что ж, может быть мы его и отпустим. Идемте. Предлагаю вам взглянуть на прекрасную правительницу Бессмертных! Тогда вы и сделаете вывод, кто тут безжалостен, а кто — жалостлив...

Гвай пожал плечами. Конан, приблизительно представлявший «развлечение» какого рода предстоит, хмыкнул. Эйнар заинтересованно вздернул брови, Олем остался бесстрастен.

Артано вдруг добавил:

— Повелитель желает, чтобы вы присутствовали при разговоре.

— Чей повелитель? — немедленно набычился Конан, посчитав, что Артано имел в виду себя и начал командовать «дорогими гостями».

— Мой Повелитель, — тихо ответил Артано, сделав ударение на первое слово. — Он приехал на Волчий остров.

Ночные Стражи дружно разинули рты. Оказывается, знаменитый Всадник Полуночи явился в крепость?

— Вы как хотите, а я не упущу случая поглазеть на самого Роту! — заявил Конан. — И ради такого дела готов снова ломать ноги на бесконечных лестницах этой проклятой башни! Артано, куда идти?

— За мной, на главный двор замка, — чуть улыбнулся тот. — Господин прибудет туда...

* * *

На площади перед донжоном было так оживленно, что киммериец немедленно сравнил

огромную толпу уруков с шадизарским базаром — гомон, ругань, невнятные вопли... Люди тоже присутствовали — десятка четыре, под предводительством Даура. Возле крепостных стен замерли могучие тролли, с боевыми молотами в лапах. Конан поразился, увидев нескольких вооруженных альбов — они-то что здесь делают?

— Некоторые Бессмертные перешли на нашу сторону, — пояснил Артано, проследив удивленный взгляд варвара. — Далеко не все альбы являются вырожденками, наподобие этой... Только посмотри на нее!

Альбийка, окруженная не менее чем сотней уруков, стояла у ствола дерева. Конан аж загнулся и едва не упал — настолько она была прекрасна. Волосы — чистые струи золота, глаза как две синих звезды, в чертах лица угадывается что-то неуловимо-божественное. Это существо словно не принадлежало грубому тварному миру, а уж среди немых уродливых гоблинов альбийская королева смотрелась подобно жемчужине, упавшей в грязь...

— Ее зовут Нэрвен, — сказал Артано. — Из королевства Финарато. Смела, ничего не скажу — явилась к нам по доброй воле, лишь бы вызволить своего братца. Хотя она знает, что на Волчьем острове не слишком радуются незваным гостям! Эй вы, умолкните!

Последний возглас относился к урукам, вопившим так, словно им пальцы в дверях прищемили.

— Зачем ты здесь? — Артано подошел к гордой красавице, которая, как казалось, ничуть не обращала внимания на жуткие рожи гоблинов и тянущиеся со всех сторон когтистые лапы.

— Я пришла говорить с вашим хозяином, — ответила госпожа Нэрвен.

Уруки взвыли. Киммериец и остальные охотники наблюдали издали.

— Много чести тебе говорить с нашим господином. Довольно того, что поговоришь со мной, — спокойно ответил Артано. — Моего господина нет здесь сейчас. Повторяю: что тебе нужно?

— Я пришла за тем, что не принадлежит твоему хозяину, — надменно сказала альбийка.

— Какая самоуверенность! Уж не собирается ли твое войско штурмовать эту крепость? Ах, ты пришла одна?... Хорошо! Мой хозяин отдаст то, за чем ты явилась к нам. В обмен на тебя!

Его слова были заглушены хохотом уруков, однако внезапно все стихло, лишь пробежал по толпе глухой опасливый ропот. Гоблины начали медленно отходить в сторону башни, уступая дорогу...

— Ух ты! — тихонько присвистнул Гвайнард. — Вот он, значит, какой! Солидно, ничего не скажу. Человеческим королям у нас в Хайбории такое и не снилось!

Рота, полностью оправдывая свое прозвище «Всадник», ехал на коне. Большом, вороном и почему-то огнедышащем — из ноздрей невиданного зверя при дыхании вылетали струйки пламени. Конь медленно шел к площади со стороны ворот крепости, справа и слева вышагивали по трое Пламенных Бичей, причем один из демонов был выше остальных локтей на пять — видимо, их предводитель.

— Сотник, Хотхмог, — шепнул киммерийцу Тальхур, оставшийся вместе с Ночными Стражами. — Преклоните колена, быстрее!

Охотники переглянулись, но делать было нечего — в чужом доме надо соблюдать правила приличия. К тому же, все находившиеся перед донжоном уруки уже пали ниц перед Властелином. Конан состроив кислую мину опустился на правое колено, прочие Ночные Стражи последовали его примеру.

Рота был очень хорош — высоченный, широкоплечий, темноволосый. Одет в черное с серебром. Варвар сразу понял, что это не человек — а бог. Воплощенный дух Стихии. Ни одно человеческое существо не способно излучать такую силу... Казалось, воздух зазвенел и наполнился запахом грозы. Конан физически чувствовал, что под телесной оболочкой Роты сокрыта величайшая мощь, недоступная никому из смертных или бессмертных — от Всадника исходили невидимые волны силы, упрямой, уверенной в себе, почти необоримой. Ему хотелось подчиняться, Его хотелось обожать. За Него можно было умереть...

Да и облик воплощения Рота избрал более чем впечатляющий. Таких крупных людей не бывает, даже отнюдь немаленький киммериец выглядел бы рядом со Всадником низеньким заморышем. Лицо — будто из гранита высечено, углы, изломы, тени, ни одной мягкой линии. Голову венчает корона из простого металла, украшенная лишь тремя крупными алмазами, излучающими серебристое сияние. Видимо, эти три камня и являлись Венцом Цепи Равновесия.

Рота легко спрыгнул с седла на каменные плиты, которыми был вымощен широкий двор перед главной башней. Конану показалось (или это было на самом деле?) что земля качнулась.

На Артано и всех прочих Всадник не обратил никакого внимания, только шевельнул пальцами, давая разрешение подняться с колен. Уруки гробово молчали — чувствовалось, что гоблины если не в ужасе, то, по меньшей мере, крайне обеспокоены явлением Повелителя.

— Хочу поговорить с тобой, дева Нэрвен. — Рота подошел к альбийской королеве и обратился к ней гулким, очень низким голосом. — Говорят, ты мудра... Скажи мне — что, по-твоему, есть Искажение?

— Искажение — это музыка, в которой есть фальшь.

— Любопытное определение, — кивнул Всадник, нависший над альбийкой подобно грозовой туче. — Самое интересное из тех, какие я слышал. Понятное. А то, бывает, твои сородичи несут такую заумь — о свете, о тьме...

— Искажение можно называть разными словами, — ответила Нэрвен, прижавшаяся спиной к древесному стволу. Ей, наверняка, было очень страшно, но она умело скрывала чувства. Голос, по крайней мере, не дрожал. — Это не имеет значения.

— А ты уверена в том, что знаешь, что такое искажение? — вкрадчиво спросил Рота. — Я его вижу.

— Где?

— Здесь, в этих стенах. Оно уродливо. И оно чудовищно тем, что фальшиво. Оно пытается существовать за счет чужого творения, жить им.

— Разве искажение само по себе не является творением?

— Оно является искажением творения, и ты прекрасно знаешь, о чем я говорю! — разозленно бросила королева. — Тогда ответь мне, Нэрвен — можем ли мы, искаженные творения, любить?

— Нет, — помедлив, сказала она. — Вы знаете лишь искажение, а любовь неподвластна ему.

Рота ждал этого ответа. И, как только услышал его, громогласно вскричал:

— Вы слышали? Прекрасная Нэрвен утверждает, что мы не можем любить! Она отказывает нам в этом праве!

Артано, стоявший поодаль с весьма ироничным выражением на лице немедленно отозвался:

— Как же так? Это значит, Нэрвен, что в мире нет любви, потому что он был искажен изначально!..

— Это не мои слова, — быстрее, чем следовало бы ответила альбийка. Она испугалась — Ты говоришь это, а не я.

— Но мир искажен?..

Нэрвен замолчала.

— Ловко он ее подловил, — шепнул киммерийцу Эйнар. — Красотка противоречит сама себе, а Рота наоборот, очень логичен! Интересно, что будет дальше?

А дальше уже знакомый Конану Окорок со своими уруками притащил из каземата бледного и очень исхудавшего альба — брата Нэрвен. Судя по тому, как ухмылялся Атрано, весь этот жутковатый спектакль был спланирован заранее, дабы повеселить Господина. — Тебе уже предлагали выбор, — сказал Рота пленнице. — Я согласен отпустить твоего родича. Немедленно. Но ты останешься здесь. Рабыней. Будешь мыть котлы в своих прекрасных одеяниях. Выгребать грязь из темниц. Чесать спины моим урукам. Дело за тобой. Решай! — Разве это выбор? — выдавила альбийка. — Это выбор между плохим и худшим! — Выбирай! Она снова замолчала. Рота хмыкнул и отошел. За дело взялся Атрано.

— Почему ты не желаешь нам что-нибудь сказать, госпожа? Нэрвен действительно на желала говорить, видимо поняла, что они уже определились с тем, кто именно станет жертвой. Она не могла оставаться здесь, но и оставить брата тоже не имела права. Это был тупик. Атрано подмигнул Окороку, тот дал знак урукам из пыточной и площадь огласилась воплями гоблинов: — Она не желает говорить с нами!

— То есть молчит в знак согласия!

— Она согласна с нами!

— Надрежьте ему сухожилие — рывкнул Окорок, выталкивая альба вперед. — Он останется хромым навсегда! Эй, Нэрвен — тебе нужен хромой брат? — Перестаньте! — вскричал альб. — Я согласен остаться! Я останусь, только отпустите ее! — Режьте! Нэрвен? Молчание.

— Она отворачивается! Нет, смотри!

Уруки режут сухожилие под коленом, беснуются, вопят, дергают королеву во все стороны. Тут киммериец не выдержал: — Эй, может их проще сразу убить? — громко крикнул Конан. — Зачем мучить-то? От такой наглости, кажется, опешил даже Рота. В сторону охотников повернулись десятки оскаленных уручьих морд. Киммериец и Гвай положили ладони на рукояти клинков. Но Всадник только пронзил гостей из далеких эпох долгим испытующим взглядом и чуть покачал головой. Приказа расправиться с нахалом не последовало. Атрано немедленно продолжил развлекаться, а уруки подхватили: — У тебя храбрый защитник, Нэрвен. Тебе его не жалко? — Тебе хоть кого-нибудь жалко?

— Как она горда!

— Как она жестока!

— Она молчит, она не хочет говорить с нами!

— Может быть, ты станцуеть для нас?

— Нет, она не будет танцевать! Посмотри только на ее лицо — сколько презрения! — Она презирает нас! — Что же нам сделать, чтобы она сказала хоть слово?

— Рабыню сюда!

К ногам альбийки швырнули рабыню.

— Мы будем бить ее, пока ты не велишь нам остановиться!

Свистит плетть. Рабыня кричит.

Тут с королевой что-то происходит, она срывается: падает на колени, обнимает рабыню, твердит «Прости». Киммериец слышит, как Асгерд цедит сквозь зубы: — Вы как хотите, а я пошла седлать лошадей. Мы должны немедленно уехать отсюда. Хватит! Рабыню пытаются оттащить в сторону, Нэрвен валяется на коленях, вцепившись в нее, рабыня плачет. — Она еще более жестока, чем мы! — восхищенно шипит кто-то. — Она Жесточайшая! — Жесточайшая Владычица!

— На колени перед Жесточайшей!

Все уруки, какие были на площади повалились на колени. Артано улыбался так, словно отмочил самую лучшую шутку в своей жизни. — Позволь склониться перед тобой, Госпожа! — Позволь поцеловать край твоих одежд, Госпожа!

Уруки ползут к альбийке, тянутся, шепчут, она отступает назад, покуда не упирается спиной в стену башни. Бежать некуда. Гоблины цепляются за полы плаща, хватают за руки. — Посмотри на нас, Госпожа! — Прикажи нам, Госпожа! Тут у злосчастной королевы подкосились ноги, и она плавно съехала по стене на землю. — Госпоже плохо! — Мы разгневали ее!

— Мы огорчили ее!

— Мы должны развеселить ее!..

Дальнейшее даже Конан помнил смутно, все было словно окутано туманом. Вокруг вертелся бесконечный хоровод безобразных глумливцев, предлагавших все новые и новые способы увеселения Госпожи. Перед ней полосовали рабынь, рубили чьи-то руки и головы, кровь была всюду, в крови были ее лицо, руки, одежда. Она молчала. И только клубился жуткий хор, шипящий и взвизгивающий: — Может быть, Госпожу развеселят танцы на углях?

— Может быть, бои гладиаторов?

— Может быть, Госпожа желает ремней из спины рабов?

Она молчала. Неожиданно пошел дождь, смывающий кровь с лиц.

— Уведите Госпожу, — сказал, наконец, Всадник. — Она не станет разговаривать...

* * *

Охотники собрались и покинули Волчий остров без каких либо трудностей — казалось, что о Ночных Стражей просто позабыли, даже разговорчивый Тальхур исчез неизвестно куда. Несший караул возле ворот замка огромный Пламенный Бич по первой же просьбе Конана отворил одну их тяжелых стальных створок и пятеро всадников выехали на мост, ведущий к закатному берегу реки.

— Такое чувство, что я год прожил в приюте для умалишенных, — ворчал киммериец. — Все-таки мир древний пока не предназначен для человека, он принадлежит иным расам, в нашу эпоху ушедшим за Грань Мира или просто вымершим.

— А я другого не понимаю, — поддержала Конана Асгерд. — Почему они все так уперлись в это непонятное «искажение»? Тьма, свет, любовь, красота — для нас это всего лишь слова, означающие какие-то определенные вещи и явления, а для них... Они относятся к этим совершенно умозрительным понятиям с полной серьезностью. Иначе не устраивали

бы таких жутких представлений, как с госпожой Нэрвен.

— М-да, довольно оригинальный способ переубеждать своих противников, — согласился Гвай. — Каждый, по-моему, в определенной мере прав. Рота-Всадник первым уяснил, что Сотворенный мир нуждается в развитии, а не в созерцании. И начал создавать «малое творение». Альбы же предпочитают наслаждаться чистой красотой мира, пытаясь предотвратить его старение, оставить таким, каким он был изначально. Путь альбов никуда не ведет, по крайней мере с точки зрения краткоживущего человека...

— Ты абсолютно прав, гость... — вдруг громыхнуло за спинами охотников.

Это был Рота. Самолично. Каким, интересно, образом всадник-великан на своем коне-монстре умудрился неслышно догнать Ночных Стражей?

Повелитель Полуночи был один. Никакой охраны, обязательной свиты, составленной из древних чудовищ, почему-то вполне сносно уживающихся с людьми... Черный Всадник остановил коня под сенью вековых деревьев и спокойно смотрел на охотников, тоже натянувших поводья. Сартак, принадлежащий Конану, поглядывал на Роту и его пыхающего огнем скакуна с недоверием.

— Я решил попроситься с вами, — пророкотал Рта тяжелым басом. — Прошу простить, если то, что вы видели в крепости Артано оскорбило ваши чувства. Вы не можете понять нас...

— Э-э... Благодарю, Владыка, за добрые слова... — выдавил Гвай, опомнившийся первым, но Рота сразу перебил:

— Я не ваш владыка. И никогда им не буду, хотя бы потому, что знаю — мне недолго осталось пребывать в этом мире. Слишком уж многим Силам я испортил кровь, битва с ними неизбежна и я не думаю, что смогу ее выиграть. Случится это завтра или через тысячу лет — неважно.

— Но ведь это ты стал причиной искажения? — осмелился высказаться Эйнар, смотревший на Роту с нескрываемой боязнью. Оно и понятно, броллайхэн как Дух Природы, куда лучше беспечных людей сознавал, кто именно находится перед ним и какая неизмеримая мощь Стихии Первородного Огня скрыта под телесной оболочкой Всадника.

— Искажения? — Рота улыбнулся углом рта. — Самое смешное в том, что никто не знает, что именно означает это слово. То, что я научил длинноухих, а потом и людей, творить новые сущности своими руками и собственным разумом, а не бесцельно бродить по миру, наслаждаясь застывшей красотой сотворенного?.. Элентари, Бессмертные, далеко не безупречны — мало того, что они изначально заигрывали с тем, кого ныне считают заклятым врагом. Они были и всегда останутся по натуре своей «бальзамировщиками», хотя есть пирог Большого Творения так, чтобы от него не убывало: жить в смертном, историческом мире и в то же время делать все возможное, чтобы остановить в нем всякие изменения, задержать историю, прекратить рост, хранить мир неизменным для собственного удовольствия, пусть наполовину пустынным. Это желание неизменности и пустая болтовня об Искажении однажды приведет к гибели их народа, полагающего, что только они имеют привилегированное положение, как Самого Первого, Изначального...

— В наши времена альбов уже давно не существует, — осторожно сказал Гвай. — Они покинули Смертный мир. Осталось только несколько немногочисленных семей, и те прячутся от людей, которые не приемлют чужаков.

— Вот тогда и задашь себе вопрос: к чему были все эти бесконечные войны, разорения и катастрофы, — проговорил Всадник Полуночи, — если в вашу эпоху как меня, так и

Бессмертных позабыли новые хозяева мира? Хотелось бы узнать, почему именно люди оказались благословлены Силой Творящей, Которая Вне Мира... Болезненные смертные однодневки, появление которых сначала показалось мне Ошибкой Высших Сил.

— Может, потому, что мы умеем использовать блага Творения? — предположил Гвайнард. — Изменяем Универсум своими руками? Творим сами? Знаем, что такое добро, а что — зло?

— Я — это «зло»?

Гвай покачал головой и медленно ответил:

— Не знаю. Никто и ничто не может быть злым изначально... Можно, мы поедем?

— По дороге к Вратам Эпох вас будут незаметно оберегать от опасностей, которых множество в этих лесах, — склонил голову Рота. — Так или иначе Врата скоро закроются, пятисотлетний цикл завершен. Возможно, они уже никогда не будут открыты — если разрушится Цепь Равновесия, то ее волшебство не сможет отпирать проходы в грядущие эпохи...

— Постой-постой! — встрял киммериец. — Ты хочешь сказать, что порталы открываются не по случайности, а по желанию того, кто владеет Тремя и Семью?

— Тремя... — Рота поднял затянутую в перчатку руку и коснулся стальной короны с Камнями Венца. — Я всегда хотел хоть краешком глаза взглянуть на будущее, и камни Познания, Творения и Жизни, используя силу прочих Семи камней создавать проход туда, где осталась лишь память и скорбь. Очень скоро он будет заперт, не беспокойтесь. Магия нашего мира останется здесь, в нашем настоящем. Прощайте!

Черный конь всхрапнул, развернулся и бесшумно исчез за деревьями. Вокруг Ночных Стражей лишь шумел пустынный девственный лес.

— И что ему было от нас надо? — вздернула плечи Асгерд. — Я так и не поняла.

— Он чувствует себя виноватым, — тихо ответил Эйнар. — Перед вами, людьми. Перед будущими поколениями. Виноватым за то, что не сумел уберечь мир от разрушения. Не от изменения, а именно разрушения. Рота тоже любит его. Пусть и по своему. Едем!

— Знаете, — подал голос киммериец, одновременно подталкивая сартака в бока каблуками сапог. — У меня такое чувство, что лицо Роты мне знакомо. Я его видел когда-то раньше! У нас, в Хайбории!

— Если только во сне, — рассмеялся Гвай. — Забудь, он просто на кого-то похож.

— Может быть... — буркнул в ответ Конан. — Очень может быть.

Перед мысленным взором киммерийца неожиданно появились невысокая часовенка из черного с блестящей камня, стоящая на пустыре квартала Нарикано в Шадизаре и девушка-жрица с тощим котом на плече. Почему-то вспомнилось название «Храм Неудачников» и имя высокорослого мага, постоянно приходившего к скромной шадизарской часовне — Хасти...

Конан потряс головой, будто мокрая собака и наваждение исчезло.

Впереди была долгая дорога домой.

* * *

Всадники направились к Вратам более короткой дорогой — вдоль берега реки, в

отличие от неторопливых и обстоятельных Дарвингов, петлявших по звериным лесным тропкам на пути к Волчьему Острову. На следующий день Эйнар-броклайхэн почувствовал, что от скал на противоположном берегу широкого потока исходят волны могучего волшебства, которое, по словам Эйнара, «окрашено в красное, будто магия Равновесия».

...А там, под толщей буроватого гранита, хранился открывающий Великую Цепь камень — огромный рубин, носивший имя Каримэнон. Никто из охотников не мог и предположить, какое влияние на судьбы грядущего окажет Альый Камень, с волшебством которого Конан из Киммерии еще встретится спустя восемнадцать тысяч лет по счету мира древнего, или через полное десятилетие по меркам Хайбории.

* * *

Над туманным куполом по-прежнему парила огромная летучая мышь. Только после того, как последний гость из грядущего покинул древний мир, она устремилась к пылающей заревом Полуночи — доложить Властелину, что гости теперь в безопасности...

— Я вполне удовлетворен вашим рассказом, — сказал Рэльгонн, и аккуратно откусив кусочек от хорошо прожаренной ножки куропатки, прожевал нежное мясо своими чудовищными зубами. — Вы хотели попасть в приключение — ваше желание исполнилось. Признаться, я бы с большим удовольствием остался здесь подольше, поскольку древний мир гораздо интереснее, нежели скучная Бритуния.

— Да уж, действительно, у нас дома сплошная скукотища! — саркастично воскликнул Конан, сидевший у костра как раз напротив упыря. — Вампиры, мантикоры, болотные ящеры, оборотни за каждым кустом, нечистая сила — стаями, монстры — стадами. По мне — так это здесь скучно. Представьте, как бы мы развлеклись, напади на нас хоть какой-нибудь захудаленький Пламенный Бич! Так нет же! Эти чудовища смотрели на нас, будто на равных. Не удивился бы, пригласи меня валарауко выпить пива.

— Только о пиве и думаешь, — огрызнулась Асгерд. — А нам еще к светлейшему герцогу Варту надо возвращаться, объяснять его милости, что пока портал открыт, происходящие в Восходной Бритунии безобразия мы остановить не в силах.

— А я как же? — осторожно осведомился молчаливый барон Дортон. — Мой замок, эти кофийцы странные... Нужно ведь что-то делать!

— Наплюй, — скривился киммериец. — Приедем в Райдор, подашь жалобу герцогу. Варт мигом снарядит дружину и его гвардейцы мигом выбьют твоих приятелей из замка, а тех кто уцелеет, повесят на воротах. Кстати, Рэльгонн, какие новости в родимой Хайбории?

— Самые обычные. Все дерутся, друг друга душат, словом — идет нормальная человеческая жизнь. А если серьезно — в замке Дортон я побывать не успел, но точно знаю, что гоблины Гардага выполняют договор и присматривают за округой. Чудеса, связанные с истекающей через Врата Эпох магией, несколько пошли на спад, начинавшуюся эпидемию бубонной чумы власти герцогства остановили весьма решительными действиями. Но так или иначе вам надо возвращаться — нечисти наплодилось сверх всякой меры, без Ночных Стражей не обойтись. Я со своими родственниками пытаюсь помогать напуганным обывателям, но вы же отлично знаете, что каттаканы могут действовать только ночами, причем скрытно — иначе нас самих за нечистую силу примут. Между прочим, это здесь ночь только начинается, а в Хайбории скоро рассвет. Предлагаю закончить ужин и как можно скорее пройти через Врата.

Рэльгонн указал на колыхавшуюся в отдалении стену голубовато-серебряного тумана, закрывшего ночной лес.

— Пожалуй, так и сделаем, — согласился Гвайнард. — Эйнар, сполосни котелок и миски в ручье. Конан и Олем, займитесь лошадьми, а я пока мешки собираю...

Вскоре отряд направился к невесомому окоему. Скакунов вели за поводья, хотя никакого беспокойства они не проявляли. Только сартак Конана, как существо полуразумное и даже в чем-то магическое, трепетал широкими ноздрями, приняхиваясь — видимо чувствовал, как в незримый проход между прошлым и будущим вливается поток волшебства, порожденный Цепью Равновесия.

Первым в облако тумана вошли Рэльгонн и Гвай, за ними Эйнар с Олемом и Асгерд. Только киммериец на мгновение остановился и бросил взгляд на далекие горы, неразличимые в ночной тьме.

Затмевая блеск звезд на Полночи мелькали багровые сполохи и мерцали оранжевые искры. Три вулкана, рядом с которыми стояла Астахэнна, великая крепость Роты-Всадника, не прекращали исторгать поднимавшееся в небеса пламя.

— Эх, Хасти, — покачав головой, шепнул Конан, обращаясь к далеким полосам огня. — Неудачником ты был, неудачником и останешься.

Спустя миг варвар уже был дома — в Хайбории.

Здесь пахло дымом.